
Червонное золото
Антонио Форчеллино
Любовь. предательство, смерть

Червонное золото

Антонио Форчеллино

Аннотация
Антонио Форчеллино. Червонное золото
ПРОЛОГ
I. ГРОТ АРТЕМИДЫ
II. ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ
III. ПАЛАЦЦО ФАРНЕЗЕ
IV. КОМНАТА С ВИДОМ НА ТИБР
V. ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО
VI. КРЕСТИНЫ В ПАЛАЦЦО МАДАМА
VII. ПОДОЗРЕНИЯ
VIII. КИСТИ МИКЕЛАНДЖЕЛО
IX. ТАЙНЫЙ СОВЕТ В ОРВЬЕТО. (ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ)
X. ЗОЛОТАЯ ГОРА. (ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ)
XI. ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ
XII. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
XIII. УБИЙСТВО ПЬЕРЛУИДЖИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Аннотация

1545 год. Маргарита, куртизанка, чья красота стала легендой, живет затворницей в Венеции, поражая горожан своими роскошными волосами цвета червонного золота и загадочной чувственностью. Увидев Маргариту на портрете кисти Тициана, в нее влюбляется кардинал Алессандро Фарнезе, внук папы Павла III, и предлагает ей переехать к нему в Рим.

В изысканной обстановке Вечного города Маргарита оказывается вовлеченной в кровавый водоворот амбиций и страстей.

Сквозь переплетения предательства и лицемерия в романе могучим фоном просвечивает Рим. Это город блестящий и ужасный, но яркие контрасты и противоречия делают его неотразимым.

Антонио Форчеллино
Червонное золото

ПРОЛОГ

Кардинал Эрколе Гонзага, герцог Мантуанский Эрколе II д'Эсте, — герцогу Феррарскому, лично в руки, зашифровано.

Глубокоуважаемый синьор герцог, с братским почтением.

Сегодня утром в большом дворе Пармского замка было найдено занесенное снегом тело нового герцога Пармы Пьерлуиджи Фарнезе, сына Его Святейшества Павла III. Герцог был наг, сильно разбился при падении, и на шее у него болтался пояс из цветной ткани. Это все, что удалось узнать моим агентам.

Пока не выяснено, от чьей руки погиб сын Папы.

Король Франции с самого начала противился созданию нового герцогства у границ принадлежащего ему герцогства Миланского, за которое он столь упорно сражался. Венецианцы также были против наглости семейства Фарнезе, замыслившего создать новое государство на том берегу По, где сосредоточились вожделения всей Европы.

Я отправил своего человека, который будет докладывать мне о развитии событий. У меня есть еще агенты, и как только я получу достойные доверия сведения, я тотчас же перешлю их вам через вашего посла.

Вам известно, какую преступную жизнь вел сын Папы и сколько он сделал зла, в особенности мне. Однако мучительная смерть настигла его явно не от руки придворного убийцы. Скорее мы имеем дело с местью, какой не знавала еще история.

Учитывая то, как он боялся, что его убьют, и каким количеством стражи себя окружал, было бы невероятно представить, что он один вышел из дворца в ночное время.

Только дьявол мог совершить такое злодейство, и теперь у лютеран появятся все основания говорить, что через зверское убийство сына Папы себя явил Антихрист.

Да простит Господь наши и чужие грехи.

Мантуя, 2 января 1546 года.

I
ГРОТ АРТЕМИДЫ

Не отрывая взгляда от раскрашенного распятия на стене, женщина поднялась с колен. Сестра Анджела увидела ее сразу, как только та вошла в полосу света, проникавшего сквозь узкие окна правого нефа. Монахиня заметила, как женщина входила в церковь с час тому назад, но никак не предполагала, что все это время та провела на коленях перед алтарем поперечного нефа.

Женщина была высока ростом, одета в черное бархатное платье, и, когда она вышла из полутьмы нефа, вуаль, скрывающая ее лицо, сверкнула жемчужинами.

Подойдя к монахине, она надменно произнесла:

— Да будет славен Христос, сестра.

— Да будет. Могу я что-нибудь сделать для вас, синьора?

— Я пришла взглянуть на статую.

— На статую? На какую статую? Их здесь столько, и все они у вас перед глазами.

Так, словно сестра Анджела ничего не говорила,

Рената Французская, герцогиня Феррары, решительным жестом достала из замшевого кошеля два золотых дуката и протянула монахине:

— Это на церковь.

Сестра Анджела впилась глазами в вуаль, пытаясь разглядеть лицо женщины, и протянула руку за монетами. Такую сумму редко удавалось собрать и за целый месяц.

— Статуя… уже давно никто не приходит на нее посмотреть, и в народе вокруг монастыря ходят всякие странные россказни… вот мы и стараемся быть осторожнее, поменьше о ней думать, а иногда и вовсе о ней забываем. То есть забывали до этого утра, пока другая синьора не попросила о том же, о чем и вы. То совсем никого, а то сразу две дамы о ней спрашивают… Пойдемте, я провожу.

Она открыла дверь во внутренний дворик монастыря, и, сделав несколько шагов, женщины оказались под портиком с колоннами разной формы и сводами, расписанными выцветшими фресками. Посреди сада бил фонтан, обрамленный камнями, и выросший на них мох заглушал журчание воды. Сестра Анджела провела гостью в апельсиновый сад, выходивший на вздувшийся от дождя Тибр.

— Да у вас здесь чудесный вид! А как пахнут

апельсины!

— Тридцать лет назад, когда я сюда приехала, все выглядело куда более ухоженным. Посмотреть на статую съезжались люди со всей Европы. А потом все меньше и меньше, и вот теперь не приезжает никто.

Сестра Анджела говорила, не оборачиваясь; верхний край ее накидки задевал нижние ветки, раскачивая все еще зеленые плоды.

— Неужели теперь никого не интересует жестокая Артемида, Диана Эфесская[1]?

— Нынче ее никто так не называет, ее считают ведьмой: нашему епископу говорят, что мы ее весталки и служим языческому идолу.

— Языческому идолу? Но ведь последние папы только и делали, что коллекционировали статуи языческих божеств. Их везли в Ватикан с большими почестями, чем статуи христианских святых. Культу Дианы посвящено много храмов в лесах

---

[1] Примечания: 1

В образе Артемиды соединились представления о различных божествах. Ее почитали как богиню растительности, животных, плодородия и богиню луны. Соответственно, с просьбами к ней обращались чаще всего охотники, землепашцы и скотоводы, а также роженицы. Со временем образ Артемиды обрастал множеством противоречивых черт: так, например, богиня плодородия стала девственно целомудренной богиней охоты. Статуя Артемиды из Эфеса в Малой Азии изображала Артемиду как мать-кормилицу с множеством сосцов, копии этой статуи украшали святилища богини во многих городах. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

и гротах, так что немудрено, что один оказался и здесь, на Авентине.

— Во всяком случае, никто не желает о ней знать, а народ считает, что она способна на любую пакость.

— Вот уж не думала, что столкнусь с такими суевериями в самом центре Рима. Для любителей старины она всего лишь прекрасная статуя, самая привлекательная в городе.

Сестра Анджела промолчала. Они подошли к краю сада, и дальше тропинка вела в лес. В скале над обрывом виднелся недоступный снизу грот Артемиды. Внизу под скалой раскинулся Рим. Дома громоздились красными и лиловыми пятнами, фасады из пуццолана[2] чередовались с белизной античных дворцов. Явно уступая им в грандиозности, зато превосходя количеством, повсюду виднелись колокольни католических церквей, выстроенных после падения Рима цезарей.

Сестра Анджела раздвинула ветки мирта, закрывшие вход, и тут же со сдавленным криком отпрянула назад. Из полумрака грота ей навстречу шагнула женщина.

---

[2] Примечания: 2

Пуццолан — вулканическая порода, которая широко использовалась в строительстве.

В первое мгновение Ренате показалось, что из грота вышла сама Диана, но потом она вспомнила, что познакомилась с этой женщиной накануне вечером. Ее волосы отливали червонным золотом, а из-под ровно, как две радуги, выгнутых бровей смотрели зеленые глаза. И все лицо ее светилось, словно освещенное радугой: яркие, полные губы, кожа, едва тронутая легким загаром, ослепительный жемчуг улыбки.

— Маргарита, ты тоже здесь! Я сделала глупость: если б я знала, что ты сюда собираешься, пошла бы с тобой. А то я просила Витторию сопровождать меня, но она была занята, и вот я пришла одна. Мне было лет десять, когда мой учитель греческого, Вильгельм Реймсский, рассказывал мне о статуе, и мне давно хотелось на нее взглянуть. Скажи, она и вправду так тревожит и пугает?

— Вы сами увидите, герцогиня, а мне уже пора. Надеюсь, мы увидимся нынче после обеда.

— О, конечно, приходи сегодня после обеда.

Рената вдруг замолчала, словно смутившись.

Маргарита пришла ей на помощь:

— Лучше вы приходите ко мне, во дворец Фарнезе. На него стоит посмотреть, хотя строительство еще не закончено.

— Наверное, так будет лучше. Я рада бы пригла-

сить тебя, но я сама на правах гостьи, и…

— Понимаю, не беспокойтесь. До встречи, я жду вас.

Она приподняла юбку, почти бегом взбежала по тропинке и скрылась в апельсиновом саду.

Сестра Анджела отвела ветви кустарника, и Рената вошла в грот. Скудный свет, проникавший от входа, заставлял статую светиться в полумраке. Она была чуть выше обычной женщины, голова и руки изваяны из черного мрамора, а все остальное: необычное многогрудое тело, гирлянды фруктов и хоровод зверей вокруг — из белейшего паросского. Глаза из темного агата светились в полумраке голубыми огоньками.

Выражение лица Богини Матери вовсе не пугало, хотя о ее культе и ходили зловещие легенды: чтобы сделать землю плодородной, она требовала человеческих жертв. Взгляд ее глаз был и вправду странен, в нем читалось полное равнодушие и к поклонению, и к многовековому ужасу, окружавшему Артемиду Эфесскую. Казалось, ветви мирта напитали своим горьковатым ароматом белый мрамор. Слегка согнутые, призывно раскинутые в стороны руки под холодным и загадочным взглядом обещали роковые объятия.

Рената не отважилась подойти ближе к статуе.

До пояса ее украшали как бы налитые молоком груди. Ниже таза находились ожерелья из зверей и фруктов, которые, уменьшаясь книзу, обвивали ноги статуи на порфирном цоколе. Венок из зверюшек с раскинутыми лапками красовался на голове Артемиды, как нимб Пречистой Девы.

— Вы, должно быть, слышали множество разных высказываний, не таких глупых, как мои, и составили себе собственное мнение о Богине Матери. Скажите, вы тоже думаете, что все эти груди и выпуклости на самом деле мужские яички, которым поклоняются как дару плодовитости?

Сестра Анджела внезапно обиделась на откровенное бесстыдство слов Ренаты. Монахиня опустила глаза. Улыбка исчезла с ее лица.

Уставившись в хмурое лицо сестры Анджелы, Рената продолжала тем же насмешливым тоном:

— Понимаю, вы в это не верите. Вы ведь понятия не имеете о мужском естестве. Это мужчины повсюду готовы хвастаться символами своей мужской силы. Теперь я увидела статую и убеждена, что в теле Великой Матери нет ничего мужского. Плодородие и жизнь в Азии были исключительно женскими атрибутами. И в те времена мужчинам тоже принадлежало только

право убивать. Если верить легендам, то именно мужчины перерезали горло детям, предназначенным в жертву богине. Да, Богиня Мать жестока. Но она существовала еще до самой земли, и только в ней женщины искали защиты от мужчин и их богов.

Герцогиня немного помолчала, чтобы прибавить торжественности своим словам.

— И кажется, многие ищут до сих пор.

Подойдя к статуе, она заметила у голых ступней Артемиды какое-то яркое пятно, которого раньше не разглядела: это были два еще зеленых апельсина и красный цветок. Она нагнулась, чтобы лучше рассмотреть их.

— Ну вот, теперь я вижу, что и вы поклоняетесь богине, — сказала Рената с улыбкой.

Сестра Анджела была уже в годах и ее объемистые бока распирали черную рясу, но она, как кошка, прыгнула вперед, схватила апельсины и забросила их далеко за кусты у входа.

— Бог с вами, синьора, что вы такое говорите. Должно быть, их ветер сбросил, или зверь какой, или птица.

Монахиня перекрестилась.

— Не понимаю я, что вы там говорите про какие-то выпуклости, я редко хожу в грот. А теперь

прошу меня извинить, мне надо вернуться в церковь. Скоро дон Паоло начнет служить мессу, а у меня еще алтари не готовы. Оставайтесь, сколько хотите, заблудиться здесь невозможно. Смотрите только, не уколитесь о мирт.

— Почему вы не расчистите вход?

— Потому что тогда статуя будет видна с Тибра и лодочники начнут судачить про нее и про нас. Кроме того, в июне мирт цветет, как розовый куст.

— Артемиде нравятся его маленькие цветки?

— Нет, но они превращаются в ягоды, из которых мы делаем мазь от глазных болезней. Весь Рим приходит за ней.

Сестра Анджела сделала шаг и остановилась, заметив на земле что-то белое.

— Не вы ли это обронили, синьора? — сказала она, протягивая Ренате маленькую тетрадь без обложки, исписанную ровным мелким почерком.

На первой странице была надпись по-французски: «Les ouvres et les jours». «Труды и дни». Рената с любопытством взглянула на нее:

— Должно быть, это принадлежит Маргарите — моей знакомой. Я сегодня же ей это верну.

И книжечка исчезла в складках черной бархатной юбки.

Когда сестра Анджела отошла, герцогиня снова принялась разглядывать статую, очарованная лицом, черты которого казались жестче из-за черного мрамора, и роскошным телом. Его покрывали несметные богатства: фрукты, животные, драгоценности и бесчисленное множество изображений прекрасных женских грудей. Никакая Дева Мария, никакая святая не обладала таким мощным энергетическим посылом. Рим вбирал в себя все, и монахини из этой затерянной в роще обители взяли на себя сохранение культа Артемиды — Богини Матери.

Рената нашарила в кармане привезенное из Феррары ожерелье из красных арденнских ракушек, которое обычно дарят невестам, чтобы те были здоровы и рожали мальчиков. Она пронесла ожерелье над головой богини и еще несколько мгновений вглядывалась в черное мраморное лицо. Потом вышла из грота и пошла назад по тропинке, держась поближе к стене, чтобы не зацепиться за колючий мирт.

Садовая скамейка из двух оленьих голов из туфа, соединенных мраморной плитой, напомнила ей, что надо бы отдохнуть. Небо заволокло, но холодно не было. Отсюда открывался весь город, красный от кирпичных строений, и Тибр,

омывавший зеленоватыми волнами остров Тибертина. Рената вытащила тетрадь и с интересом вгляделась в строчки, написанные по-французски. Это были заметки о статуях, которые Маргарита видела в Риме. Герцогиня поднесла книжечку к лицу, и на нее пахнуло запахом мускуса и вербены. Страницы были перехвачены желтой ленточкой, и она осторожно ее развязала. Ровные строчки мелких, изящных, как виньетки, букв побежали у нее перед глазами. Когда Рената наконец поняла, что читает чужой дневник, то, вздрогнув, инстинктивно отпрянула, но оторваться уже не смогла: рассказ Маргариты буквально пригвоздил ее к скамейке, до тех пор пока с неба не упали первые капли дождя.

II
ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ

— Да простит меня ваше превосходительство, но дело очень важное. После двухнедельных боев турки взяли Буду и находятся с войском в двести тысяч человек в трех днях пути от Венеции. Капитан Барбаросса высадился в порту Корфу, ночью собрали Большой Совет, и не хватает только вас.

Шепот раздался над самым ухом и разбудил меня. Свет, проникавший сквозь отверстия в выдвижных рамах, затрепетал на потолке: по каналу прошла гондола. Потом игра света успокоилась, и потолочные фрески потонули во мраке.

Я увидела, как ягодицы лежавшего ко мне спиной мужчины быстро впрыгнули в черные с красной отделкой штаны. Высохшая благородная задница принадлежала дожу Венеции Альвизе Дандоло. Он бросил на меня отчаянный взгляд и выскользнул в дверь, держа в руках объемистую кипу атласа, льна и расшитых золотом лент. Потом створка двери снова приоткрылась, и он подбежал к постели.

— Маргарита, простите меня, чуть не забыл,

спасибо, я найду вас.

И он почтительно положил у ложа кошелек с двадцатью дукатами.

Я нехотя поднялась и натянула на сорочку желтое бархатное платье, не по сезону тяжелое.

В первых лучах солнца в залах маячили хмурые фигуры, которые накануне тоже праздновали славу и могущество Венеции и тоже были некстати разбужены шепотом стражников.

У служебного выхода из дворца стража отсалютовала мне сластолюбивыми усмешками. Кто их знает, что у них в голове, и какое им дело, как я провела ночь. А может, я просто утешала дожа от многих печалей, из-за которых он стал неспособен на любовные объятия.

Свежий утренний воздух взъерошил мне волосы, «медную гриву», как называл их художник, к которому я направлялась. Запах гнили, несущийся с моря, смешивался с запахом первых цветков персидского жасмина. Его заботливо выращивали в своих садах жены моряков. С этими цветами мужья забывали о грешных объятиях девчонок из приморских борделей.

Я прошла почти пустынную площадь Сан-Марко. Фламандцы уже проснулись, и над каналами мелькали их взъерошенные головы и широкие,

как блюдца, воротники.

Венецианцы еще спали, а длинноволосые голландцы и немцы в длинных черных лапсердаках уже работали вовсю: деловито сновали по площади, приветствовали друг друга и явно пытались организовать под портиками старой библиотеки биржу наподобие той, что имели для торговых сделок в Амстердаме. Они, без сомнения, даже в такой ранний час узнавали меня, но смущенно склоняли головы, словно перед ними была монахиня. Хуже было столкнуться с маврами, которые тут же подходили, облизывая мясистые губы розовыми телячьими языками и похотливо улыбаясь, а некоторые хватали у себя между ног вздыбившуюся плоть и выставляли ее напоказ под разноцветными туниками.

Я свернула к Сан-Поло и перешла мост Риальто, уже кишащий торговцами. На деревянных досках, коврах или просто на вощеной ткани, расстеленной прямо на камнях, лежал товар. Стайка ребятишек, вылетев из-под портика, едва не сшибла меня с ног. Кто-то издалека отпустил комплимент моей красоте.

Я подошла к дому художника через каменную арку, где были свалены дрова, дерево для расписных столов и мраморные доски с нарисованными

танцующими женщинами. Дверь была заперта, и пришлось подождать, пока Мария, старая служанка со скрюченными ревматизмом руками, отодвинет один за другим засовы.

— Благословенное дитя, как вы прекрасны, даже в такой ранний час! Скольким принцессам нужны часы, чтобы приготовиться к полуденному выходу и покрыть лицо слоем белил. Входите, входите, старик уже почти готов, проходите в студию. Принести вам чего-нибудь поесть? Может, печенье и стаканчик вина?

— Спасибо, Мария, немного фруктов, если найдется, и воды.

— Конечно найдется.

Я вошла в студию и начала раздеваться. Одетой я оставалась не более получаса. Улегшись на постель, я постаралась принять нужную позу. Это было нелегко. Чуть приподнятая спина покоится на подушках, правая рука спускается с ложа, давая свету беспрепятственно осветить грудь, бока и изгиб ягодиц. Ноги полусогнуты и чуть разведены в стороны, и должно быть ясно, что они вот-вот раскроются и уже не сомкнутся. Голова повернута налево, к самому большому в Венеции каналу, который я разглядываю в окно. Солнце еще не пришло к этой точке, но скоро

начнет освещать сверху мою грудь.

Я укладывалась, ища позу, когда дверь открылась и в студию вместо старого художника вошел его друг писатель Аретино[3], известный в Венеции острым умом и коварством. Ему было лет шестьдесят, и бархатный оранжевый кафтан с опушкой из волчьего меха придавал импозантность его и без того массивной фигуре. Под бородой угадывался сильный, решительный рисунок нижней челюсти. Но особенно меня поразили руки. Крепкие, с короткими коренастыми пальцами, они, казалось, принадлежали плотнику, и трудно было представить себе, как в них выглядит гусиное перо. Он не спеша, без смущения подошел ко мне. Моего взгляда он не искал, но лихорадочно обшаривал глазами каждый изгиб моего тела. И я растерялась, хотя и привыкла раздеваться на глазах у мужчин.

— Великий боже… Да, он оказался прав, вы и в самом деле самая красивая женщина Венеции.

Он положил мне руку на колено и тыльной стороной пальцев провел по внутренней части бедра. Ласка была умелой, и я не смогла сдержать дрожи. Добравшись до лобка, он окунул кончики

---

[3] Примечания: 3

Пьетро Аретино (1492–1556) — итальянский сатирик и драматург эпохи Возрождения.

пальцев в рыжие завитки:

— Золотое руно Ясона, чистое червонное золото, гораздо теплее того, которым мастера мозаики с острова Мурано покрывают нимбы над головами святых.

Помимо воли я раздвинула бедра. Мужчина был опытен и сразу это заметил. Глядя мне прямо в глаза, он скользнул толстым средним пальцем в лоно, погрузив его целиком между малыми губами. Изумление буквально пригвоздило меня к подушкам, и вздох, который вырвался у меня, шел не из груди, а откуда-то из живота. Я отодвинулась, схватила его за руку, выпихнув из себя, и стиснула ноги.

— Не пугайтесь, девочка, я больше не гожусь для любви. Я бы с радостью отдал все, что имею, в обмен на член, способный заполнить вашу прекрасную розовую раковину. Но годы и беды сделали свое дело: я смелый только на словах. Глядите, убедитесь сами, как присмирел старый сатир, который не в силах одолеть импотенцию.

С этими словами он взял мою руку и поднес ее к гульфику элегантного платья, который топорщился только складками ткани. Сразу отдернув руку, я все же успела ощутить мягкий комочек, который мог быть чем угодно: дряблой железой,

яичком или и тем и другим вместе, но ни в коем разе не желанным детородным могуществом.

— И это перед такой красотой, понимаете? Перед таким воплощением чувственности тело мое не может проснуться. Можете представить себе вожделение старого быка без надежды на то, что от него удастся излечиться или, по крайней мере, о нем позабыть! Вы — произведение искусства, самое волнующее из тех, что создала природа и что живут и радуют глаз. Вся ваша сила в нашем желании. В моем и в желании того великого художника, что рисует вас, чтобы передать свое восхищение миру и будущему владельцу картины. Вы — та красота, с которой мы безуспешно пытаемся сражаться, подчиняя ее, насилуя и приручая, а когда наконец разрушаем, то с отчаяния готовы наложить на себя руки.

Он уселся в кресло, утонув в подушках и собственных словах.

Я поднялась, надела льняную рубашку и подошла к столу, где стояла керамическая миска с водой, в которой плавали розовые лепестки. Художник замачивал лепестки с вечера, чтобы мое лицо без косметики сохраняло свежесть: потом он попытается кистью передать на холсте запах моей кожи.

Я умыла лицо розовой водой, но отвращение не проходило. Мне не хотелось разговаривать с этим человеком. Поток слов заморочил мне голову. За счет своего красноречия он и пробился в Венеции, где все, однако, знали его жадность и тщеславие.

На мое счастье, в студию вошла Мария. Она тоже не питала к Аретино симпатии, хотя и знала его много лучше. Она искоса, вызывающе на него взглянула и поставила на стол блюдо с яблоками и сливами.

— Первые в этом году, их прислали с Крита, завернутыми в солому, в подарок маэстро. В доме их никто не ест, они должны сделать вас еще красивее. Помпонио поглощает только мясо и сыр, хотя врач усиленно рекомендует ему зелень и фрукты. Бесполезно: курица, курица и еще раз курица, а для разнообразия жаркое из барашка. На счастье его бедняги отца, виноградники Кадора дают хороший урожай, и крестьяне регулярно присылают этот дар Божий. Но никто, кроме Помпонио, вина не употребляет. Бедный хозяин, хоть бы тень его благоразумия перешла к сыну.

Писатель, с интересом слушавший эти жалобы, расхохотался:

— Это верно, с сыном маэстро не повезло. Одно

имя чего стоит. Вот уж воистину in nome omen[4]. Мы, литераторы, хорошо это знаем. Ну хоть в этом мне повезло больше. Я не обладаю божественным даром маэстро, но моя дочка — кладезь добродетели и не могла бы сделать меня счастливее, чем я есть. Он писал ее портрет и сказал, что она единственная в мире женщина, которая не излучает зла. Сама невинность.

«Старый похотливый импотент, ты являешься, пускаешь слюни у меня между ног, разглагольствуешь о красоте и чувственности, а потом восхваляешь чистоту и невинность дочурки».

Мария, наверное, прочитала мои мысли, потому что скорчила гримасу, явно подтверждающую мое мнение о том, чего стоят нудные рассуждения великого писателя в образе любящего отца.

Наконец вошел Тициан. Вид у него был отдохнувший, кончик горбатого носа покраснел от утреннего холодка. Борода болталась, как моток белой шерстяной пряжи, а маленькие черные глазки впились сначала в картину, потом в меня. Он сразу понял, что картина была еще далека от живой красоты, а его друг проявил назойливость.

---

[4] Примечания: 4

Все дело в имени *(лат.).* Аретино намекает на значение имени: Pompon — помпон, плюмаж на берете, словом, что-то маловажное и декоративное.

Он направился к писателю, который театральным жестом склонился перед «величием таланта, заслуживающего княжеских почестей».

— Дражайший друг, вы собирались посмотреть на красивейшую из женщин Венеции, но не приставать к ней.

— Приставать… Что за выражение! — обиделся Аретино. — Друг мой, вы прекрасно знаете, что я всегда с почтением относился к красоте. Я только удостоверился, что передо мной создание из плоти и крови, а не видение.

— И как вы нашли эту плоть, синьор, вам понравилось?

— Да полно, всего лишь невинная ласка. Мое восхищение распределилось между вашим творением и творением матери-природы, и…

— Ладно, не будем ссориться из-за несвоевременного визита. Но теперь, когда вы посмотрели и потрогали, не угодно ли будет дать нам поработать? Сейчас свет великолепен, но скоро станет слишком ярким, да и Маргарита не может вечно лежать на кровати у меня в студии.

— Как, вы прогоняете меня, как раз когда я намеревался насладиться вашим недостижимым мастерством, запечатлеть чудо вашего таланта, тот вызов, что вы бросаете природе, пытаясь

сделать ее еще более совершенной и заставить мужчин сходить с ума от изумления и вожделения сразу?

Тициан улыбнулся:

— Да, талант и природа — благодатные темы для обсуждения вечерком за обильно накрытым столом. Но сейчас нам надо работать, и мы не можем позволить себе отвлекаться. Я уже стар, мне трудно сосредоточиться, и краски быстро высыхают на палитре. Поговорим о таланте и природе, когда картина будет закончена, не беспокоя Маргариту. Она молода, и у нее есть чем заняться, прежде чем придет возраст умных рассуждений.

Он подошел к гостю, протянув руку, чтобы помочь ему подняться с кресла. Жест был недвусмысленным, и Аретино удалился со сцены, не забыв при этом бросить прощальный взгляд на рубашку, оттопырившуюся у меня на груди. Тициан был самым великим художником в Венеции, а может быть, и во всем мире. Власть имущие вились вокруг него, как осы вокруг меда, и не было случая, чтобы с ним обошлись непочтительно.

Услышав, что Мария закрыла входную дверь, старый художник улыбнулся мне почти радостно, словно желая подбодрить и давая понять, что инцидент исчерпан. Заправив выбившуюся прядь

волос под черную шапочку, он начал колдовать вокруг буфета орехового дерева, где разложил краски и кисти. Можно подумать, что без полного порядка в хозяйстве у него не получился бы порядок на холсте. В каждое углубление в палитре он бережно насыпал по горке сухого пигмента: синее небо востока, растертое в порошок, станет ляпис-лазурью, кровь диковинных животных, размешанная в яркую жидкую пасту, станет красной краской. А потом все эти разноцветные холмики, нанесенные на холст, чуть поменяют цвета, когда картину покроют прозрачным лаком оттенка герани или темной гаранцы, которым мне иногда нравилось покрывать ногти. Ни у одной женщины не было такого богатства оттенков румян, даже у Элеоноры Триссино, самой богатой в Венеции. Говорят, у нее есть целая комната, сплошь увешанная зеркалами и уставленная чашечками с пудрой, кремами и сирийскими мазями.

Тициан капнул в краски по несколько капель льняного масла, чтобы добиться нужной консистенции, удобной для кистей, аккуратно обернутых в хлопчатые тряпочки. Он размешал краску шпателем из светлого металла, ножичком удаляя с него насохшие кусочки. Потом замочил

шпатель в остро пахнущем скипидаре и снял с него последние крошки краски мягкой льняной тканью. После этого он поднес шпатель к свету, чтобы убедиться, что он чист.

— Свинцовые белила почти высохли за ночь.

Из глазурованной керамической баночки он набрал на шпатель немного густого, как неотжатый сыр, белого вещества и перенес его на деревянную палитру. Потом тронул свою грудь средним пальцем правой руки, как поступал всегда, желая сосредоточиться. Прищуренные глаза цепко нацелились на палитру, на картину, на меня.

— Попробуем сделать белый тон более теплым, иначе выйдет не простыня, а саван. — Он улыбнулся. — Я шучу, Маргарита: пока вы здесь, даже деревяшка затрепещет от той жизненной силы, что исходит от вас. Просто мне бы хотелось не такой холодной белизны.

Маленькой деревянной палочкой он зацепил из баночки яркой ядовито-желтой краски, которой пользовался мастерски, но с большой осторожностью, и смешал ее с белилами, добившись оттенка слоновой кости. Потом быстро схватил кисть из щетины шириной в два пальца, накрепко привязанной шелковой нитью к орлиному

перу, и подошел к картине, чтобы нанести отсвет на уже нарисованные простыни на постели.

— Ну вот, ваше ложе наконец готово: оно вобрало в себя теплый отсвет Греции и, уж позвольте мне сказать, вашего божественного тела.

Я снова нашла позу, изо всех сил стараясь угодить Тициану. Не надо было даже лишний раз просить меня чуть развести бедра. Зеленая вода канала качала лодки на поднятых апрельским ветерком волнах, я глядела на них и постепенно уносилась в те античные руины, которые воспроизвело на холсте воображение Тициана. Теперь он уже не спешил и, обмакнув в черную краску самую тонкую кисточку, выводил на фронтоне окруженного скалами храма прекраснейшие строки, которые Гомер посвятил Венере. От Венеции в этом пейзаже осталась только цветная дымка, в которой сливались очертания мраморных дворцов, сверкание витражей и особенный, низкий, холодноватый свет северного Средиземноморья.

Когда дымка постепенно растаяла и воздух стал прозрачным, Тициан отложил кисти. Яркий свет был хорош для флорентинцев, которые любили четкие контуры, но не для него, под чьей кистью все цвета и контуры соединялись в единую пеня-

щуюся массу цвета.

С того утра прошел почти год. И вот однажды Мария, со скрюченными ревматизмом руками, беспомощно торчащими в стороны, как крылышки у птенца, пришла пригласить меня к Тициану на ужин. Я с радостью приняла приглашение, как если бы оно исходило от друга, хотя с тех пор мы виделись всего пять-шесть раз и почти не разговаривали.

Весь вечер я выбирала из своего гардероба, предназначенного для оргий, подходящий к случаю наряд и остановилась на атласном гиацинтовом платье простого покроя, с открытой грудью, в глубоком вырезе которого виднелась тонкая плиссированная льняная блузка. Чтобы оттенить наряд, я надела самое броское из украшений, которым очень гордилась: золотую цепочку с висящим на ней орлом, осыпанным рубинами. Этот кулон был предметом зависти всех венецианских дам. Они ведь понятия не имели, какое наслаждение я получила, зарабатывая его в объятиях мавританского принца.

Надев этот наряд олицетворенного изобилия, я подозвала знакомого гондольера, который обычно в обмен на улыбку отвозил меня куда угодно.

Когда мы пристали к деревянному причалу

рядом с домом Тициана, уже начало темнеть. Дорогу гостям освещали два огромных факела у подъезда, окруженного массивными светильниками. У причала уже покачивались гондолы гостей, прибывших передо мной. Моряки переговаривались, и ритм их голосов совпадал с ритмом плеска волн. Слуга проводил меня до подъезда. На огромном розовом кусте распустились штук сорок роз, и с некоторых уже начали облетать лепестки. Их аромат обволакивал тело, как легкий туман, и закатное апрельское солнце золотило шапку красных бутонов, возвещавших о том, что пора цветения проходит.

Буйство света не уменьшило тревогу, охватившую меня перед этим званым ужином. Густо навощенные двери отворились, и я оказалась в зале, которого раньше не видела.

Мария с улыбкой проводила меня в столовую, откуда доносились звуки мужских голосов. Я задержала дыхание и вошла. Все мужчины: Пьетро Аретино, папский нунций Джованни делла Каза, посол императора Карла дон Диего де Уртадо де Мендоса и Тициан — стояли, держа в руках бокалы с вином. Немного погодя появился его светлость дож, от которого у меня остались в памяти только тощие ягодицы.

Хозяин дома вышел мне навстречу с обычным радушием, поцеловал руку и дружески взял под локоть. На нем была коричневая бархатная куртка с куньей опушкой, которая казалась продолжением редкой, мягкой бородки. Нунций изумился, что не видел меня раньше. Он приосанился, его манерная улыбка тотчас же померкла, и ее сменил цепкий взгляд опытного соблазнителя. Я знала о нем достаточно: у него было прозвище «дядюшка» из-за пристрастия к молоденьким девушкам, а его преданность семейству Фарнезе, и в особенности Алессандро, не имела границ.

Проследив восхищенный взгляд нунция, дон Диего встретился со мной глазами и тоже с готовностью осклабился. Только Аретино остался безразличен, может, чтобы я поверила, что он не собирается мне докучать. Меня представили гостям, которые, из уважения к хозяину дома, учтиво со мной раскланялись и рассыпались в изысканных комплиментах, надерганных из стихов модных в Венеции поэтов. Когда все начали рассаживаться, Аретино подошел, глядя на меня, словно мы всегда были знакомы. Он поднес к губам мою руку, и я почувствовала на коже его горячий, влажный язык. Не отрываясь от моей

руки, он прошептал:

— Простите ту первую нашу встречу. Это отчаяние от собственного бессилия сделало из меня тогда животное, но отныне я ваш преданнейший слуга. Можете рассчитывать на меня, как на любящего отца.

Произнося все эти банальности, он глядел на меня глазами самца, который насквозь видит все слабые стороны женщины и знает, как в любую минуту ею овладеть. Не каждая устоит перед таким эротическим напором: взгляд завоевателя, полуоткрытый рот с влажным языком, учащенное дыхание, пристальные, остановившиеся глаза. Я давно научилась распознавать этот взгляд — им обладают немногие.

Взгляд этот говорил, что видел, как я кричала от мучительного наслаждения в объятиях мавританского принца. Он следил за мной, когда я теряла сознание под щедрыми поцелуями купца из Амстердама. Он наблюдал за мной, когда я растерянно держала в руках покрасневший пенис моего юного дружка, с которым мне впервые открылась любовь. Он налился кровью под моими поцелуями и стал таким огромным, что не вмещался в мою детскую руку. Мы уставились друг на друга, изумленные этим открытием, и, не

задумываясь, воспользовались им, отстав от компании других детей в лесу. Он встал на колени и вошел в меня без всякого усилия, и наслаждение навсегда увело нас из мира детства.

С тех пор я не останавливалась на этой дороге и часто ловила на себе взгляды мужчин, которые, как Пьетро Аретино, безошибочно определяли мою истинную природу.

В блеске свечей, озарявшем комнату, посверкивали драгоценные предметы: хрустальная ваза с букетом пионов и гвоздик, серебряное блюдо с разными сортами сыра, графин с красным вином, с золотым обводом по горлышку.

Дельфтские блюда, расписанные неизвестными в Венеции синими красками, которые привозили по немецким каналам из Далмации, прекрасно гармонировали на столе с бокалами из муранского стекла на таких тонких ножках, что, казалось, они вот-вот сломаются, не выдержав прикосновения пальцев. Стол Тициана не претендовал на роскошь, но не уступил бы любому королевскому. Мария сделала его незабываемым, подав целое семейство куропаток, начиненных сливами, и суп на азольском вине.

Мне сразу стало ясно, что тема разговора не будет соответствовать высокой элегантности

антуража. Сотрапезники обменивались новостями, которые можно было получить на любом из немецких складов или в еврейской лавочке, с таким видом, будто обсуждали важные правительственные секреты.

Дон Диего поглаживал тонкую полосу черной бородки, обрамлявшей лицо. Он сознавал свою красоту, щедрость и легендарную мужскую силу, которую многие испытали на собственном опыте. Однажды в Венеции в течение месяца у него было не менее десятка женщин, причем ни одну из них он не искал и ни одну не бросил.

Нунций, забыв о занесенном над тарелкой серебряном ноже, осведомился у посла с наигранной легкостью:

— Его Святейшество, к выгоде всего христианства, предложил заключить стабильный мир с королем Франции, но Карл Пятый еще не дал ответа.

Поспешив ответить, дон Диего даже не вытер каплю вина с черной бородки, которую мечтали погладить многие итальянские женщины.

— Может, он узнал, что Его Святейшество тайно договорился с французским королем о свадьбе своего племянника Рануччо с кузиной короля Дианой де Пуатье, поставив императора перед

уже свершившимся фактом. И это после того, как два месяца назад, кстати, через мое посредство, обещал ему, что род Фарнезе никогда не породнится с французским двором.

Тут вмешался дож и постарался смягчить дискуссию между двумя дипломатами, переведя разговор на тему, которая могла бы примирить обоих.

— Из Константинополя, где у нас много осведомителей, до нас дошла информация, что Сулейман намеревается расширить свои владения до Вены и выжидает подходящего момента, чтобы добраться до Венеции на новых галерах, изготовленных на греческом архипелаге. Союз католических монархов нельзя долее откладывать.

Дон Диего не дал застать себя врасплох:

— Французы ведут с турком переговоры и не остановятся даже перед опасностью для всего христианства, лишь бы противостоять императору.

— Так вот почему, — произнес монсиньор делла Каза, не отрывая взгляда от куропатки, которую положила ему на тарелку Мария, — вы вступаете в контакты с этим еретиком Генрихом Восьмым. Вот уж истинный поборник христианства: отправил на тот свет епископов, верных Риму.

Тут дож понял, что результат получился совсем не тот, какого он ожидал, и опять вежливо вмешался:

— Друзья, согласитесь, что бесполезно рассуждать, кто более опасен: Генрих Восьмой или турок. Если мы хотим отстаивать интересы христианства и католические ценности, мы должны отставить в сторону национальные интересы.

— И династические, — подчеркнул дон Диего.

Пьетро Аретино попытался повернуть разговор в русло близких ему тем: искусство, поэзия, любовь. А я спрашивала себя, зачем меня позвали на ужин, где вельмож собралось куда больше, чем на коронации. Мне было что сказать на любую из затронутых тем, но положение мое от этого могло сильно пострадать. Собеседники обращались ко мне, чтобы отдохнуть, остыть от спора, и если бы я вмешалась, меня быстро низвели бы в ранг неприятеля.

Я с трудом отвела взгляд от посла. В гневе он казался еще красивее: черные глаза сверкали огнем, четкую линию носа и щеки завершали пухлые яркие губы, которыми с радостью насладилась бы любая женщина, да и многие мужчины не отказались бы их поцеловать. Восхищение мое не укрылось от Аретино, и он попытался пробить

брешь в позиции дона Диего:

— Маргарита, я вижу, вы высоко оценили заученную элегантность нашего посла. Воистину, он достоин славы императорского двора.

Тут в разговор вмешался Тициан, с блистательной иронией вступившись за легендарное испанское тщеславие, может, чтобы избавить меня от смущения, может, потому что с симпатией относился к дону Диего.

— Никакой заученности, можете мне поверить, уж у меня глаз наметанный. Дон Диего даже не замечает, что на него смотрят. Ни разу не видел его перед зеркалом. А ведь есть мужчины, которые минуты без зеркала не обойдутся и часами умащивают волосы ароматными мазями, репетируют поклоны или упражняются в остроумии.

Последние слова он произнес особенно строгим голосом, явно адресуясь к Аретино. Потом продолжил:

— И оттащить их от зеркала — само по себе трудное занятие, настолько им нравится собой любоваться.

Аретино встал и поднял бокал за естественное изящество имперского посла, и этот тост поддержали все.

В конце обеда, когда расправились с марци-

пановым тортом, Тициан усадил меня на мягко обитую скамеечку рядом с делла Каза, а Пьетро Аретино повел дона Диего и дожа в студию полюбоваться на собственный, блестящий маслом еще не просохших красок портрет.

Делла Каза сразу приступил к делу.

— Маргарита, у меня к вам предложение от моего патрона, его преподобия кардинала Алессандро Фарнезе, племянника Папы. Он без памяти влюбился в Данаю, для которой вы служили Тициану моделью, и Тициан его заверил, что оригинал намного превосходит копию красотой.

Я приняла эту фразу как комплимент, а он глядел на меня, ожидая, что я улыбнусь.

Делла Каза продолжил таким тоном, словно говорил о деле государственной важности:

— Он желает, чтобы вы приехали к нему в Рим. Все его мысли только о вас. Я уверен, что для такой женщины, как вы, это весьма заманчивое предложение. Конечно, в Венеции высоко ценят вашу красоту и изысканность, но, полагаю, вам не стоит напоминать, что кардинал — покровитель художников и писателей и что он необычайно щедр. Он предоставляет в ваше распоряжение достойный вас богатый дом с тремя слугами.

«С тремя тюремщиками», — подумала я. Ви-

димо, на моем лице отразилось сомнение, и он поспешил уточнить, расплывшись в улыбке и взяв меня за руки:

— Я знаю, о чем вы думаете, но вы ошибаетесь. Вы будете абсолютно свободны, и вам положат содержание в сто скудо в месяц, а это больше, чем содержание, которое он предложил нашему Тициану.

Более дотошного адвоката кардиналу было бы не найти.

Старый художник кивнул, словно нашел вполне естественным расхождение в суммах нашей аренды. Делла Каза воспользовался одобрением Тициана:

— Вы можете отправиться в Рим в конце лета вместе с Тицианом, который едет, чтобы написать несколько портретов Папы и его семьи. Вас будет сопровождать венецианский эскорт, так что безопасность путешествия обеспечена. У вас есть месяц, чтобы обдумать это предложение. Надеюсь, излишне напоминать о его конфиденциальности. Да и вряд ли будет приличным гражданке Венецианской республики отказать кардиналу в любезности.

Вот так предложение превратилось в угрозу. Стало ясно, что нунций не намерен дальше об-

суждать эту тему. Во время разговора Тициан несколько раз трогал пальцем грудь, как делал всегда, когда обдумывал, какой тон выбрать для закрепления краски, потом погладил меня по руке. Он был человек практичный и привык подчиняться капризам власть имущих.

— Подумайте, какое прекрасное предложение, Маргарита. Кардинал Алессандро, князь среди кардиналов. Пройдет немного времени, и, если сможете себя правильно поставить, сумеете обеспечить себе будущее…

— Путаны, маэстро, — добавила я недостающее слово, — будущее путаны.

Это была правда, и тут я оказалась практичнее старого художника.

Вошли дон Диего, дож и Аретино, перебрасываясь шутками о том, сколько лет маэстро убавил Аретино, сохранив полное сходство. На такое чудо был способен только Тициан.

— Может, и Папе удастся скинуть лет двадцать, — хихикнул нунций. — Вы же понимаете, как важно для того, кто у власти, выглядеть молодым и сильным. Пока даже самые заклятые враги Папы не могут поставить под сомнение его интеллект. Но восемьдесят лет есть восемьдесят лет, и если волшебная кисть Тициана убавит

год-другой, то от этого выиграет вся христианская церковь. Мы уверены, что если Тициан напишет портрет Папы, то во всем мире его таким и станут видеть, и Папа избавится от необходимости показываться на людях.

И, благосклонно обращаясь к Тициану, который разглядывал кончики своих пальцев, запачканные киноварью и ляпис-лазурью, торжествующе заключил:

— И с соизволения посла Уртадо де Мендоса напомним, что магии Тициана было под силу даже закрыть рот императору.

Дон Диего отвернулся, чтобы никто не видел его улыбки: этикет не позволял ему разделять веселье тех, кто непочтительно отозвался об императоре. Тициан вздрогнул и протестующе взглянул на делла Каза, и тут Аретино решил, что его время настало.

— Да будет вам известно, дорогая Маргарита, что Карл Пятый с трудом может сомкнуть челюсти. Врожденный дефект мешает ему прожевывать то огромное количество пищи, которое он поглощает. И тот же дефект сводит на нет всю торжественность его переговоров и официальных церемоний. Рассказывают, что во время его первого визита в Италию один флорентийский

вельможа прилюдно попросил его закрыть рот, поскольку «итальянские мухи малопочтительны даже к императорам». А потом явился Тициан и сотворил чудо: ему удалось изобразить императора очень похоже, но так, что дефект был вовсе не заметен, и придать его лицу совершенно не свойственное ему властное выражение. И с тех пор все, кто не в ладу с природой, — тут он остановился и поглядел на художника, который глазами умолял его замолчать, — но имеют толстый кошелек, естественно, могут обратиться к нашему Тициану. Все без разбора, князья и кардиналы, королевы и куртизанки, спешат к нему, чтобы замедлить бег времени, приподнять грудь или выпрямить нос, сделать тоньше бока или выправить слишком круглую голову.

Делла Каза поднялся, чтобы налить себе еще вина, и не устоял перед искушением хитро польстить семейству Фарнезе:

— Когда я увидел, что даже убежденный враг императора, король Франции Франциск Первый, заказал портрет, на котором уменьшился предмет его мучений — огромный нос, я понял, что и Его Святейшеству пришла пора обратиться к Тициану.

Аретино шепнул мне что-то по поводу надежд

Тициана получить в обмен на портрет церковную должность для сына и устроить его до конца дней, тем более что другого выхода не предвидится.

Возбужденный вином, нунций продолжал восхвалять всемирное значение Тицианова труда на той стезе, что он наметил:

— Вы знаете, что в январе следующего года в Тренто[5] откроется новый церковный собор, чтобы срочно примирить сторонников Лютера и католиков, верных Римской церкви. Папа на престоле уже двенадцать лет, и его понтификат — самый долгий в истории. И если Тициану удастся его омолодить и до закрытия собора убедить мир в силе и ясности его рассудка, это будет огромный дар христианству. Подумайте, что будет, если Его Святейшество скончается до закрытия собора. Тогда Тридентский собор изберет нового Папу, и лютеране окажутся в выигрыше.

Он замолк и огляделся, чтобы удостовериться, все ли оценили важность его мысли. Дождавшись знаков согласия от посла и дожа и не обращая внимания на Аретино, который так угодливо согнулся, что рисковал свернуть себе шею, он

[5] Примечания: 5

Тренто — итальянский город, где проходил упомянутый собор. Латинское название города — Тридент, поэтому собор принято именовать Тридентским.

продолжал:

— И вдумайтесь, как смогут затянуть собор лютеране своими доктринальными спорами, если они почувствуют скорую кончину Папы. Теперь вы понимаете, высокочтимый маэстро, всю ответственность, которая ложится на ваши кисти и краски? Мы ждем от вас не картины, но магии! Вы должны спасти Европу от катастрофы гражданской войны. Сделайте так, чтобы Папа выглядел моложе, а о продлении его жизни подумает другой художник: Всевышний, — заключил он, подняв глаза к небу.

Все выразили свой восторг аплодисментами и чокнулись за миссию Тициана. Потом стали прощаться, и Пьетро Аретино увлек меня под руку в свою гондолу.

— Вам нечего опасаться, Маргарита. Пусть это покажется невероятным, но у меня есть для вас несколько советов.

Видимо, он раньше меня узнал о предложении кардинала. В небе над Венецией взошла молодая майская луна, озаряя гладкую, как стекло, воду, по которой бесшумно скользила черная гондола. Когда мы оказались напротив Арсенала, нас окутал легкий бриз, напитанный ароматной прохладой с заснеженных горных вершин. Вода

дрогнула, и контуры отраженных в ней домов вспыхнули белыми искрами. Когда же мы достаточно удалились от берега, появились купола Сан Марко, мерцая в серебристых воздушных потоках. Собор с его витражами и позолотой, с его мозаикой из кусочков разноцветного мрамора, казалось, вот-вот оторвется от земли и улетит в свои родные края, на Восток.

Венеция. Уехать из Венеции. От ее неба, северного и восточного одновременно, от южного ветра с Кипра, в котором смешиваются запахи, цвета и языки всех частей света. Уехать от венецианской свободы и окунуться в римскую грязь…

Голос Аретино снова вернул меня к действительности.

— Вы все еще так сердитесь на меня, что не желаете слушать? Или вы боитесь, что кто-нибудь раскроет ваши секреты?

Я удивленно взглянула на него: он был само воплощение невинности.

— Секреты? Какие секреты вы хотите раскрыть, Аретино?

Он начал спокойно, словно опасаясь меня рассердить:

— Вам ведь не больше восемнадцати. Вы появи-

лись в этом городе как по волшебству, и за три года город оказался у ваших ног, точнее, между ними, причем без всяких видимых стараний с вашей стороны. Свободной и роскошной жизни венецианских куртизанок завидует вся Европа, однако вы не дали здесь ни одного бала, не появились ни на одном званом вечере, где было бы больше трех приглашенных. Вы завлекаете самых могущественных мужчин исключительно своей красотой, которая уже стала легендой. Вы знаете латынь, греческий и немецкий, декламируете строфы из «Одиссеи» и из Сафо. Языческие тексты известны вам не хуже, чем какому-нибудь падуанскому профессору. Когда вы перевели Марии строку, которую Тициан изобразил на фронтоне нарисованного храма, он стоял за дверью и был настолько поражен, что тут же кинулся записывать ваш перевод, а потом прочел мне его вечером. Однако вы никогда не афишируете свою эрудицию. В вас есть какая-то неодолимая сила, и, не будь я старым безбожником, я решил бы, что вы порождение дьявола. Кто же вы на самом деле, Маргарита?

Я заставила себя улыбнуться.

— Если бы у папского нунция были ваши соглядатаи, католики давно победили бы во всей

Италии.

— Только не нападайте на меня, прошу вас. Это не мужчина говорит с вами сейчас, не старый слюнявый импотент, не сводник, собирающий крошки милости с княжеских столов. Забудьте об этом и постарайтесь поверить, как бы вам ни было трудно, что под старой продажной шкурой еще сохранилось что-то от писателя и поэта. Этот обломок художника и молит вас. Кто ваш учитель, откуда вы явились и что делаете здесь, в Венеции?

Я окунула пальцы в воду и провела ему по губам и глазам, указав на луну.

— Вы и вправду думаете, что дух того, кто сходит с ума от любви, обращается к луне? Она сейчас так близко, что, кажется, на нее можно запрыгнуть, и для этого не надо крылатого коня. А вдруг и вправду существует заледеневший огонь? Впрочем, зачем нам знать, что там, на луне? Поглядите, какой у нее свет, как печален ее путь. Вы когда-нибудь задавались мыслью, что делает она на небе? А она сопровождает таких, как я, тех, что бредут, никуда не приходя. И с чего вы взяли, что у меня есть какие-то секреты? Я всего-навсего бедная девушка, которая торгует тем, что имеет, и рискует исчезнуть в любой момент,

приняв смерть от шпаги какого-нибудь ревнивца или от болезни. Я — светлячок в лимонной роще. Завтра вы меня уже не увидите. И никто не вспомнит, что я была на свете. Что толку знать, откуда я пришла, если у меня нет будущего? В мировой истории и в людской памяти оставляют след генералы, священники и даже убийцы, но не путаны.

Аретино крепко сомкнул веки, и лицо его сморщилось в протестующей гримасе, словно мои слова причинили ему боль. А я продолжала, стараясь подражать отстраненному тону делла Каза.

— Я поняла это раньше остальных и не строю себе иллюзий. Я просто веду себя так, словно меня не существует. Мы раздаем истинное наслаждение, наслаждение плоти. Но об этом не принято ни писать, ни говорить, и мы вынуждены изучать поэзию и музыку. Можно подумать, что мужчины ищут нас ради нашей образованности. Писать дозволено обо всем, даже о войне, но не о наслаждении. Да вы ведь это и так хорошо знаете. Я читала ваши сонеты, и они меня ничуть не возмутили. Но и в них нет ни слова о наслаждении. Только о плоти, влажной и горячей, и всегда о плоти, а надо бы вам знать, что источник

наслаждения — не в ней, а в душе. Плотское наслаждение — чисто мужская иллюзия.

Пьетро замотал головой, видимо, стараясь убедить меня, что я ошибаюсь относительно его стихов. Я протянула руку к его губам, и он замолчал, отказавшись защищаться, а я воспользовалась этим, чтобы прекратить дискуссию.

Наверное, я сразила его своим красноречием. Он глядел на меня грустно, как глядят на призрак человека, которого обожали в иной жизни.

— Не хотите сказать мне, кто вы, — ладно. Тогда я вам кое-что скажу. Я знаю, что вы примете предложение кардинала Фарнезе и поедете. Но помните: Рим — город не такой, как все. Там действует только один закон: закон власти. Я хочу открыть вам вещи, которым и сам дьявол не научит, потому что он даже не догадывается, насколько извращен Рим, блудница вавилонская, как называет его Лютер. Все контрасты, вся корысть, амбиции и алчность, имеющие отношение к власти, — все это Рим. Нет борьбы, которая не развернулась бы в ватиканском конклаве, презрев все писаные законы. Павел Третий Фарнезе стал Папой, потому что его сестра согревала постель Папе из рода Борджа. У вас есть все основания сожалеть, что женщины типа Джулии

Фарнезе не фигурируют в «Истории Италии» Гвиччардини или у такого знатока государства, как Макиавелли.

Я поспешила заверить его, чтобы поскорее отделаться:

— Рим выжил при Борджа, выживет и при Фарнезе. А мы с вами скоро снова встретимся в Венеции. Не беспокойтесь, Алессандро быстро от меня устанет: мне уже восемнадцать, а в его распоряжении девочки двенадцати, а то и десяти лет, как и у всех кардиналов.

Это наблюдение показалось ему слишком наивным и опасным в моем положении. Аретино завозился в гондоле, и вода заплескалась у бортов, рассыпавшись серебристыми искрами.

— Вы с ума сошли, Маргарита. Вам кажется, что вы знаете мир, а на самом деле вы беззащитная девочка.

И крикнул сдавленно:

— Борджа пошли на преступления, которые в Италии совершает всякий, кто хочет добиться власти. Фарнезе натворили дел, которые, напротив, к власти им прийти мешали. Павел Третий вынужден был выслать своего сына Пьерлуиджи за жестокое и бесчеловечное поведение. Пьерлуиджи Фарнезе чувствует свою безнаказанность и

ни в грош не ставит людей. Да и сам он уже мало похож на человека. Он обобрал друзей своего отца, он насиловал мальчиков и девочек, заставляя родителей любоваться на это зрелище. Он изнасиловал даже святого, фанского епископа Козимо Гери, юношу чистого и непорочного, как святой Себастьян. На него он напал в церкви, в ризнице, и его люди всю ночь держали втроем юношу, дожидаясь, пока мужская сила вернется к Пьерлуиджи. Сама природа противилась такому насилию. Несколько дней спустя Козимо Гери покончил с собой от муки и стыда. Что может быть бесчеловечнее? И все это Рим, куда вы направляетесь. Делла Каза никогда не расскажет вам ничего подобного. Но что с вами, вам холодно? Вы так плотно закутались в шаль… Думаете, я вас пугаю? Нет, девочка, я говорю правду.

Он попытался подняться и пересесть рядом со мной, но я жестом остановила его. Гондола качнулась, чуть не зачерпнув воды, и Аретино вернулся на свое место у ног гондольера.

— И знаете, как Папа наградил его за эти бесчинства? Он сделал его герцогом, отобрав у церкви такие цветущие города, как Парма и Пьяченца, чтобы подарить их сыночку. И в конклаве его поддержали все, включая этого ханжу Карафу,

который спит и видит, как бы очистить мир от скверны огнем и пытками, и святейшего Поула, английского кардинала, который проповедует терпимость и надеется на мирные реформы.

Аретино так разволновался, что я заподозрила, не причинили ли оба кардинала ему какого вреда. Наклонив голову, он продолжил свои разоблачения:

— Вы едете в город, где половина жителей — шпионы, а вторая половина — воры и проститутки.

Тут нам навстречу попалась еще одна гондола, от которой был виден только носовой фонарь, отраженный в воде, и Аретино вспомнил, что в Венеции по ночам принято шептать, а не выкрикивать лозунги. Он огляделся вокруг с таким видом, словно мы находились посреди людной площади, и перешел на шепот:

— Будьте осторожны, Маргарита, ибо даже кардинал Алессандро Фарнезе, такой молодой и темпераментный, больше, чем искусство и женщин, любит власть. Он хитер и расчетлив, настоящий потомок своего деда, и цель у него одна: стать Папой. Боже вас упаси хоть в чем-то ему противоречить. Ведите себя с ним сдержанно на людях и нежно наедине. Он очень неуверен

в себе, и если вы поможете ему повзрослеть, он будет вам бесконечно благодарен. А чем больше мужчина озабочен вопросами власти, тем более нуждается он в иллюзии, что его любят за высокие моральные качества и за несокрушимую мужскую силу. Вы доставите самое большое удовольствие властному мужчине, если сумеете его убедить, что влюбились в него именно по причине его необыкновенного мужского естества.

Я расхохоталась, плеснув ему в лицо серебряной от лунного света водой.

— Аретино, да вы хотите перебить у меня ремесло. Кто из нас путана — вы или я?

— Конечно я, дорогая, ведь я продавал себя много чаще, чем вы. Поверьте моему опыту, я знаю людей и знаю Рим. Сейчас кардинал вас желает, но может быстро с вами утомиться. Будьте внимательны, и если едете искать счастья, хватайте его сразу. Не дожидайтесь смерти Папы, когда все покатится в тартарары, включая и вас. Требуйте от Рима все и сразу, пока он не привык к вашей красоте. Во всем Риме есть один благородный человек: это испанский посол, с которым вы познакомились сегодня у Тициана. Он весьма законопослушен и любит своего императора, как ни один из царедворцев не любит своего короля.

Ему ненавистна алчность семейства Фарнезе, и он будет готов прийти вам на помощь, как только понадобится. Запомните это хорошенько.

Аретино огляделся вокруг, разочарованный, что проглядел такой чудесный и благоуханный майский вечер, поддавшись витийскому соблазну. Казалось, он разозлился и на себя, и на лунное небо, и на черную воду, которая собиралась меня вот-вот поглотить.

— Мы приехали. Вот ваша дверь. Мы ведь больше не увидимся? Почему мне никак от вас не оторваться? Старческая влюбленность жестока… Как раз когда понимаешь, что уже не сможешь желать предмета любви, чувствуешь, что нет сил противиться желанию. И те немногие дни, что остались в твоей пустой суме, уносит меланхолия. Поделитесь же со мной, не исчезайте совсем. Что там у вас, в вашей суме? Что вы там прячете?

— Это мой секрет.

Я обняла его на прощание и почувствовала, как щека моя окунулась во что-то соленое: он плакал. Никогда бы не заподозрила в нем такой ранимости: он, как в броню, был закован в собственный цинизм, который, наверное, теперь обернулся для него не броней, а тюрьмой. Но я не стала жалеть его: в конце концов, он оплакивал

свою впустую потраченную жизнь.

Я открыла калитку в сад и тут же позабыла об этой сцене. На брусчатке сиял отблеск освещенного окна. Голубоватый свет падал на мох, и в нем светились старые камни Истрии, расколотые на тысячи кусочков: красные египетские, черные африканские, зеленые из Германии. Сейчас, в лунном свете, они были похожи на разноцветный витраж.

Осеннюю луну я увижу уже в Риме. Интересно, как в Риме выглядят дворики?

III
ПАЛАЦЦО ФАРНЕЗЕ

Рената Французская вытащила из сумки пергаментную тетрадь и долго разглядывала, словно не хотела отдавать ее своей новой знакомой.

Сквозь стеклянные окна со свинцовыми переплетами Маргарита оглядывала площадь. Вечерело, и на просторную площадь, которую теперь все называли площадью Фарнезе, сыпал мелкий дождик. Такие дожди начинаются в Риме, когда зима заявляет о своих правах на пространство и цветовую гамму. Две гигантские мраморные лилии, вызывающе избранные семейством Фарнезе своей геральдической эмблемой, расположились на улице, чтобы усилить ощущение грандиозности палаццо. Они стояли по обе стороны широкой улицы, пересекавшей Кампо Деи Фьори. Она кончалась метров через сто, напротив домов семейства Массимо, которое могло похвастать прямым происхождением от одного из самых древних родов имперского Рима. На левой стороне улицы возвышался дворец Канцелярии, выстроенный из белого туфа пять-

десят лет назад кардиналом Рафаэле Риарио на деньги, выигранные в кости. Своими стройными рустами, пропорциональными колоннами и пилястрами дворец возвещал о возрождении архитектуры нового Рима, прекрасным примером которой как раз и являлся палаццо Фарнезе.

Перед этим величавым строением топталось овечье стадо. Овцы испуганно жались к пастуху, одетому в шкуры. Парню явно не терпелось скорее добраться до своего шалаша на берегу Тибра. Чуть поодаль черноволосый мальчишка с мокрыми от воды кудряшками нес на плечах коромысло с двумя корзинками из прутьев. В корзинках лежал свежий творог, который он пытался продать прохожим, в основном пилигримам, что поодиночке и группами пробирались по переулкам вокруг дворца Канцелярии к собору Святого Петра, покрыв себе головы поношенными вощеными покрывалами[6].

Рената старалась не выдать изумления:

— Что означают твои удивительные записки, полные грубых откровений, Маргарита? Кто ты на самом деле?

---

[6] Примечания: 6

В те времена не было прорезиненных тканей, и, чтобы защитить себя или поклажу от дождя, пользовались тканями, пропитанными воском.

Взгляд Маргариты скользнул внутрь гостиной, где дневной свет постепенно угасал на золоченой лепнине.

— Я понимаю, что не имела права это читать, но не сразу поняла, что это дневник, а потом было уже поздно, и я не могла оторваться.

Рената глядела на подругу, напуганная прочитанным. Ей и в голову не могло прийти описывать свою жизнь, даже если бы она и была такой необыкновенной, как жизнь стоящей перед ней женщины. Герцогиня читала поэмы, комедии, отчеты соглядатаев и диалоги поэтов, длинными вечерами в Ферраре слушала, как Боярдо[7] декламирует свои сочинения. Но понять значение этой тетради, этих безумных строк было выше ее сил.

— Это дневник, Рената. Дневник, который я веду, чтобы напомнить себе, что существую, память о себе самой в том одиночестве, в котором живу.

— Но зачем ты его пишешь, кому хочешь все это рассказать?

— Да никому. Если женщина не королева, ее жизнь никого не интересует. Но если я начну вам сейчас, в сумерки, рассказывать о себе, я не смогу

---

[7] Примечания: 7

Маттео Мария Боярдо (1441–1494) — поэт и переводчик эпохи Возрождения. Перевел с латыни «Историю» Геродота и «Золотого осла» Апулея. Главное произведение — неоконченная поэма «Влюбленный Роланд».

поведать то, что смогла написать в спокойной тишине комнаты. Рядом со мной нет ни мужа, ни детей, ни постоянных друзей. Все мое существование — эта пожелтевшая тетрадь.

Рената хотела сказать, что и жизнь королев мало кого интересует, кроме скучных поэтов, выклянчивающих милости за восхваление недостатков. Но дневник, который она держала в руках, настолько выбил ее из колеи, что она была не в состоянии вдаваться в такие детали. Она наблюдала, как контур девичьего лица истаивает вместе с наступившими сумерками, а потом вновь проявляется в золотистом свете свечей.

— Ты заранее знаешь, что навсегда останешься одна и у тебя не будет ни мужа, ни детей?

Голос Маргариты донесся эхом с потолка, уже утонувшего в вечерней мгле.

— Разве муж делает женщину менее одинокой?

Рената Французская, герцогиня Феррары, была слишком умна, чтобы отвечать на такой вопрос, и опустила глаза, покоряясь логике Маргариты, которая тут же застыдилась своей чрезмерной прямоты. Она попыталась в более приемлемых выражениях объяснить Ренате, почему вела дневник.

— Ведь Бальдассаре Кастильоне[8] тоже написал дневник, который каждая образованная женщина берет с собой даже в дорогу. У меня нет рассуждений по поводу придворной жизни или философии, и меня занимают куда менее значительные события жизни: дневник помогает мне меньше стыдиться этих происшествий.

Ренате не хотелось огорчать девушку, и она остановила ее, подняв руку.

— Видимо, именно поэтому в конце жизни Кастильоне раскаялся в своем «Придворном», я это знаю доподлинно. Он сказал: «Будь я мудрее, я рассказал бы о том, что творилось во дворце герцога Урбино после того, как мы вышли из зала золоченых дельфинов и отдалились от света факелов, даже днем освещавших гобелены на стенах».

Маргарита была благодарна ей за эту поддержку. По восхищенному взгляду Ренаты она почувствовала, что та в состоянии понять значение дневника, хотя поначалу и испугалась. Никогда еще герцогине Феррары не приходилось сталкиваться с такой сложной женской натурой.

---

[8] Примечания: 8

Бальдассаре Кастильоне (1478–1529) — писатель эпохи Возрождения, автор знаменитого романа «Придворный», написанного в форме дневника.

Едва прибыв в Рим, Рената встретилась с Маргаритой в палаццо Канцелярии, куда собирался переезжать кардинал Фарнезе. Обе они пришли, чтобы полюбоваться фресками, которые заканчивал в главном зале Джорджо Вазари.

Вместе с Ренатой туда явилась Виттория Колонна, маркиза Пескары. Опираясь на свое королевское происхождение и дружбу кардинала, она явно рассчитывала на полную преданность молодого и честолюбивого Вазари, усердно восхвалявшего род Фарнезе в надежде пересилить все напасти, что сыпались на головы папского семейства.

Необычная встреча в гроте Артемиды, малоизвестном и безлюдном месте Рима, и непрошеная исповедь Маргариты окончательно сразили Ренату.

— С тех пор как я увидела тебя и узнала, кто ты, мне хотелось все о тебе выведать, но я никак не ожидала, что это произойдет так необычно и так быстро.

Маргарита улыбнулась, снова заглядевшись на площадь, вымощенную плитками черного базальта, который блестел под дождем, как полированный мрамор.

— А чего вы ожидали от куртизанки? Жизни,

полной откровений и лишений? Летописи духовных упражнений? Рената, вы королевского рода и наделены большой властью. Чем, вы полагаете, занималась в Венеции куртизанка, ставшая такой знаменитой, что ее, как министра, снискавшего себе славу мудростью, приглашает в Рим кардинал, племянник Папы? Вы бы предпочли, чтобы я рассказывала о музыке, которую умею исполнять, и о стихах, которые умею сочинять? Я бы ни за что не стала вести дневник, чтобы записывать притворную комедию. Для этого хватает вещиц, что сочиняются специально для праздников и описывают наряды и любовные интриги. Мы продаем свою плоть, и с течением времени наши клиенты становятся все более требовательными и менее щедрыми.

Рената обмерла и поглубже забилась в кресло.

— Ты права, я дура, напичканная предрассудками, я привыкла представлять себе куртизанок как женщин утонченных, но все же далеких от твоего анализа, и не думала, что можно сочетать в себе красоту и литературный дар.

Рената спустилась по ступеньке из оконной ниши в комнату, сделала несколько нервных шагов и уселась на скамейку напротив Маргариты.

В полумраке они смотрели, как постепенно

пустела площадь Фарнезе, как в окнах начали загораться огни. Ослепительный свет лился с балконов палаццо Канцелярии: это Вазари велел дать больше света в зал, где мелькало множество странных теней. Там спешно заканчивали расписывать стены, как того хотел кардинал Алессандро.

Маргарита снова заговорила:

— Никто не знает женских талантов, потому что никого никогда не заботило, чтобы мы их развивали. Несколько элегантных, манерных строчек, чтобы угодить гостям, но никаких усилий, чтобы постичь глубины жизни. Мы сами себя убедили, что главное для нас — это заинтересовать мужчин прежде всего своей красотой. Но ведь вам знакома поэзия Сафо и картины и скульптуры Проперции деи Росси. И если уж в условиях полного безразличия мира к женщинам, которые рисуют, ваяют или сочиняют, некоторым из них все же удается оставить свой след и превзойти многих мужчин, то представьте себе, сколько смогли бы женщины, если бы мир стал к ним благосклонен хотя бы настолько, насколько он благосклонен к мужчинам.

Рената завороженно слушала: она никогда не думала о таких вещах.

Она приехала из королевского дома Франции двадцать лет назад, чтобы выйти замуж за герцога Феррары Эрколе II д'Эсте и тем самым скрепить клятву верности дома д'Эсте французской короне. Потом Карл V сокрушил всех, кого можно было победить, расстроив все традиционные династические альянсы маленьких государств итальянского полуострова. Он пожаловал Эрколе Павию и территории вдоль реки По, что было гораздо более весомо, чем образованная жена с неплохим приданым, и Рената оказалась супругой врага собственной семьи.

Жизнь ее стала отдаляться от политики, но ее это не обескуражило. Обладая твердым характером и достаточными силами, она сумела соблюсти свои права и достоинство, создав в Ферраре «двор при дворе» и развивая связи между политикой и искусством, что привело ее в конце концов к перемене веры. За десять лет Рената Французская стала одной из главных поборниц Реформации в Италии, посвятив ей не только свой ум и страсть, но и связи, которыми успела обзавестись, пользуясь явными и скрытыми приемами, известными знатным дамам с детства. Рената заняла свою нишу в политической географии, нисколько не мешая планам мужа. Она с

такой ловкостью внедрялась во все доступные ее высокому статусу пространства, что вскоре превзошла самого Эрколе в искусстве дипломатии и политического убеждения.

Воинственный темперамент, который помог добиться таких блестящих результатов, был ярко выражен во всем ее облике. Выше среднего роста, с правильными, крупными чертами лица, на котором чуть выдавался подбородок; непокорная грива курчавых волос всегда перевязана крепкими лентами, словно хозяйка стремилась вместе с этой темно-русой массой обуздать собственную порывистость. Голубые глаза широко расставлены и разделены коротким, широким в основании носом. Во всем ее облике было много мужских черточек; гибкой фигурой она походила на подростка, и, когда ей случалось по необходимости переодеваться в мужское платье, она свободно перемещалась по городу и ее никто не узнавал. Даже рот с ярко очерченной верхней губой, казалось, всегда готов был упрямо поджаться, как у мальчишки с едва наметившейся бородкой. Такая двойственность тела стала чертой характера, и когда она теряла над собой контроль, то начинала маршировать взад и вперед по комнате, как солдат.

Прибыв в Феррару в последний день ноября 1528 года, Рената оказалась перед любопытной, возбужденной толпой, которой герцог Альфонсо д'Эсте приказал забыть о бедах и чумной эпидемии, терзавшей страну с самого лета.

Золоченая лодка с юной супругой сына Альфонсо причалила к берегу герцогства сразу после рассвета, когда утренний туман инеем блестел на облетевших ветках вязов.

Трубы взревели, перекрывая крики толпы, и из красной палатки, расшитой золотыми лилиями, вышла Рената. Ростом она была выше трубачей и сильно горбилась, заводя плечи вперед.

Ни серебряная сеточка, обвитая вокруг кос, ни зеленое платье с вышитыми жемчугом цветочками, сверкавшими в тумане, делу не помогли. Ожидания подданных были обмануты.

Крики стали громче, смешки нахальнее. Даже не зная языка, девочка, покинувшая Францию с камнем на сердце, поняла приговор, который ей вынесла Феррара: «Француженка кособокая».

Она так и не смогла покорить подданных женскими прелестями, зато покорила твердым характером и тем, что произвела на свет одного за другим пятерых сыновей, доказав, что дух может дать плоды гораздо более ценные, чем прямая

спина или округлые бока. С тех пор ничему не удавалось вывести ее из равновесия. И вот теперь простая пергаментная тетрадь пригвоздила ее к окну палаццо Фарнезе.

Герцогиня сделала движение, чтобы встать, и богатое парчовое платье, казалось, нервно дернулось. Маргарита поняла ее волнение и протянула руки, усаживая ее снова на скамью. Грива Медузы, выбивавшаяся из-под сетки, вернулась на уровень ее глаз.

— Дневник, который вы прочли, это память моей жизни. Я пишу его только для себя, поэтому он написан так просто и грубо. Записанные строки отодвигают страх, и сама жизнь уже не так страшна. В самые трудные минуты мне кажется, что я существую только на этих страницах, и я прижимаю их к сердцу, как ребенка, которого у меня никогда не будет.

При этих словах Рената со стоном ее обняла.

— Ты права, Маргарита, и могу заверить тебя, что сама не раз попадала в незавидное положение. Королева тоже раба своих мужчин: отца, братьев, мужа. На их любовь можно рассчитывать еще меньше, чем на дары молодости и красоты. Забудь мою детскую реакцию на твой дневник и расскажи, что было дальше, что ты

не успела записать. Но рассказывай не спеша, словно у нас еще вся жизнь впереди.

— Хорошо, но давайте сядем за стол. Воздух Рима возбуждает аппетит, да и день у нас выдался нелегкий.

Маргарита наскоро отдала распоряжения прислуге, и вскоре пришли две женщины накрыть стол красного гранита.

Рената взяла на себя растопку камина, занимавшего почти половину торцевой стены огромной комнаты, где они находились.

— Цветной мрамор, великолепно пригнанный, и два сфинкса с такими полными грудями, что их хочется потрогать… Чья это работа? Великого Микеланджело? — спросила герцогиня.

— Нет, всего лишь подражателя, одного юноши из Виньолы[9], я с ним познакомилась сразу, как приехала. Он расписывает камины и створки дверей для галереи в саду.

— Расскажи о Виттории, как ты с ней познакомилась и стала близкой подругой. Она такая скрытная, и это после двадцати лет знакомства все еще меня пугает.

---

[9] Примечания: 9

Видимо, здесь имеется в виду Якопо да Виньола (1507–1573), итальянский архитектор, один из представителей маньеризма в архитектуре Возрождения. Виньола был помощником и учеником Микеланджело.

Маргарита подошла к Ренате и предложила бокал вина, который вспыхнул темно-красным светом в едва затеплившемся пламени камина.

— Мне ни о чем не надо было спрашивать, потому что я и так о ней все знала. Я была знакома с ней еще до того, как меня ей представили, и не только потому, что прочла все ее стихи. Куртизанке всегда удается выведать все или почти все, что она захочет. После нашей встречи в доме Тициана монсиньор делла Каза успел нанести мне несколько визитов, то ли ради того, чтобы заранее оценить качество только что купленного патроном товара, то ли чтобы почувствовать себя таким же могущественным, как Папа, и первым насладиться моей плотью. Если бы святая инквизиция знала, что способны выбалтывать мужчины за миг наслаждения, она бы забросила все свои раскаленные щипцы и поручила бы сбор информации путанам, которые меньше пачкают и более расторопны, чем тюремщики.

Обе рассмеялись так весело, словно болтали об оригинальных прическах мантуанских женщин.

— В эти дни пылкий папский нунций был увлечен делом Карнесекки, главного нотариуса Флоренции. Того обвинил в лютеранской ереси один заключенный в замок Святого Ангела мо-

нах. После трех дней пыток бедняга, среди прочих признаний, начал бормотать что-то об антипапском пасквиле, составленном якобы прямо в доме Карнесекки в Венеции. Признание у монаха вырвал кардинал Карафа, который хорошо знал круг общения Карнесекки, то есть прежде всего Поула, Витторию, вас — уж извините! — Джулию Гонзагу и ее кузину Элеонору, герцогиню Урбино. Карафа тут же отправил по указанному следу всю свору ищеек инквизиции, которая, в свою очередь, требовала немедленной экстрадиции Карнесекки в Рим, чтобы допросить его с пристрастием и заставить выдать своих друзей.

Рената застыла с бокалом вина в руке, не имея сил поднести его ко рту. Она смотрела на девушку так, словно та бросила ей в лицо смертельное оскорбление. По счастью, ее лицо наполовину было в тени, и краска гнева, залившая его, осталась незамеченной.

Герцогиня поднялась, чтобы подбросить еще дров в камин, где уже горело яркое пламя с синеватыми язычками. Как только полено скатилось по железной решетке, пламя поднялось до самых мраморных изображений императоров в овальных нишах на стенах. Маргарита подняла бокал и снова заговорила.

— Витторию предупредили из Венеции, и она предприняла меры, чтобы вырвать из рук Карафы своих друзей и покровителей. Вместе с Поулом и Джулией Гонзагой она активнее всех пыталась войти в окружение кардинала Алессандро. Он единственный в Италии был способен противостоять Карафе и дать указания монсиньору делла Каза в Венеции. Посредством герцога Мантуанского и вашего супруга, герцога Феррары, они оказали сильнейшее давление на Совет Ста в Венеции, чтобы отозвать запрос об экстрадиции Пьетро Карнесекки. Делла Каза был в курсе, насколько тесно Виттория связана с Карнесекки и с Поулом, и имел точные сведения относительно «школы Витербо»[10], как в Италии называли вашу группу. У меня всего лишь хватило терпения его выслушать и ласками помочь избавиться от сдержанности, к которой его обязывало доверие Алессандро Фарнезе.

Рената, прекрасно все это знавшая, сама написавшая не одно послание в Венецию и заставившая мужа писать письма, теперь презирала себя, оказавшись объектом изучения постороннего

[10] Примечания: 10

Кружок протестантов, который здесь упоминается, собирался в городе Витербо, отсюда название «школа Витербо» или «витербийская церковь».

взгляда, который проникал до дна в тот туман, что все они считали непроницаемым.

— Мерзавец Карафа, — прошептала она. — Не успокоится, пока нас не уничтожит. Я бы сумела заставить замолчать эту тварь, рожденную нести беды и несчастья. К сожалению, мои друзья не хотят, чтобы я действовала по-своему. А я бы могла положиться и на полицию своего мужа, и на феррарских евреев, которые отдали бы жизнь, только бы избавиться от такого чудовища. Как бы там ни было, Виттория и Поул убеждены, что дело можно решить, победив в теологическом споре, и убийство ни к чему. Они обвиняют меня в импульсивности, но, имея такого мужа, как мой, подчас приходится надевать штаны. Если бы вы знали, сколько неприятностей причинил мне этот ядовитый паук Карафа! А ведь я принадлежу к высшей знати и к королевскому дому Франции. Но он ни перед чем не останавливается: по жизни его ведет только ненависть.

Дав Ренате выговориться, Маргарита продолжала:

— Когда вашему другу кардиналу Реджинальду Поулу угрожали смертью наемные убийцы его кузена Генриха Восьмого, Виттория узнала об этом и через кардинала Фарнезе попросила помощи у

делла Каза. Тот запросил у меня кое-какую информацию, и я предложила свои скромные услуги. Думаю, Виттория об этом знала. В тот день, когда я познакомилась с маркизой в доме Тициана в Бельведере, мне хватило одного взгляда, чтобы понять, насколько ее очарование превосходит все ожидания, а ей — чтобы поверить, что у куртизанок тоже могут быть достоинства, которые надо признать. Одетая в черное, без украшений и вуалей, Виттория приехала в Бельведер в собственной карете, в той самой, что нынче утром отвозила вас на Авентин. С ней был Микеланджело Буонарроти, который собирался взглянуть на картины старика. Едва оба художника горячо заспорили о рисунке, она взяла меня за руку и увлекла в боковую комнату, где никто не мог нам помешать. Поначалу ее горящий взгляд меня парализовал, но тихий, спокойный голос быстро привел в чувство. Без обиняков она спросила, читала ли я Овидия, словно это был обычный вопрос к едва знакомой женщине в городе, где вряд ли все женщины вообще умели читать и писать.

Рената удивилась, потому что и сама хотела бы задать тот же вопрос.

— И ты читала?

— Конечно! Виттории было достаточно этого

ответа. Она взяла мою руку в свои и пригласила меня: «Приходите ко мне, я уверена, что Гомера вы тоже любите и сможете почитать мне стихи Сафо по-гречески». «Охотно», — только и смогла я вымолвить. Когда мы прощались, между нами уже возникла связь. Мы поняли, что за моим золотом и ее скорбным черным цветом скрываются одинаковые темпераменты. Случай сблизиться навсегда представился нам меньше чем через неделю.

Маргарита подошла к камину, чтобы подбросить еще дров, но Рената остановила ее:

— Пожалуйста, рассказывай дальше, камин я беру на себя.

Маргарита улыбнулась:

— Среди моих венецианских знакомых была девушка по имени Луиза. Тринадцати лет от роду ее похитили, продали на турецкую галеру, которая увезла ее в Константинополь, и три года она прожила в серале Сулеймана Второго. Там она научилась любить женщин столь изысканными способами, что у меня после проведенных с ней ночей сложилось впечатление, что я зря тратила время с мужчинами.

Глаза Ренаты расширились. О чем-то таком она давно подозревала, ловя взгляды и жесты своих

фрейлин, когда они вышивали вместе долгими зимними вечерами. Но в маленькой Ферраре такие страсти особе королевской крови не подобали, и она держалась от них подальше, полагая, сама не зная почему, что, не дай Бог, у нее имеется какая-нибудь природная предрасположенность. Теперь новая знакомая убедила ее, что так оно и есть.

Маргарита устроилась поудобнее и продолжала:

— Луиза хорошо знала турецкий язык и, бежав из сераля, сохранила контакты с людьми из стран Востока. Когда я приехала в Рим, она уже находилась здесь в свите герцогини д'Аугуста. В Риме Луиза встретила капитана-турка, который привез ее обратно в Италию и высадил в Амальфи. Она была с ним нежна, и под действием вина он выболтал, что двадцать галер направляются в Италию, чтобы похитить Джулию Гонзагу. Слухи о ее красоте дошли до Константинополя, и могущественный Сулейман загорелся желанием любой ценой заполучить ее в свою коллекцию красавиц.

Рената не смогла сдержать волнения и вскочила, прижав ладони к губам, как всегда поступала в сильном испуге.

— Я об этом слышала. Мне сразу рассказали, как только мы все встретились. Могла произойти трагедия, и только благодаря тебе Джулии удалось спастись. Теперь я понимаю, почему тебя так любят, Маргарита.

Она обежала стол и так крепко обняла Маргариту, что у той перехватило дыхание.

— Но рассказывай, рассказывай! Я хочу все-все знать… Извини, я так волнуюсь… Но это потому, что я никак не могу привыкнуть к тому, что опасность миновала…

Маргарита считала, что Витторию и Джулию связывают не совсем обычные отношения, но теперь она убедилась, что и Рената так же связана с ними, хотя и живет далеко.

— Как вам известно, Джулия упорно живет одна в Фонди, и выкрасть ее ничего не стоит, тем более двадцати галерам. Если турки встанут на якорь за мысом Прочида и дождутся удобного момента, чтобы высадиться в Фонди, никакое войско и никакие фортификации не смогут им помешать. Похищение было запланировано на первые дни октябрьской трамонтаны[11]. Этот ветер хорош для бегства по морю, и он не даст

---

[11] Примечания: 11

Трамонтана — холодный ветер с гор.

неаполитанскому вице-королю, кузену Джулии, пуститься в погоню.

Рената машинально крошила хлеб и ни на какую другую реакцию была неспособна.

— Когда мы об этом узнали, стояла уже середина октября и времени оставалось совсем мало. О Джулии я знала, что она необычайно красива, упорно отвергает все притязания со стороны мужчин и что ее связывает нежная дружба с Витторией Колонна. Едва узнав о плане похищения, я сразу отправилась к Виттории. Слава богу, она находилась дома, в палаццо Санти-Апостоли, и сразу меня приняла. Она сидела перед зажженным камином и что-то писала. Чтобы не уставали глаза, вокруг горело множество свечей. Она даже не спросила, откуда у меня такое известие, и вскочила в ярости, которой я от нее не ожидала. Крикнув во весь голос, она подняла с постелей пятерых слуг, и меньше чем через час мы уже выехали из ворот Сан-Себастьяно и помчались мимо кладбищ по Аппиевой дороге. Бушевала редкая по силе гроза, молнии выхватывали из темноты погребальные ниши в камнях и мраморные плиты: город мертвых, где нашли успокоение сотни жизней. Непогода, конечно, не даст туркам высадиться, но не вечно же она

будет продолжаться. Виттория вооружила своих людей и мне тоже дала аркебузу, с которой я не знала, что делать. Она даже не переоделась. В несколько мгновений поэтесса превратилась в воительницу из рода Колонна.

Рената выпустила из руки кусок хлеба и сжала пальцами воображаемую аркебузу, дивное творение своего свекра, созданное для защиты Феррары во времена войн с Папой Юлием II.

— Казалось, ее не пугает мысль о встрече с разбойничьей шайкой, и ей даже в голову не приходило, что я могу испугаться. Вой ветра и дробь дождя по вековым камням только подзадоривали ее, и она вглядывалась в даль сверкающими глазами, готовая в любую минуту встретить опасность.

Красноватый отсвет огня переливался на грудях мраморных сфинксов и освещал прекрасное лицо Маргариты. Рената почувствовала, что с каждой минутой, узнавая ее жизнь и характер, все больше завидует ей, но с осознанием того, как близка Маргарита с Витторией, ревность отзывалась в ней болью.

Виттория была властительницей ее дум, но их отношения годами не выходили за рамки эпистолярных. Хотя их и связывали невидимые

интриги, которые они плели вокруг итальянских аристократических дворов, пытаясь повернуть в русло Реформации их веру и церковь, ей никогда не приходилось разделять с Витторией таких потрясающих впечатлений. И ей не довелось увидеть, как, высвободившись из плена шелков и бархата, в подруге наконец проявился бретонский воин.

Маргарита понимала, что Ренате не терпится хотя бы в воображении принять участие в приключении, которое ей оказалось недоступно, и постаралась рассказывать как можно подробнее.

Она отпила глоток вина и продолжила не спеша, словно впереди была целая ночь. Длинный, шагов в сто, зал постепенно погружался в темноту, как пещера, но они не стали зажигать свечи, чтобы сохранить тепло человеческой близости.

— Когда мы приехали в замок Фонди, Виттория на ходу выскочила из кареты. Уже светало, дождь прекратился, но ясная, безветренная заря, загоравшаяся над горами, тревожила нас больше, чем ураган. Море находилось совсем близко, и мы вглядывались в его серебристую поверхность, высматривая тени галер. Джулия услышала голос подруги и в одной рубашке появилась за спиной стражника, который ни за что не хотел впускать

в замок незнакомок, прибывших в столь неурочный час. Виттория, не вдаваясь в подробности, велела Джулии одеваться, а страже запрягать свежих лошадей. Отдавая распоряжения генеральским голосом, она не отходила от подруги, словно боялась, что ту унесет ветер. Она пошла за ней в гардеробную, и немного погодя обе появились оттуда, одетые в черное, и глаза их говорили о том, что они готовы отразить нападение войска самого Фридриха Барбароссы. Джулия, несмотря на ранний час и такое необычное пробуждение, была свежа и хороша, как Диана. И только когда мы уселись в карету, меня представили ей как женщину, которой она обязана жизнью. Она ласково мне улыбнулась, и я поняла, что удостоилась бы ее улыбки, даже не заслужив признательности.

Такой комментарий смутил Ренату, и она, наверное, попросила бы объяснений, если бы не боялась прервать рассказ. А Маргарита продолжала:

— Прижав подругу к себе, словно пытаясь защитить ее даже в безопасности кареты, Виттория пыталась заставить ее пообещать, что она не будет больше жить в такой забытой богом дыре. Джулия и слышать ничего не желала: «Эта дыра

— мой дом, я годами защищала его от всех посягательств, и это единственное место, где я чувствую себя счастливой». Виттория не сдавалась: «Тогда надо обзавестись постоянной и многочисленной стражей. Я поговорю с братом. Может, он убедит вице-короля Неаполя держать гарнизон возле Капуи, где турки время от времени появляются на побережье. Месяца не прошло, как они добрались до самой Искьи. Они свободно разгуливают по Италии, пока христианские монархи грызутся между собой, а император Карл все войска сосредоточил в Алжире… И ты не вернешься в это место, пока оно не станет безопасным». Чтобы успокоить подругу, Джулия положила голову к ней на колени, и по карете поплыл запах розовой воды, которой она успела спрыснуть забранные под платок волосы.

Рената почувствовала этот запах, и ее охватило неодолимое желание оказаться рядом с подругами, увидеть их близко от себя, словно армия Барбароссы могла угрожать им здесь, в самом сердце христианского мира, в сердце Рима, во дворце Колонна в Санти-Апостоли. Она покачала головой, и было непонятно, сожалеет она о неосторожности подруг или о том, что ее не было с ними в трудную минуту. Маргарита интуитив-

но почувствовала, что пора прекращать рассказ.

— Остальное вы знаете, потому что, приехав в Рим, уже не расстаетесь с Витторией, и на встречи со мной вы всегда приходите вдвоем.

Дрова прогорели и подернулись пеплом, и теперь только тепло шло от огромного камина, возле которого сидели обе женщины. Их обступила тьма, за окнами свистел ветер, в стекла барабанил дождь.

Тот момент, когда неодолимо хочется спать, уже миновал, и теперь они могли разговаривать хоть до рассвета, да и лучшего в Италии вина было предостаточно. Но Ренате пришло время покинуть дворец, поскольку слуга известил о прибытии кардинала Алессандро, сопровождавшего Папу в Перуджу и на воды в Витербо, которые благотворно действовали на его катар. В распоряжении Маргариты он оставил своего преданного друга, графа Ди Фано, который весь месяц тактично ее повсюду сопровождал.

Теперь Алессандро вернулся в город и считал минуты, чтобы увидеть Маргариту.

Рената крепко обняла девушку в знак признательности за рассказ и велела отвезти себя во дворец Колонна, где ее ждали Джулия и Виттория.

IV
КОМНАТА С ВИДОМ НА ТИБР

Комната Маргариты в северо-западном крыле палаццо выходила на сбегавший к Тибру сад. За лимонными и апельсиновыми деревьями открывался ухоженный огород. Под яблонями зеленел сочный салат, оспаривая территорию у грядок с баклажанами. Между блестящими лиловыми плодами виднелись нежные цветки, которые никогда уже не дадут плодов, потому что их через несколько дней уничтожат холода.

От грядок вниз, на пристань, вела лестница из туфа. Там в темноте мелькали освещенные факелами фигуры в черном: это стража ожидала прибытия Алессандро. Еще несколько минут — и он будет здесь.

Маргарита кликнула служанок, приставленных к ней для переодевания. Вошла Луиза, женщина лет тридцати, которая с одиннадцати лет согревала постели мужчинам из рода Фарнезе, переходя, как муфта, от кардинала Алессандро, который станет Папой Павлом III, к его сыну Пьерлуиджи, потом к племяннику Алессандро.

Теперь она служила только конюхам, если те ее звали. Но она была довольна, что осталась на службе в таком блестящем доме, где хлеба всегда вдоволь, а ночью можно поспать целых пять часов. С того дня, как в доме появилась Маргарита, Луиза стала обожать ее как новую святую. Ей казалось чудом, что совсем юная девушка смогла так себя поставить, что подчиняется только одному мужчине — прекрасному и могущественному кардиналу Алессандро, первое семя которого досталось губам Луизы, когда тому исполнилось двенадцать лет.

Маргарита вынула из сундука шелковую тунику цвета герани. Сирийские мастера вплели в ткань синюю нить, и при движении она отливала лиловым, словно вспыхивая цветными искрами. Туника была подбита тончайшим хлопком, который ласкал голое тело Маргариты и поднимал набухшие соски.

Она уселась перед зеркалом, украшенным головой Медузы, и, пока Луиза расчесывала ей волосы, мысленно повторяла все, что Аретино рассказал ей о кардинале Алессандро.

Расческа запуталась и так больно дернула, что Маргарита чуть не вскрикнула.

— Луиза, ты делаешь мне больно, осторожнее,

пожалуйста.

Реакция служанки оказалась неожиданной: она, чуть не плача, упала Маргарите в ноги.

— Простите меня, пожалуйста, простите. Я отвлеклась, я так засмотрелась на ваши прекрасные волосы, что не заметила узелка. Не бейте меня, прошу вас, у меня и так болит спина…

Маргарита в замешательстве посмотрела на служанку и протянула руку, помогая встать.

— Луиза, что ты такое говоришь? Побить тебя за такую ерунду? Да ничего не случилось, причесывай.

Луиза бросилась целовать ей руки.

— Вы такая добрая, вы совсем не такая, как мои хозяйки. Виттория, сестра кардинала, и его мать синьора Орсина бьют меня все время. Они говорят, что я животное и что меня надо учить, как обращаться с принцессами. Я так стараюсь научиться, но…

Смущенная и огорченная ее словами, Маргарита вернулась к своим мыслям. Если мужчины из рода Фарнезе такие же жестокие и дикие, как женщины, ее пребывание здесь может обернуться пыткой.

Дождик, моросивший над Тибром, даже не наморщил гладкую поверхность воды, лени-

во катившейся к морю. На другом берегу сиял освещенный сотней свеч фасад виллы Агостино Гиджи. В ее золотистом свете четко обозначился контур лодки, в которой прибыл в свой дворец Алессандро Фарнезе. Радом с ним стоял его ближайший друг Пьетро Савелли.

Они дружили с детства, и, когда Алессандро стал кардиналом, Пьетро, скорее по велению сердца, чем из выгоды, согласился стать его секретарем. В драке на виа Сакра Деи Фиори он потерял три пальца правой руки и не мог писать. Этот недостаток он с лихвой возмещал феноменальной памятью и безграничной преданностью. Все это, вместе с геркулесовым сложением друга, обеспечивало Алессандро то чувство защищенности, которого никто не был способен ему дать с тех пор, как он стал самым влиятельным лицом папского двора.

От сильного толчка он прижался боком к могучему животу Пьетро, и рука, державшая непромокаемую ткань, инстинктивно обвилась вокруг шеи друга. Он ощутил знакомое тепло Пьетро и запах его тела, который всегда рождал в нем уверенность и чувство надежности. Ясные глаза Пьетро пытались угадать в неверном свете причину тревоги, отразившейся на лице Алес-

сандро. Венериных терзаний он не усмотрел, ибо сам был от них далек. Он с успехом избавлялся от томлений молодости между ног женщин из пригородов, которые ублажали мужчин за гроши.

— Алессандро, тебя что, так волнует предстоящее крещение твоих племянников?

И он дружески погладил голову Алессандро локтем.

— Нет, Пьетро, меня волнует не это, то есть не только это. Дедушка решил сделать кардиналом и моего брата Рануччо, которому через месяц исполнится пятнадцать.

Пьетро не ответил. Он не понимал, почему друга так беспокоит это назначение, ведь тот ни разу не выказывал нерасположения к Рануччо, спокойному, прилежному мальчику, о котором все говорили только хорошее. Кардинал истолковал молчание в свою пользу и продолжал:

— Ты ведь знаешь, я ничего не имею против Рануччо. Но я многим пожертвовал ради семьи за эти десять лет, общаясь со старыми интриганами кардиналами и вероломными послами и выполняя работу, которая не всегда отличалась чистотой. В результате обо мне пошла слава как о человеке ловком и циничном. Ради семьи я отказался от династического первородства в пользу

моего брата Оттавио, который скоро унаследует герцогство, только что подаренное дедушкой нашему отцу. Я боролся за это всеми доступными мне средствами, и в душе и на руках у меня остались пятна. А теперь, когда семья получила герцогство, является мой братец, который все это время спокойно учился у лучших учителей Италии, и всех очаровывает своими добродетелями и ангельским личиком… Я уберег его от всяческого зла, а теперь, может статься, он посягнет на мое будущее в конклаве. Пройдет несколько лет, и, когда еще один Фарнезе благодаря моим усилиям сможет стать Папой, избрать могут его.

Пьетро и в голову не приходило, что Алессандро в свои двадцать шесть лет может помышлять стать Папой. Амбиции друга были ему плохо понятны, но от этого привязанность его не ослабевала, напротив, теперь они стали еще ближе, ибо друга надо было защищать пусть от несуществующей, но опасности.

— Не переживай, все образуется. Близняшки, что родились у твоего брата, — настоящее Божье благословение. Император должен почувствовать голос крови. Ведь это дети его дочери Маргариты, а все говорят, что она самая любимая из детей Карла, именно потому, что незаконная.

Правда, Карл Пятый не хотел, чтобы Его Святейшество отобрал у церкви два таких богатых города, как Парма и Пьяченца, чтобы потом сделать из них герцогство для отца младенцев, но, черт побери, это герцогство достанется его же племянникам, так что его кровь навечно смешалась с кровью Фарнезе. Значит, не так уж от нас отличаются эти испанцы. Кровь есть кровь. Что же до Рануччо, то, чтобы он пошел по твоим стопам, нужно совсем другое.

Их внимание привлекли слуги с факелами в руках, столпившиеся на пристани у палаццо Фарнезе. Пьетро бросился на корму, чтобы убедиться, не отнесло ли лодку течением и сможет ли она без потерь причалить к маленькому молу из вулканического туфа, потом вернулся к другу, сбросил вощеную ткань и притянул Алессандро к себе за плечо:

— Алессандро, да пусть Рануччо хоть сто лет проживет, ему не завоевать такого авторитета при дворах Европы, каким пользуешься ты. Так что напрасно волнуешься.

— Может быть, но я всю дорогу спорил с дедушкой, чтобы убедить его не включать Рануччо в семейный портрет, заказанный Тициану. Его вызвали из Венеции, чтобы он на холсте отразил

моральное завещание Папы. Я должен предстать на нем как духовный наследник, а Оттавио — как наследник династии Фарнезе в только что подаренном герцогстве. Только мы двое.

Кардинал спрыгнул на пристань, не дожидаясь, пока концы закрепят на железных битенгах.

— Я, и никто другой! — крикнул он, не оборачиваясь.

Алессандро так стремительно направился к лестнице, ведущей во дворец, что Пьетро еле за ним поспевал.

— Эй, послушай, мне тебя подождать? — прокричал он вслед другу, уже занесшему ногу над ступенькой.

— Нет, я вернусь не скоро!

И он взлетел наверх.

Легкий стук в дверь прервал мысли Маргариты. Луиза исчезла, и в комнату вошел мужчина, больше похожий на принца, чем на кардинала. На нем была черная куртка с нашитыми на манжетах золотыми ленточками, похожими на крошечных бабочек, присевших на блестящий бархат. Штаны плотно облегали крепкие ноги, раскрываясь на гульфике вставкой из мягкой ткани. Белое жабо вокруг шеи подчеркивало черноту короткой, ухоженной бороды. Он глядел

на Маргариту, пытаясь улыбнуться, но в глазах отражалась бесконечная печаль. Может, из-за этой печали волосы на висках уже начали понемногу редеть.

Опустив голову в поклоне, Маргарита разглядела его руки, державшие замшевые перчатки, перехваченные золотой лентой. Сильные и крепкие, они не походили на дряблые руки священников, и сразу чувствовалось, что они больше привычны к шпаге, чем к потиру. Наверное, они являли собой протест хозяина против церковной жизни.

— Маргарита, вы еще прекраснее, чем я представлял вас все эти месяцы.

— Ваша милость изволили высказать комплимент великому Тициану.

— Нет, дорогая, даже самый гениальный художник не в силах соперничать с Создателем, который, наверное, посредством вашей красоты решил показать нам, что значит совершенное творение.

Как и подобало в таком случае, Маргарита покраснела и ничего не ответила. Алессандро подошел ближе и двумя пальцами приподнял ей лицо.

— Прошу вас, моя несравненная Даная, с этой

минуты называть меня просто Алессандро. Я ваш счастливый и преданный слуга. О, если бы я мог влюбить вас в себя, как влюбил в себя прекрасную Роксану Македонец[12]… Но у меня нет такого дара, и я удовольствуюсь тем, что буду служить вам душой и телом.

Маргариту приятно удивило его свежее дыхание. Это была редкость, которая сулила не такое тяжкое будущее. Она целыми днями пила только воду, настоянную на розах с шипами, васильках и семенах вербены, чтобы добиться такого эффекта.

Алессандро слегка отступил, чтобы справиться с собой, и тут же принял вид любезного дипломата.

— Маргарита, я знаю доподлинно, что вы очень умны, и потому не стану вам лгать и просить вас принимать мою искренность как знак почтения, а не как промах. У меня сейчас трудная пора. Вам, конечно, известна враждебность, с которой все восприняли создание герцогства Пармы и Пьяченцы и назначение моего отца Пьерлуиджи

---

[12] Примечания: 12

Роксана — жена Александра Македонского, дочь бактрийского аристократа Оксиарта. По легенде, Александр увидел ее на пиру и влюбился без памяти, но, не желая брать Роксану силой, долго выжидал, стараясь вызвать в красавице ответное чувство.

герцогом этих городов. Вы знаете, что император и большинство дворов Италии противились этому шагу. Я не хочу оправдывать амбиции моей семьи: они ничем не отличаются от амбиций тех родов, что предшествовали нам на папском престоле. Борджа и Медичи не останавливались ни перед чем: ни перед преступлениями, ни перед войнами. Теперь наш черед, и то, что начато, должно быть продолжено к всеобщему благу. Вы знаете также, что в нашем роду хватает контрастов. Моя невестка Маргарита, дочь императора, не упускает случая нас оскорбить, несмотря на то что теперь, после рождения близнецов, на кону и ее собственная кровь. Нам предстоят нелегкие дни, и я призываю вас к терпению. Дождитесь, пока все это минует, и я смогу посвятить себя вам, как того заслуживает ваша красота. Прошу вас, не судите меня поспешно.

Маргарите пришлось прервать эту откровенно льстивую речь, но она старалась говорить, не поднимая глаз.

— Алессандро, я здесь не для того, чтобы вас судить. Я и так полна почтения к вам. Вызвав меня сюда, вы проявили интерес, свидетельствующий о расположении, которого я не заслуживаю. Единственная моя цель — отблагодарить вас за

благосклонность. И насколько это в моих силах, облегчить вам беды, которые на вас обрушились.

Алессандро выслушал то, что надеялся услышать, и с улыбкой вынул из внутреннего кармана куртки лакированный футляр цвета граната.

— Примите, я заказал это для вас у Бальдассаре Миланезе, лучшего ювелира Рима, к которому отныне вы можете обращаться с любыми пожеланиями.

Маргарита открыла футляр. Там лежала золотая подвеска, в которую была вправлена трехслойная камея: Юпитер, обратившись быком, везет через Босфор похищенную Европу. На овальной, величиной с мандарин камее скульптор ухитрился изобразить прелестное тело Европы с едва развившейся грудью и даже гирлянду цветов на рогах быка. Белые фигуры выступали из глубины красного камня, и по фактуре Маргарита догадалась, что это вещь старинная. Стоила она по меньшей мере тысячи две скудо. На эти деньги в Венеции можно было купить дом на канале Гранде.

Кардинал хотел обеспечить себе безграничную благодарность.

— Это самая прекрасная из драгоценностей, которую я когда-либо видела. Вряд ли я отважусь

ее носить.

— Всегда, Маргарита. Носите ее всегда. Ваша грудь — лучшая оправа для этого чуда.

Тут он опустил голос до хриплого шепота:

— И я смогу насладиться чудом…

Лицо Маргариты вспыхнуло, глаза влажно блеснули, заставив сердце Алессандро бешено забиться. Теперь он уже мало походил на того сдержанного человека, что тихо постучал в дверь. Маргарита протянула ему подвеску, чтобы он помог ее надеть, и повернулась спиной, приподняв волосы.

Едва Алессандро коснулся шеи девушки, у него задрожали руки и глаза заволокло туманом. Он безуспешно пытался зацепить маленький крючок застежки за последнее звено цепочки. После, после справится он с этой задачей… Маргарита, не оборачиваясь, чтобы не смущать его взглядом, остановила его руки, поднесла их к губам, а потом к груди. Он обнял ее сзади и почувствовал ее наготу под туникой, а она ощутила его горячий, пульсирующий член.

Маргарита обернулась и подставила ему полураскрытые губы.

В мерцающем полумраке золоченой комнаты Маргарита излучала сияние, или, по крайней ме-

ре, так показалось Алессандро. И он поцеловал ее, как свою самую первую женщину, только более умело, и подумал, что все получилось так просто и прекрасно, как он и вообразить не мог. И эта простота рождала желание как можно скорее завершить первое объятие, войти наконец в полное обладание этой женщиной, которая могла бы уже давно принадлежать ему. Маргарита поняла его поспешность и страх. Страх оказаться не на высоте, не оправдать звание любовника, которому нет равных. Она знала, что, продлевая ожидание, она во много раз увеличит наслаждение Алессандро, который теперь казался бесхитростным и нетребовательным — обыкновенный влюбленный мальчишка.

Видно, римские куртизанки плохо поработали с папским племянником.

Она сама начала расшнуровывать ленты его рубашки и сбросила куртку с его плеч. Потом принялась за штаны, но их стянуть не удавалось из-за напряженного, торчащего вверх пениса. Наконец она взяла его в руку и отодвинула в сторону, чтобы высвободить из складок скрывавшей его ткани. Он был твердый и уже влажный, и она испугалась, как бы мальчик не кончил слишком рано и не испытал разочарования. Розовый

клинышек, который она держала в руке, заставил Маргариту почувствовать всю хрупкость и уязвимость мужчины, во владение которым она собиралась вступить. Поэтому она быстро ослабила руку, поняв, что стиснула ее слишком сильно. Алессандро, уже нагой, прижался к ее лиловой тунике, видно не решаясь ее снять.

Она мягко его отстранила и сама распустила ленты шнуровки, для начала позволив тунике соскользнуть под грудь, полную, белую и нежную, как холмики сливочного масла. Он застонал и набросился на розовые соски, попеременно покусывая их, прижимаясь к ним то ртом, то лбом, чтобы почувствовать их всем лицом. Когда же он принялся ласкать их ресницами, Маргарита не удержалась и нежно улыбнулась.

С упавшей к ногам туникой она смотрелась как Венера, выходящая на закате из пены Эгейского моря. Отступив к ложу, она уселась так, чтобы поднятая на одеяло нога давала ему возможность разглядеть влажный плод, едва прикрытый вьющимся на лобке золотом. Он же застыл посередине комнаты с напряженным, торчащим членом, который явно его смущал. Наконец он решился сдвинуться с места, как мальчик, держа свою мужскую гордость обеими руками, чтобы

не дергалась во время короткого путешествия к ложу и Маргарите.

Когда он добрался до постели, она призывно откинулась на подушки. Теперь глазам Алессандро предстала темная полоска между мягкими розовыми губами, которая открылась снизу венерина бугра, покрытого рыжеватым пухом. Он бросился на прекрасное тело Маргариты, пытаясь войти в него без помощи рук, а руками обхватил ее нежные ягодицы, прижимая их изо всех сил.

Маргарита помогла ему, кончиками пальцев направив член по нужному пути и слегка его при этом повертев для лучшей смазки. Почувствовав, что головка начала скользить по влажным стенкам, она сильно подалась вперед, помогая себе ногой, оставшейся на полу, и Алессандро ворвался внутрь всей душой и всеми доступными частями тела.

Он принялся выкрикивать ее имя, и она закрыла ему рот рукой, просунув пальцы между зубами, чтобы он их закусил и замолчал: не хватало еще, чтобы весь дворец наслаждался их свиданием.

Едва найдя свой ритм, Алессандро поднял голову и посмотрел на Маргариту: ему надо было удостовериться, что он зажег ее своим пылом и она испытывает такое же наслаждение. Как и все

мужчины с завышенной самооценкой, он хотел показать, какой он любовник, роли покровителя ему было мало. Маргарита же, хоть и не без удовольствия ощущала в себе движение набухшей плоти и вдыхала аромат тела Алессандро, знавала и более одаренных и пылких любовников и ощущения, о которых усердный кардинал даже не догадывался. Но она понимала, что иллюзия наслаждения даст ей неоценимые преимущества.

Аретино только подтвердил то, что она прекрасно знала и без него. Зато он не знал, насколько легко оказалось удовлетворить Алессандро, который сейчас наваливался на нее, как молодой гондольер на весло.

Маргарита широко распахнула глаза, изобразив невыносимое до болезненности наслаждение, и почти до обморока задержала дыхание, а потом голосом мученицы принялась испускать жалобные вопли о пощаде.

Она умоляла сжалиться и прекратить эту пытку наслаждением, а сама старалась впустить его еще глубже, до самого горла, словно ее собственная жизнь ничего не стоила в сравнении с тем самым розовым клинышком, который усердно в нее пихали.

А он, воодушевившись наслаждением подруги,

теперь находился наверху блаженства и двигался механически, стараясь поддержать желание, которое чудилось ему в голосе и жестах Маргариты. Когда же Алессандро показалось, что он уже достаточно доставил ей удовольствия, кардинал закрыл глаза и уткнулся лицом в ямку на ее плече. Движения его стали неистовыми и судорожными, все ускоряясь и ускоряясь, пока не завершились громким болезненным криком.

Кончив, он долго приходил в себя, закрыв глаза. Когда же он их открыл, то встретил полные благодарных слез глаза Маргариты. Несомненно, это было лучшее объятие, которое она когда-либо испытала. Алессандро почувствовал, как его охватывает давно позабытое ощущение счастья. Он — племянник Папы, самый могущественный кардинал в Европе, и в постели он как бог. Если бы у него был еще десяток камей, Алессандро бы все их положил к ногам этой Венеры из слоновой кости, которая явилась, чтобы утешить его в трудную минуту.

Кардинал поднялся с постели, и нелепый набухший член, освободившийся от желания, больше не смущал его.

Взяв со стола хрустальный графин, он налил вина в бокалы с ножками в виде драконов с ры-

бьими хвостами.

— Маргарита, за последние годы я ни разу не был так счастлив. Я у ваших ног. Помогите мне только сделать так, чтобы и вы полюбили меня.

— Вы в помощи не нуждаетесь. Но обещайте мне не говорить об Эросе, вставая с постели. Слова лишают его прелести.

— Вы правы, хватит болтать о желаниях. Расскажите лучше, как провели вы время в Риме в мое отсутствие. Мне известно, что вы свели знакомство с Микеланджело и с Колонной и подружились с Ренатой Французской, герцогиней Феррары. Все это высокопоставленные персоны, знакомства с которыми ищут многие в Риме.

— Я вижу, вы прекрасно осведомлены о моей жизни, — улыбнулась Маргарита, притворно надувшись.

— Простите меня. Рим кишит шпионами, и привычка держать всех под контролем уже укоренилась. Да и в конце концов, излишне напоминать вам, что все наперебой стараются сообщить мне, что обо мне думают в Риме. Однако есть один нюанс… Все они — Виттория и Рената и две их подруги, Джулия Гонзага и Элеонора Гонзага, герцогиня Урбино, которые уже прибыли в Рим или вот-вот прибудут на

крестины моих племянников, — принадлежат к самой высокой знати, нога которой когда-либо касалась итальянской земли, однако… Однако, как бы это выразиться, об этих дамах слишком много болтают.

Маргарита сделала вид, что не понимает, но, чтобы не афишировать свою наивность, заняла оборонительную позицию.

— Вы говорите, о них слишком много болтают. Но у них репутация самых добродетельных женщин в Италии. Может, Рената когда и позволяет себе грешить, но не с мужчинами низкого сословия: с конюхами, солдатами, — так что она ничем себя не скомпрометировала. О Джулии известен только ее роман с кардиналом Ипполито Медичи, который, похоже, никогда не кончится. А Виттория с Элеонорой после смерти мужей и вовсе перестали смотреть на мужчин.

Алессандро улыбнулся и поцеловал ее ступни, которые Маргарита, чтобы согреть, засунула под его ноги.

— Я не это имел в виду, Маргарита. О них болтают в связи с необычными религиозными наклонностями, которые объединяют их с группой мужчин, также достойных всяческого уважения: это Реджинальд Поул, в котором де-

душка, к сожалению, видит своего преемника на папском престоле, кардинал Мороне, Эрколе Гонзага и другие. Все они люди строгих правил, убежденные, что с верой надо проживать каждое мгновение жизни. В этом явно есть излишество, доходящее до того, что многие кардиналы начали приближаться к Лютеру и тайно сочувствовать распространению его доктрины в Италии.

Маргарита удивилась еще больше:

— Дамы, тем более такие знатные, вообще не должны заниматься вопросами религии. В Венеции женщины беседуют о музыке, о нарядах, зачастую о делах, но о религии — никогда. Правда, в Венеции столько разных религий, что распространяться на эту тему остерегаются. Там есть евреи, предоставляющие ссуды, мавры, которые поклоняются своему пророку, и много таких, кто поклоняется солнцу, воде или растениям.

Алессандро улыбался. В римском климате, где религия давно превратилась в поле сражения, его забавляло наличие духовной целины в сознании этой девушки. Было бы заманчиво эту целину распахать и тем самым укрепить свое преимущественное положение. Он объяснил со снисходительным видом:

— В данный момент религия тесно перепле-

лась с вопросами политики, но для вас эта тема скучна. Я хотел только предостеречь вас от дружбы, которая может кончиться бедой. И для меня тоже, — добавил он, внезапно посерьезнев.

Маргарита по-своему упростила вопрос:

— Я встретилась с Витторией Колонной в Бельведере у Тициана. А с Ренатой — в гроте Дианы под церковью Санта Сабина на Авентинском холме, куда отправилась, чтобы увидеть эту любопытную, странно изукрашенную скульптуру.

— Диана Эфесская? Я слышал о ней, но сам никогда не видел, даже не знал, где она находится.

Алессандро вдруг, казалось, вспомнил о более важных вещах:

— Кстати, через два дня состоится крещение, и Папа, как вам известно, чтобы придать ему больше торжественности, сделал так, чтобы оно совпало с ежегодной церемонией празднования его восшествия на престол. Этот праздник должен удаться во что бы то ни стало. Пусть все европейские гости увидят единую и сплоченную семью Папы. И я хотел бы, чтобы вы помогли мне по мере сил. Вы должны принять участие в празднике, но с тактом. Рим привыкнет ко всему при условии, что форма будет соблюдена.

После этих слов у Маргариты не осталось со-

мнений: Аретино сказал чистую правду.

V
ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО

Третьего ноября, в годовщину восшествия на папский престол Павла III, должен был состояться праздник крещения близнецов Карла и Алессандро, родившихся от Оттавио Фарнезе и племянницы императора Маргариты Австрийской. Праздник должен был усмирить гнев Карла V на Папу, который без разрешения императора начал создавать в Италии новые государства.

Как же устоять против зова плоти, когда в малютках смешалась кровь Фарнезе с императорской кровью? Рождение близнецов было явно знаком божественного благоволения престарелому Папе.

Незаконная дочь императора сочеталась браком с «племянником» Папы благодаря лицемерию курии, которая сыграла на двусмысленности термина «грех прелюбодеяния»: племянником считался и сын сына, и сын брата[13], и все сдела-

[13] Примечания: 13

Итальянский язык беднее русского в смысле обозначения родственных связей: так, например, золовка, невестка и свояченица по-итальянски обозначены одним словом cognata. Точно так же слово nipote обозначает одновременно и племянника, и внука; о внуке говорят еще nipotino.

ли вид, что признали второй вариант. Однако у Папы не было братьев.

Скандальный праздник по поводу крещения внуков Папы перетекал в канонизацию его христианских добродетелей, под понимающими взглядами большинства и гневными — немногих, которые, однако, старались не выдать своих истинных чувств.

Религиозная церемония должна была состояться в маленькой церкви Святого Евстахия, расположенной за дворцом на Навонской площади, построенным по проекту Рафаэля и полученным в наследство Маргаритой после смерти своего первого мужа Алессандро Медичи.

На торжество пригласили всех кардиналов и крупных государей Италии. Крестной матерью должна была стать Екатерина Медичи, дофина Франции, а крестными отцами — герцог Флоренции, маркиз дель Васто и герцог Феррары. Прислуживать за столом будут сто двадцать пар прислуги из лучших домов Италии, в пурпурных ливреях с золотой оторочкой.

Этим торжеством Фарнезе хотели обозначить вершину мирской славы своего клана в Вечном городе, всего в нескольких милях от городка, из которого они начали свое победное восхождение.

Не имея собственных семейных традиций, они наняли историка-эрудита Паоло Джовио, из угодливых придворных Алессандро Фарнезе, чтобы тот порылся в итальянских анналах и нашел подобное же торжество для соперничества.

Выбор Джовио пал на праздник, устроенный десятью годами ранее в Неаполе по случаю бракосочетания Боны Сфорца с польским королем. В хрониках сохранились детальные описания туалетов приглашенных, украшений стола и блюд, которые подавали на банкете. Среди них были незабываемые паштеты из дичи, голубей и дикого кабана, слоеные флорентийские пицы и невероятное количество вареных овощей, засахаренных каштанов, всяческих конфет и марципановых тортов.

Много ночей не спали неаполитанские повара, трудясь за широкими, как площади, столами, заваленными кровоточащими тушками для фаршировки и множеством снеди для салатов. Их опалял жар печей, готовых принять тесто.

Папа пожелал пойти еще дальше, и уже за десять дней до торжества в кухнях палаццо Фарнезе и палаццо Мадама, как называли резиденцию Маргариты, суетилась целая армия поваров и прислуги, ощипывая птицу, обдирая бычьи туши

и замешивая тесто.

———

С приближением знаменательного дня многие из приглашенных тоже потеряли сон. Рената, в тонкой льняной сорочке, ворочалась на ароматных простынях широкого ложа в бельэтаже палаццо Колонна, в нескольких сотнях метров от кухонь, где уже выбивались из сил несчастные повара и их помощники.

Она прибыла в Рим как представительница заболевшего мужа, и положение ее было незавидным, ибо в ее супруге все видели главного противника создания герцогства Пармы и Пьяченцы, которые граничили с его землями, подвергая риску их политический суверенитет. Но всякое сопротивление было подавлено, и теперь надо было восстанавливать отношения с Фарнезе. Ее принадлежность к королевскому дому Франции гарантировала ей должное уважение, но не могла служить защитой от наглых выходок Пьерлуиджи Фарнезе.

После вечера, проведенного у Маргариты, она вернулась в палаццо Колонна, где гостила у Виттории, и стала ждать прибытия Элеоноры Гонзаги. Рената улеглась в постель, но заснуть

не могла. Мысли о грядущих днях тревожили ее больше, чем накануне отъезда из Феррары. Нечего было и надеяться, что на церемонии папская семейка не попытается ее задеть, и единственное, что ее утешало, это присутствие и поддержка подруг. Рядом были Виттория и Джулия, а скоро приедет и Элеонора.

Элеонору Гонзагу не могли не пригласить в числе самых могущественных гостей. Ее муж Франческо Мария делла Ровере, герцог Урбино, умер, герцогство находилось в руках их сына Гвидобальдо, и она изо всех сил пыталась умерить пыл юнца, который унаследовал от отца худшие из пороков, даже не приблизившись к его заслугам.

В тот момент, когда Рената поднялась с постели, карета Элеоноры, освещенная первыми лучами солнца, въезжала в ворота дель Пополо.

Палаццо Колонна просыпалось со звуком колокола церкви Санти Апостоли, возвещавшим утреннюю молитву священникам и время заняться домашними делами служанкам. А они уже и так успели набрать воды и спешили домой, нагруженные бурдюками.

В то утро задул осенний сирокко. Набухшие водой облака обрушили на Рим неистовый дождь,

который кончился так же внезапно, как и начался. Потом выглянуло еще жаркое солнце и засверкало в ручейках и лужах, заполнивших каждую ямку в земле. Вода стекала в Тибр очень медленно, и это могло продолжаться целыми днями, обрекая на долгую сырость плохо отстроенные кварталы, где, загораживая дорогу солнечному свету, беспорядочно громоздились друг на друга дома из дерева, туфа и совсем древние строения.

Внутреннее напряжение мучило Ренату, и, едва стало можно различить в первых лучах солнца неровную дорогу под ногами, она поднялась по саду Колонна до самого холма Квиринала, где два огромных изваянных Фидием коня, которых вели под уздцы Кастор и Полидевк, изменили название места, и теперь оно было известно как Монтекавалло[14].

Набросив на полотняную сорочку черный плащ, Рената пробиралась по тропинкам среди ожившей от дождя травы. Мандарины и лимоны начали уже желтеть, и их запах сливался с ароматами нагретой солнцем земли. Но что более всего удивляло, так это зелень, которую

---

[14] Примечания: 14
Montecavallo *(ит.)* — Лошадиный холм.

ни во Франции, ни в Ферраре не найдешь и в разгар лета: изумрудные брокколи с маленькими желтыми цветами на макушках, стекловидный салат, скрипящий под пальцами, и пышный латук с многослойными листьями, завернутыми в виде розочек. Огромные желтые тыквы походили на диковинные дыни, завезенные из едва открытых краев и сразу прижившиеся в Риме. А красные помидоры, тоже недавно появившиеся, казались еще чужаками на грядках, выделяясь глазированной киноварной кожурой.

В самые неожиданные минуты в Ренате просыпалась душа крестьянки, с детства вскормленная вместе с душой королевы, и тогда на память приходили образы античной поэзии, которую она любила больше всего на свете. Она срывала траву и жевала, чтобы ощутить ее вкус и плоть, жадно нюхала мохнатые помидорные листья, чтобы запомнить незнакомый запах, уводивший ее далеко от докучливых светских обязанностей. И только освоившись в огороде, она отважилась подняться в верхнюю часть сада, где роскошь и богатство съедобных плодов сменял изысканный декор. Сорвав помидор и почувствовав, как гладкая кожура наполняет ладонь, Рената с детской жадностью сунула его в карман плаща.

Решив обследовать весь сад, герцогиня Феррары поднялась по мраморной лестнице, украшенной античными скульптурами, которые наводнили землю Рима. Фигуры с акантов коринфских фризов стояли вперемешку со сбитыми с римских саркофагов ангелочками, грустно держащими погашенные в знак траура факелы. Победные гирлянды в руках полногрудых крылатых богинь висели параллельно глубоким бороздам, выбитым в мраморе грубыми резцами тех, кто вытесывал первые христианские могилы. Громоздясь друг на друга, следы застывшей в камне памяти тысячелетий взмывали вверх рядом с виноградником, уравнивая этрусских и греческих богов с абстрактной геометрией классических ордеров. Опытному глазу одна эта лестница могла бы поведать о долгой жизни Рима и обо всех ее изменениях.

Лестничный марш из кирпичей с выступающими торцами и со стоящими по бокам балясинами из травертина, которые с трудом удерживали разросшиеся кусты венерина волоса, круто поднимался в самую высокую часть сада, к копытам мраморных коней.

Рената обернулась и посмотрела вниз, на крыши самого причудливого в мире города, который

сделала вечным сначала война, а потом святость. Над ними поднимался купол Пантеона, единственная округлая форма среди леса колоколен и башен, откуда отправлялись к Богу молитвы. Неожиданно яркий луч солнца заставил ее поднять глаза к небу, где неслись в сторону моря тяжелые облака, окрашиваясь то в желтые, то в грозные серые тона. Одно фантастичнее другого, пролетали они над белой громадой Колизея с пустыми арками. Чтобы не упасть при виде этого зрелища, она села, не замечая холода, поднимавшегося от сырого камня, и, помимо воли, разрыдалась.

Пока Рената, захваченная картиной осеннего неба, плакала беспричинными слезами, ее подруги встречали Элеонору, которая после долгого путешествия добралась до дворца как раз вовремя, к последним приготовлениям.

Карета, украшенная по бокам голубыми гербами с перекрещенными дубовыми ветвями[15], унизанными золотыми желудями, въехала в ворота первого двора, и вскоре оттуда послышались крики радости Джулии и Элеоноры. Виттория, заломив руки и улыбаясь, стояла рядом.

Рената, как девчонка, разозлилась на себя,

[15] Примечания: 15

Rovere по-итальянски значит «дуб», и в гербе герцога делла Ровере, естественно, фигурировали дубовые ветви.

что пропустила приезд подруги, и бросилась по лестнице, не обращая внимания на слуг и стражников, которые шарахались при виде здоровяка в юбке, прыгающего через две ступеньки.

Теперь со двора уже донесся радостный визг Ренаты, перекрывший крики Джулии. «Элеонора! Элеонора!» — неслось с галереи, каменными арками выходившей во двор.

Рената на руках вынесла из кареты маленькую, худенькую Элеонору. Глаза у той всегда были на мокром месте, и теперь в них тоже блестели слезы, а лицо разгорелось от избытка чувств.

— Пять лет, Элеонора, пять лет! Даже моя сестра во Франции никогда не оставляла меня так надолго.

Элеонора, пытаясь оправдаться в том, в чем не была виновата, умоляюще смотрела на нее.

— Больной муж, маленькие дети, на себя совсем не оставалось времени.

— Знаю, знаю… — обняла ее Рената.

Она уже раскаялась в своих словах. Элеонора долго ухаживала за больным мужем, да и сама страдала от последствий болезни, которой он ее заразил.

— Юный герцог, мой сын, стал таким дерзким и нетерпимым! Он хочет единолично управлять

герцогством. Я бы ему позволила, только чтобы посмотреть, как за несколько недель его разденут догола, но ничего не выходит. Можно подумать, что единственное мое предназначение — давать мужчинам моего рода возможность властвовать.

— Не у тебя одной.

Под улыбки подруг Рената начала отводить душу. Этим она славилась, и в такие минуты можно было усомниться в ее королевском происхождении.

— Возьми хоть моего муженька, сына величайшего из итальянских генералов, который научил всех укреплять стены крепостей и конструировать пушки. Ха! Если бы все зависело от него, он бы уже давно потерял Феррару. Он совершенно не способен ориентироваться в кознях дипломатии и не может схватить вора за руку, даже если тот залез ему в карман. Все свое время я трачу на то, чтобы распутывать заговоры против дома д'Эсте. Если бы я вышла замуж за турка, жизнь моя была бы намного легче. И здоровее. Эрколе тоже наградил меня венериным подарочком. А что ты думаешь?

Герцогиня взглянула на Элеонору и продолжила:

— Только твой объехал все Средиземноморье

со своим войском, и кто их знает, что там были за солдаты. А мой никогда не выезжал из Феррары. Он является ко мне раз в месяц, и только я знаю, чего мне это стоит. Мне плевать на супружеский долг, это надо ему, чтобы чувствовать себя довольным и сильным, но даже тут он умудрился подцепить сифилис. Видно, за пределами дворца у него были другие привязанности.

— Ладно, перестаньте, — вмешалась Виттория.

Она находила малопристойным обсуждать семейные трагедии, стоя под дворовой аркой. С тех пор как она потеряла мужа, этот вопрос для нее был закрыт.

— Подумаем лучше о важном завтрашнем дне.

— Вот-вот. А какие наряды вы привезли?

Они вошли в комнату Виттории, и Джулия потащила Ренату и Элеонору к дивану под окном.

— Я не об этом, — строго сказала Виттория. — Это будет важный день для будущего Италии и еще много для чего.

— Ну да, конечно, но мы не виделись столько лет. Уж и пошутить нельзя! — запротестовала Джулия.

Рената поддержала протест:

— Мы уже пятнадцать лет не были ни на одной коронации, с тех пор как император вошел в

Болонью. Тогда мы были девчонками. Правда, мы и сейчас не старухи, но, как говорится, добрый совет не повредит, да мы и не можем унизить дома, которые будем представлять.

Виттория торжественно выпрямилась и попыталась защищаться:

— Достоинство и уважение — добродетели души, а не нарядов.

— И нарядов тоже, — отпарировала Рената. — Да ладно, Виттория, дай немного подурачиться.

Виттория улыбнулась и отправилась на кухню давать распоряжения к обеду. В этот момент вошла Маргарита, которая уже познакомилась с Элеонорой в Урбино по дороге в Рим: Тициан, будучи преданным слугой дома делла Ровере, написал для них множество картин и портретов и останавливался у них в палаццо. Однако Элеонора очень удивилась, встретив Маргариту в доме Виттории, в том особенном кружке, где никогда не принимали посторонних, и уж тем более куртизанок. Она резко замолчала, вглядываясь в вошедшую Маргариту, но Рената не дала ей времени смутиться.

— Это Маргарита, моя юная подруга. Не пугайся, она человек необыкновенный и… и очень верный.

До Элеоноры не совсем дошел смысл этих слов, но ей достаточно было посмотреть на Витторию, с мрачноватой улыбкой опустившую глаза, чтобы успокоиться и почувствовать доверие к девушке, которая и так завоевала ее сердце в Урбино.

— Какая радость видеть вас, дорогая, и, прежде всего, узнать, что вы прекрасно устроились в этом коварном городе.

— Маргарита, синьора, мое имя Маргарита. Я тоже рада видеть вас, хотя не могу сказать, что удивлена: я знала о вашем приезде.

Рената вернулась к теме разговора: ей не терпелось воспользоваться редким моментом близости с подругами.

— Я привезла пурпурное парчовое платье, расшитое золотыми цветами и речным жемчугом. И блузку из желтого шелка, тоже с ажурной вышивкой маленькими жемчужными цветами с рубинами в серединках. Я узнала, что Элеонора Толедская[16] мобилизовала лучших портных Флоренции и хочет перещеголять саму синьору Маргариту. Конечно, зная ее вкусы, это нетруд-

---

[16] Примечания: 16

Элеонора Толедская (1522–1562) — дочь вице-короля Неаполя, жена великого герцога Флорентийского Козимо I Медичи. Знаменита как меценатка, законодательница мод и страстная коллекционерка драгоценностей. Будучи ревностной католичкой, разрешила присутствие во Флоренции иезуитов.

но, но мне не хотелось бы выглядеть нищей оборванкой рядом с женой лавочника, который ухитрился пять лет назад пролезть в герцоги. А для верности я прихватила еще половину королевских драгоценностей и длинный, до пят, плетеный золотой пояс. Весит он, правда, как доспех, зато защиту обеспечивает куда надежнее.

— А на мне будет только лиловая туника, — прошептала Джулия, прекрасно зная, что ею и так все будут любоваться.

С ее красотой трудно было сравниться, и она забавлялась, глядя на тщетные усилия других женщин разодеться в драгоценные ткани и обвешаться украшениями, что только, наоборот, подчеркивало их грубые лица.

— У меня есть туника из двойного шелка, который отбрасывает серебристые отсветы на грудь и золотистые — вниз. И еще кармазинный шелковый пояс, который надо обернуть вокруг талии, как носят турки, и апельсинового цвета блузка, открытая на шее и груди.

— Апельсинового? — удивилась Виттория.

Лиловый цвет мог бы подчеркнуть очарование Джулии, с ее черными глазами с аметистовым отливом, но оранжевая блузка — это уж получалось слишком театрально. Она чуть не сказала «как

у куртизанок», но вовремя осеклась, вспомнив про Маргариту.

— Ну да, оранжевого. Ткань прибыла из Сирии, и у нее такой живой, новый тон, и не красный, и не желтый. Не знаю, будет ли хорошо, но мне так нравится этот огонек возле лица, что я решила завтра надеть блузку.

— Только послушайте ее, она даже не знает, пойдет ли ей! Завтра все будет как всегда, и стража станет силой отгонять поклонников от твоих юбок. Слушай, а может, тебе начать по-настоящему скрывать лицо, только не под шелковой накидкой, которая все равно просвечивает, а под железной маской? Закажи ее Бенвенуто Челлини, и тогда тебя уж точно никто не узнает.

На эту реплику Ренаты все расхохотались.

— Ну а ты, Элеонора, герцогиня Урбино, что наденешь? У тебя еще что-нибудь осталось от твоей матушки Изабеллы? Уж она-то умела всех удивить изысканностью. Когда я, незадолго до ее смерти, лет шесть назад, отправилась навестить ее, она и на смертном одре выглядела как само изящество. Волосы аккуратно причесаны, тонкая льняная рубашка с розовыми шелковыми лентами, у постели книги и статуэтки, белая шерстяная шаль, которую она сама связала крючком. Теперь

уже нет таких женщин.

Элеонора опустила глаза.

— Нет, ее нарядов у меня не осталось, только ожерелье, эскиз которого нарисовал Джулио Романо, а Челлини сделал, когда бежал из Флоренции в Мантую. Прекрасное украшение. Невестка оставила мне его, сказав, что только дочь Изабеллы д'Эсте может его носить. Потом вам покажу. Там золотые листочки и крылатые амуры с рубинами в виде миндаля в руках, а на застежке двойной узелок из жемчужин и изумрудов. Ожерелье совершенно неотразимо.

— Ну все, конец Элеоноре Толедской. Завтра ей вместо титула герцогини Тосканской, как рассчитывал ее муж, подадут на бедность. У нас тоже имеются флорентийские украшения лучших мастеров, каких в Италии не сыщешь.

— Рената! — почти выкрикнула Виттория. — Ну что ты издеваешься над бедняжкой? Хватит и того, что она живет в городе, который кишит республиканцами и где по крайней мере раз в месяц составляются заговоры против нее и ее мужа.

— Ох, Виттория, до чего же ты наивна! Если хочешь знать, то эта бедняжка, едва приехав во Флоренцию, начала преследовать все свободные умы города. Она заставила закрыть многие

библиотеки и отозвала лицензии на печатание немецких и античных книг. Все ее советники — люди Карафы. Даже ее муж, который явился, чтобы разогнать шпионов Сан Марко и поддержать свободных мыслителей, теперь склоняет голову перед бледнолицей Элеонорой. Она буквально напичкана предрассудками и в осуждении реформатов намного превосходит инквизицию. Наверное, она думает, что если будет заодно с руководителями контрреформатов, то ей удастся укрепить владычество ее супруга. Знаешь, кто ее духовный наставник? Эта полоумная Катерина деи Риччи, которая утверждает, что безболезненно избавилась от сорока двух почечных камней, получила стигматы на груди и что вкус мяса и сыра вызывает у нее рвоту.

Виттория наклонила голову и вопрошающе нахмурилась. Эта информация до нее не доходила. Рената поняла, что одержала верх, и продолжала, торжествующе глядя ей в глаза:

— Вот духовная вершина, на которую Элеонора ориентируется, чтобы приблизиться к Богу. Она советуется с Катериной по каждому вопросу, дала себя убедить, что в Неаполе надо создать трибунал инквизиции наподобие испанского, и теперь пристает с этой идеей к отцу, вице-ко-

ролю Неаполя. Две недели назад народ собрался у монастыря Сан Доменико Маджоре, чтобы не дать схватить двух монахов, которых эти ханжи обвинили в проповеди ереси Вальдеса[17]. В ереси, понимаешь? Для них учение Вальдеса — это ересь, вот как обстоят дела. Два человека, пекарь и сапожник, погибли, и будут еще жертвы, если мы не сделаем ничего, чтобы защитить несчастный город от религиозного фанатизма Толедо и его достойной дочери. Тебе достаточно, Виттория? Ты все еще думаешь, что я жертва женского соперничества?

У Виттории не хватило мужества возражать. Подруга гораздо лучше ее разбиралась в политической ситуации во Флоренции и Неаполе. Рената была настоящей правительницей и понимала, что информация — ключ к любой власти.

Виттория повернулась к Маргарите, которая не вмешивалась в дискуссию, взяла ту за руку и, дружески улыбаясь, сказала:

— Пойдем, я покажу тебе кухню и весь дворец, в последний раз нам не хватило времени.

— Нет! — Элеонора почти вскочила с дивана. —

---

[17] Примечания: 17

Хуан Вальдес (ок. 1500–1541) — испанский философ, один из представителей унитарианства, течения, оспаривавшего догмат о Божественной Троице.

Слушай, Виттория, я привезла с собой пескарской маисовой муки и хочу приготовить вам струффоли[18].

Все, включая Витторию, шумно, по-детски обрадовались. Виттория подбежала и обняла подругу.

— Элеонора, ты все еще не бросила готовить? И не боишься испортить здоровье? Струффоли — это чудо!

— Что за женщина!

Джулия принялась целовать Элеоноре руки.

— Единственная из принцесс, кто выкормил грудью детей, в то время как даже жены торговцев нанимают кормилиц. Элеонора, ты великолепна, и я иду к тебе в подручные.

— Чтобы не наделать скандала на весь Рим, надо удалить прислугу, — сказала Виттория. — Четыре принцессы крови закрылись в кухне и растирают яйца с мукой. Назавтра мы рискуем попасть под арест за колдовство.

Все дружно двинулись к лестнице, ведущей на кухню. Ступени освещали лучи солнца, которым с трудом удавалось пробиться сквозь облака. Дворец, построенный древнеримским сенатором,

---

[18] Примечания: 18

Струффоли — рождественская сладость: маленькие кубики из мягкого теста, обжаренные сначала в масле, а затем в меду. Подаются на стол с фруктами, часто украшаются блестящими шариками из глазури.

стоял здесь уже тысячи лет. Даже когда Колонна перебрались в окрестности Рима, где у них имелись замки, достойные суверенов, они никогда не покидали этого палаццо. Вместе с Орсини они были самой влиятельной семьей в Риме, всегда имели в курии своего кардинала, и каждому из пап, чтобы править спокойно, приходилось считаться с их мнением.

В прошлом веке палаццо Колонна приспособили к вкусам еще не сложившегося Возрождения, и оно сохранило мрачность старой постройки. Колонны и карнизы, имитирующие карнизы форумов, были далеки от элегантности, которая появится потом в Риме, но отсутствие изящных очертаний компенсировалось грандиозностью, достойной королевского дворца. Внушительные размеры спасли его от штурма ландскнехтов во время осады города. Он был в числе немногих дворцов, куда не ворвался неприятель, отчасти по причине связей клана Колонна с окружением императора, отчасти по причине невиданной высоты стен, отбивавшей всякую охоту их штурмовать. Внутри дворца могли разместиться около трехсот человек, но во время осады их число удвоилось, поскольку туда стекались люди со всего Рима. Там нашла убежище Изабелла д’Эсте, мать

Элеоноры, правда, ей спасли жизнь не только дворцовые стены, но также и солидный выкуп.

Палаццо походил скорее на укрепленный город, с десятками помещений, бессистемно выраставших с течением веков и имевших разную высоту и форму. В одних сохранились на окнах мраморные решетки с алебастровыми экранами, в других окна были разделены резными колонками, выполненными в северном вкусе, явно восходящем к временам «авиньонского пленения пап»[19]. Архитектор при переделке попытался упорядочить эту пестроту стилей, выстроив два больших двора, окруженных лоджиями с арочными галереями, откуда можно было попасть в любое крыло палаццо.

В передней части дворца, выходящей на церковь Санти Апостоли, которую теперь считали фамильной капеллой, он выстроил современные жилые помещения. Лучшие итальянские художники украшали их фресками со сценами из Овидия, чередовавшимися со славными деяниями семейства Колонна.

---

[19] Примечания: 19

«Авиньонское пленение пап» (1309–1377) — эпизод борьбы за влияние между церковной и светской властью. Папа Климент V решил остаться во Франции навсегда и перенес свою резиденцию в Авиньон. Авиньонские папы были в полной зависимости от французских королей.

Широкая монументальная лестница, по которой могла бы подняться квадрига лошадей, стала парадным входом в новую часть здания. Здесь принимали Карла V, когда тот явился приветствовать генерала Просперо Колонна, самого доблестного и верного из своих итальянских вассалов.

В той части здания, что выходила на холм Монтекавалло, в древности Квиринал, остались нетронутыми комнаты, башни, стойла и казематы. Там, где некогда располагались конюшни, теперь находились четыре кухонных помещения, из которых прямо в огород открывались широкие окна южной стены.

Когда подруги, оглашая смехом арки дворовых галерей, вбежали в первую кухню, они застали там семерых служанок в черных передниках, которые пытались разобраться в грудах брокколи и желтых тыкв, наваленных на столы садовниками.

— Сегодня утром вы свободны, — приказала Виттория, вызвав у женщин замешательство, граничащее с испугом. — Да-да, можете идти и посвятить этот день молитвам. До вечера вы нам не понадобитесь.

Кухарки восприняли этот приказ как очеред-

ную странность маркизы, которой не следовало перечить.

Не прошло и часа, как половину одного из столов заняла внушительная горка муки, которую вымешивали с яйцами и сахаром умелые руки Элеоноры и энергичные, но не такие проворные — Ренаты. У Виттории от старания сползла с головы белая косынка и грива волос свободно рассыпалась по плечам.

— Сколько лет я не видела твоих распущенных волос, — восхищенно сказала Рената, отважившись потрогать голову подруги. — Ух, какие густые! И вправду, волосы — символ добрых мыслей. А уж сквозь твои точно просвечивает огонь милосердия.

Виттория улыбнулась.

— Не всякий день происходят такие события, и я не совсем готова. Уж и не помню, когда в последний раз спускалась на кухню. Но мне нравится запах сырого орешника, идущий с огорода. Запах осени.

— А я перестала заходить на кухню с тех пор, как чуть не спалила королевство Феррару, задумав угостить итальянцев пирожными «фламбуа». А вот наша Джулия очень ловко управляется с тестом.

Элеонора бросила на Джулию беглый взгляд и коротко рассмеялась. Глаза ее наполнились счастливыми слезами.

— Мне бы очистить руки от этого клея, я бы еще и не так смогла, — крикнула Джулия, которая старательно разделяла длинную колбасу из теста на маленькие равные кусочки.

Маргарита сновала по кухне, со смехом пытаясь подобрать все, что летело во все стороны из рук подруг, и помогая Виттории выполнять команды, которые сыпались на нее от всех сразу. Только Элеонора не теряла контроля над ситуацией, упорядочивая царящий вокруг нее хаос сухими распоряжениями и властными взглядами.

Она была мала ростом, но прекрасно сложена. Полную грудь, чтобы не торчала, явно с избыточной силой перетягивали шлейки ткани. На пухлом гладком лице выделялись точеный нос и тонкие, слабо очерченные губы. Но цвет их был таким ярким и живым, что бледное веснушчатое лицо казалось красивым и приветливым. Большие темные глаза отливали то зеленым, то коричневым, как спелый каштан, а красивый разрез и чуть припухлые веки придавали им задумчивое выражение, словно взгляд их хозяйки всегда был устремлен в горние выси. С годами в

этих прекрасных глазах появился блеск, который тревожил тех, кто любил Элеонору, и, когда она смеялась, глаза превращались в узкие сверкающие щелочки. Крутой и высокий царственный лоб обрамляли волосы цвета темного янтаря, почти всегда забранные под белый чепец с ушками, из-под которого, как и в это утро, выбивались локоны, доходившие до груди.

Теперь, когда ее не изучали чужие глаза, она позволила природе взять верх над той привычной покорностью, с какой она исполняла роль супруги и герцогини одного из самых беспокойных итальянских государств.

Грудь от энергичных движений рук стала высвобождаться из-под гнета бандажей и грозила выскочить в вырез платья, обшитый прозрачной тканью. Волосы совсем выбились из-под чепца и, если бы Виттория не перевязала их лентой со своего корсажа, наверняка вымазались бы в муке.

В простой домашней обстановке чувствовалось, что судьба Элеоноры незавидна: она оказалась зажатой между двух личностей огромного темперамента. С одной стороны довлела ее мать, Изабелла д'Эсте, красавица, которой восхищалась вся Европа и на плечах которой долгое время оставалось герцогство Мантуанское. С другой сто-

роны — ее муж, Франческо Мария делла Ровере, полководец храбрый, но жестокий и безоглядный в принятии серьезных решений. В четырнадцать лет он зарезал кинжалом любовника своей сестры, в шестнадцать собственными руками задушил кардинала Альдиози, который посмел над ним подшутить. Тем самым он создал своему дядюшке, Папе Юлию II, кучу проблем: надо было спасать племянника от смертной казни, предусмотренной за убийство кардинала.

Встав во главе беспокойного герцогства Урбинского, Франческо Мария все время должен был защищаться: сначала от нападок Льва X, который вынудил его бежать в Мантую к семье Элеоноры, а потом и Павла III. Последний Папа, как и его предшественник, прежде чем положить глаз на Парму и Пьяченцу, желал отобрать у него герцогство и отдать своему сыну Пьерлуиджи.

Франческо Мария с честью вышел из ситуации, но жизнь обернулась адом и для него, и для его жены, которая всегда его поддерживала и защищала. В эти тяжелые времена, руководимая матерью, она выказала необыкновенную стойкость духа и заслужила уважение и восхищение всей Италии.

Когда Франческо Мария приплыл с Кипра в

Венецию тяжело больной, она самоотверженно ухаживала за ним до последнего дня и устроила ему невиданно пышные похороны.

За кроткой внешностью Элеоноры скрывался железный характер, о котором ни муж, ни мать даже не подозревали. Среди забот правительницы она находила время и силы на учение Лютера, передавая это увлечение другим женщинам и побуждая их к тому, чтобы они, рискуя жизнью, поддерживали и распространяли опасное учение.

Теперь же она лепила с подругами сладкие струффоли, которые надо запекать в меду, и выглядела счастливой, как крестьянка накануне Пасхи.

VI
КРЕСТИНЫ В ПАЛАЦЦО МАДАМА

Когда на крестины прибыли Рената, Элеонора, Виттория и Джулия, было ровно одиннадцать и от церкви Святого Евстахия уже протянулся ряд юношей в ливреях. На них были красные береты с вензелями Папы и дома Фарнезе, нарисованными флорентийским художником. На Навонской площади с утра не смолкали фейерверки. Синьора Маргарита появилась одетая в платье из двойной, затканной золотом белой парчи, перепоясанное шнуром с финифтью, и в золотой сеточке с сотней жемчужин на волосах. Голову ее подпирали драгоценные ожерелья под которыми совсем исчезла тонкая шея. Ювелиру да Понте было выделено пятьсот золотых дукатов, чтобы он выковал из них тонкие полоски, которые потом вплели в ткань, и получилось жесткое и тяжелое платье, похожее на военную кирасу. Только здесь в бой вступали роскошь и золото.

За ней шла Софонисба Кавальери в платье из белого камлота с отделкой из карминного бархата, с соболиными хвостиками и с поясом из

старинных медалей.

Двадцать три года жизни дочери Карла V были омрачены несчастьями, которых она ни от кого не скрывала. После брака с кровожадным сыном Пьетро Медичи, Алессандро, она вышла замуж за Оттавио, и теперь он красовался рядом с ней, расфуфыренный и никчемный, как экзотическая птица. У него так и не получилось противостоять семье и добиться для себя герцогства Пармы. Жена не могла ему этого простить и публично называла его «худосочной бабой»:

— В этой злосчастной разбойничьей семейке, куда я попала, в этом пастушьем племени, я же еще должна и заступаться за них перед моим отцом. Но он рано или поздно устанет и уж тогда воздаст им по заслугам.

От входа в церковь до дворца выстроилась длинная шеренга гвардейцев в парадной форме. Они еле сдерживали напиравшую толпу, собравшуюся со всех уголков Рима, чтобы полюбоваться на роскошь нарядов и перехватить подачки от Папы или его гостей.

В церкви занимали места государи со всей Италии и других стран Европы. Заметнее всех были испанцы, сверкавшие металлом доспехов. В большинстве своем они явились выказать по-

чтение не столько Папе, сколько дочери Карла V, произведшей на свет близнецов. Появившийся на свет первым носил имя Карл, в честь императора, а второй, родившийся после еще целого часа мучений, звался Алессандро, то есть именем, которое носил Павел III до того, как стал Папой.

Придворные дома Фарнезе хлопотали, рассаживая высоких гостей на предназначенные для них места. Едва войдя, Элеонора и Виттория направились в первую справа капеллу, чтобы оставить пожертвования перед картиной, изображавшей снятого с креста Иисуса на руках у двух ангелов. Элеонора перехватила взгляд еще молодого мужчины, одетого в элегантный черный камзол, со светлыми и такими тонкими волосами, что сквозь них просвечивала розовая кожа головы. Его глаза затуманились, встретившись с глазами Элеоноры. После секундного замешательства он склонился перед ней с сокрушенным видом.

— Герцогиня, какая радость снова встретить вас. Надеюсь, вы не забыли о привязанности вашего незадачливого слуги.

Элеонора осталась равнодушна к этому изъявлению чувств, потом протянула руку в сторону стоящего на коленях кавалера.

— Встаньте, мессер Паризани, я сама не знаю,

что лучше, забыть или вспомнить. Однако мир меняется, и все мы должны направлять паруса в согласии с ветром. Похоже, ваши уже поймали попутный.

Витторию озадачили эти жесткие слова, слетевшие с губ обычно молчаливой подруги. Человек поднялся, розовая кожа вспыхнула под взглядом герцогини, на серые глаза навернулись слезы.

— Принимаю ваш упрек; я тоже ничего не забыл, но надо жить и благодарить Бога за те испытания, которые он нам посылает.

Лицо Элеоноры смягчилось, и улыбка немного обнадежила собеседника.

— Где нам назначено сесть, мессер Паризани?

Человек сверился со списком.

— Прошу следовать за мной, ваши кресла сразу за семейством Папы.

Элеонора остановила его жестом руки:

— Мы сами найдем, Паризани, не хлопочите.

Потом сжалилась и протянула руку для поцелуя.

— Искренне желаю удачи, Паризани.

Светлые волосы метнулись над протянутой рукой, и Паризани не смог сдержать слез.

— Ваша милость одарили меня бесконечно щедрее, чем я смел надеяться. Благодарю вас, и

простите меня, если можете.

Едва придворный отвернулся, Виттория прошептала на ухо подруге:

— Кто этот человек и почему ты с ним так сурово обошлась?

— Я очень мягко с ним обошлась, гораздо мягче, чем он заслужил. Это Асканио Паризани, наш вассал, которому я сама доверила канцелярию Камерино. Когда же Павел Третий отобрал герцогство и отдал его Пьерлуиджи, Паризани сразу переметнулся на его сторону и радушно принял папского сынка в своем палаццо, когда тот явился туда с войском.

— Ну тогда ты была слишком добра.

— Надо сказать, что самое страшное наказание он получил от новых хозяев. Пьерлуиджи изнасиловал его тринадцатилетнюю дочь почти у него на глазах, а потом украл у него тысячу дукатов — все сбережения, которые он держал дома в шкатулке под кроватью.

— Но это ужасно! И после всего содеянного он еще служит семейству Фарнезе!

— Бедняга, а что ему остается делать? Когда мы снова вступили во владение Камерино, он вынужден был уехать из города, и Папа предложил ему место при дворе. Надо же ему как-то жить.

Если бы все, кто претерпел от Пьерлуиджи Фарнезе, разорвали отношения с Папой, эта церковь была бы сейчас пуста. — Элеонора с тоской огляделась вокруг. — Но, как видишь, она ломится от народа.

Подруги сели на свои места и принялись оглядывать новую географию итальянского могущества в лицах.

На двух тронах чеканного золота, возле лестниц, ведущих в увешанную гирляндами лилий малую апсиду, сидели Оттавио и Маргарита. Радом две очаровательные девушки держали на руках младенцев.

Чуть позади, на пурпурном бархатном кресле, заметно выше и крупнее остальных, восседал он, Пьерлуиджи Фарнезе, одетый в черный бархатный костюм с отделкой из двойного золотого шнура, с манжетами и воротником из жесткого, как гипс, белого кружева.

По бокам кресла застыли двое придворных, как их называли в Риме, «мясники»: граф ди Спелло и капитан Орацио Бальони. Они походили друг на друга как две капли воды, хотя не состояли даже в дальнем родстве. Бальони родился в Неаполе, на пляже Мерджеллина, где его вскоре и бросили. На этом пляже он натерпелся такого, что, явив-

шись в Рим в компании проститутки, которой было еще меньше его неполных пятнадцати, сразу смог предложить Пьерлуиджи, в придачу к юношескому телу, еще и душу, превосходящую свирепостью душу самого прожженного узника замка Святого Ангела.

Граф ди Спелло познал жестокость в саду собственного палаццо, среди роз. Живые белые розы отцветали быстро, уже в июне, а вот красные, нарисованные на стенах флорентийским художником, были вечны, как мучения, которые он терпел от матери. В шесть лет он научился срывать злобу на прохожих и кошках, имевших неосторожность забрести в сад. К двенадцати он уже был в силах дать сдачи нянькам и слугам, которые издевались над ним под неусыпным взором матушки: больше ей нечем было отомстить за себя ненавистному мужу. Когда, сразу после назначения знаменосцем церкви, в Спелло приехал Пьерлуиджи, юный граф, проведя с ним ночь, смекнул, что только при дворе этого чудовища он сможет отыграться и выплеснуть в мир всю накопившуюся ненависть.

Поступив на службу к папскому сыну, и Бальони, и ди Спелло обнаружили, что разделенные злоба и ненависть делают людей более похо-

жими, чем людское семя, и постепенно, день за днем, становились братьями. Со временем они и одеваться начали одинаково. В это утро оба предстали в желтых чулках, подвязанных, как и панталоны, серыми лентами, и в куртках из атласного бархата цвета каштана.

Тот, кто глядел на них, замечал два одинаковых, заострившихся от ненависти профиля и зловещий блеск в глазах, с удовольствием отражавших ужас, который они наводили на окружающих. В этот день оба ощущали себя причастными к триумфу Пьерлуиджи, получившего герцогство от отца и двух внуков мужского пола от щедрой природы в придачу. Текущая в мальчиках королевская кровь, конечно же, вознесет его к самой верхушке итальянской и европейской знати.

Оглянувшись, чтобы насладиться зрелищем всей Италии, собравшейся за его плечами, новоиспеченный герцог встретился глазами со строгим взглядом Элеоноры и нагло ухмыльнулся.

— Как он похудел, — заметила герцогиня Урбино, не видевшая Пьерлуиджи больше года.

— Французская болезнь его истощила, но не убрала жуткой улыбки, от которой стынет кровь в жилах. Невероятно, но это воплощение зла тор-

жествует самым нахальным образом. От него уже ничего не осталось. Один скелет в праздничной одежде. Даже глаз не видно под гноящимися веками. Невероятно, что такое ничтожество могло натворить столько зла. Когда он находился еще в силе, он изнасиловал дочерей мэра Фермо прямо у него на глазах, а потом убил его. Жертвами его насилий и убийств можно было бы заполнить эту церковь, а он тут как тут, и его нарекли герцогом самых богатых северных городов. Порой кажется, что Господь не желает смотреть в нашу сторону.

Виттория сделала ей знак говорить тише.

— Нелегко проследить предначертания Господа. Истинное воздаяние и настоящая слава ждут нас в жизни вечной.

— Да, но и на земле хотелось бы получить знак хоть какой-то справедливости. Мой муж всю жизнь повторял мне, что женщины не способны оценить значение мужчин. Но он не убедил меня, что мужские достоинства измеряются преступлениями. Этот живой портрет всех пороков внушает мне отвращение. А нынче он торжествует под крылышком у отца, римского понтифика, которому бы следовало быть зеркалом святости.

Словно желая оправдать Божьи предначертания, призванные уравновесить добро и зло,

Виттория указала на юношу, сидевшего как раз за отвратительным папским сынком. У него было робкое ангельское лицо, из-под блестящих черных волос выглядывали глаза ребенка, который изо всех сил отстаивает свою чистоту.

— Погляди-ка на его сына, на Рануччо. Просто невероятно, что они отец и сын. Мальчик кажется святым, о нем рассказывают чудеса. Если деду удастся сломить сопротивление Алессандро, он сразу станет кардиналом. Все восхищаются его честностью и искренностью его веры. Может, поэтому дед и хочет сделать его кардиналом, чтобы уравновесить злодейскую сущность остальной семейки.

Шум отодвигаемых кресел привлек их внимание к ярко освещенному входу: сияя, как золотая амфора, на место в пятом ряду усаживалась Элеонора Толедская. Ее место было гораздо дальше, чем кресла обеих подруг, которым по рождению надлежало сидеть рядом с представителями королей и императоров. Тем же правом обладала и Рената, но она предпочла сесть подальше, во-первых, чтобы оказаться рядом с Джулией, принадлежавшей к провинциальной знати, а во-вторых, как в шутку заметила сама Джулия, чтобы иметь возможность наблюдать за тем, что

происходит в церкви, и, в частности, за Элеонорой Толедской.

Супруга Козимо I неестественно туго и высоко стянула волосы надо лбом, чтобы подчеркнуть его выпуклость и белизну. Видимо, эта неподвижная округлость казалась ей и ее льстецам верхом благородства. Маленькие черные глаза уставились в какую-то неопределенную точку внутри апсиды, изо всех сил избегая встретиться с чьим-нибудь взглядом. Ей было очень неудобно сидеть в негнущемся платье из волоченого золота, с полоской жемчужин по талии и короткой мантильей из лилового атласа. Блестящие черные волосы поддерживала серебряная сетка с крупными, как орехи, жемчужинами. Свободно от украшений было только лицо, а жемчужная кираса, ничуть не менее угрожающая, чем военный доспех, давала понять, что эта женщина защищена от нападения целого войска.

Сидевший рядом с ней молодой герцог Козимо, с выпученными глазами, которые, казалось, вот-вот вылезут из орбит, потел от старания обменяться улыбками со всеми представителями европейской знати. А те едва его замечали, ибо не привыкли еще ни к имени, ни к герцогству, едва возникшему в Центральной Италии, и не ведали

об амбициях, разрывавших его и его жену.

Когда маленькая церковь совсем изнемогла от жара множества тел, тысяч свечей и римского сирокко, на золотых носилках внесли Его Святейшество Павла III. Старческое тело настолько высохло, что Рената шепотом сравнила его с пучком сена. Две черные точки наверху маленькой пирамидки на плечах четверых здоровенных швейцарских гвардейцев сияли радостью и удовольствием, наблюдая, чтобы все разворачивалось так, как задумано. Глаза Папы, живые и молодые, несмотря на почтенный возраст, наслаждались торжеством, которого он ждал всю жизнь.

Следуя этикету, Маргарита в церковь не пошла, пообещав Алессандро нанести короткий визит вежливости на приеме после церемонии. Она среди первых явилась во дворец, поразив всех пурпурным платьем и еще более ярким шарфом, про который Джулия сказала, что его словно окунули в кровь. На голове у Маргариты красовалась мавританская шапочка с окантовкой из серебряных нитей. В пышных складках платья тонула потертая бархатная сумочка с золотым шитьем, с которой Маргарита никогда не расставалась. Однако сновавшие между столов мажордомы,

призванные следить за безупречностью каждой детали, не заметили маленького диссонанса в этом ослепительном явлении, перед которым на миг померк весь блеск праздничного зала.

В зале на длинных накрытых столах победно пестрели желтые и красные маргаритки вперемежку с ароматными лилиями: в оранжереях Фарнезе всегда хватало свежих цветов. В центре каждого стола, затмевая красотой всю остальную богатую и многочисленную утварь, высилась ваза для мясных костей и фруктовых косточек. Эти вазы изготовил для Павла III Бенвенуто Челлини в знак признательности за помилование. Он был так рад выйти из тюрьмы, что меньше чем за два месяца сделал три вазы потрясающей красоты, почти в две ладони высотой, с орнаментом из листьев и фантастических фигур. Ручками служили переплетающиеся фигурки дельфинов, амуров с крылышками и хвостатых морских чудовищ с драгоценными камнями вместо глаз. Чистота и простота рисунка вместе с необычным сочетанием материала и драгоценных камней производили поразительное впечатление, и ни у кого не оставалось сомнений, что папы простят ювелиру все, что бы тот ни натворил в будущем. Не менее ценными были серебряные чаши с

водой, где плавали лепестки роз. Их расставили возле каждого прибора, чтобы гость мог помыть руки после трапезы. Вазы и сверкающие бокалы ждали, когда в них польется рубиновое вино, отразится золотое шитье нарядов и зал взорвется фейерверком радости.

Папский личный камергер, монсиньор ди Алериа, суетился между столами, поправляя цветы и кушанья, и попутно препирался с кузиной Папы, донной Филоменой Фарнезе. Отправившись в Рим на другой день после избрания родственника Папой, она больше не намеревалась возвращаться в маленький итальянский городок, где род Фарнезе в течение двух веков занимал свое почетное место в окружении овечьих стад и этрусского туфа. Филомена Фарнезе возглавляла пастушье племя, и перед ее железным крестьянским упорством не устояли папские камергеры, поначалу хоть как-то стремившиеся приспособить ее поведение к стилю двора понтифика.

Папа многого ожидал от праздника: для его семьи открывалась дорога в королевские династии Европы. Это они обсудили с камергером ди Алериа и с художником Якопино да Конте, который получил задание отвечать за украшение праздника. Не сказав ни слова Якопино, Папа

привлек к этой работе еще одного художника, восходящую римскую звезду, молодого Джорджо Вазари, прибывшего от изысканного двора Козимо Медичи. В этом юноше выгодно сочетались посредственность и угодливость, что делало его надежнее любого соглядатая. Именно он посоветовал украсить столы вазами Челлини, но сделал это незаметно, чтобы не раздражать старика Якопино и папского камергера.

Теперь же камергеру, этому знаменосцу арбитров элегантности, предстояло договориться с донной Филоменой. Кузина Папы была затянута в голубую парчу с золотым шитьем, и ее коренастая фигура слилась с очертаниями стоявших у стен кресел. Она взяла на себя наблюдение за последними приготовлениями к празднику, хотя никто ее об этом не просил, и все время что-то передвигала на столе, к полному отчаянию епископа ди Алериа и Якопино да Конте, которые не могли открыто высказать, что они о ней думают. Филомене словно недоставало рук, чтобы разорять царивший на столах порядок, и она поминутно отдавала хриплые приказания на неизвестном диалекте двум толстушкам, папским племянницам, совершенно ослепшим от сверкания ее голубого одеяния.

— Драгоценнейшая донна Филомена, — жалобно начал епископ, — эта ваза с конфетами, усыпанная лилиями… слишком много белого, теряется контраст с апельсинами и маргаритками.

— Епископ, вы что, думаете, что священник может обладать тем же изяществом вкуса, что и знатная придворная дама? Оставьте все как есть и доверьтесь мне. Даже в Мадриде не видали такого роскошного стола.

Маргарита старалась держаться подальше от этой битвы титанов. Всякий раз, наблюдая женщин семейства Фарнезе, она спрашивала себя, как могло случиться, что в этом доме, едва тронутом цивилизацией, могла появиться на свет Джулия. Мало того что она была прекрасна, как Венера, она оказалась способной покорить Алессандро IV Борджа и добыть кардинальскую шапочку своему брату Алессандро. А потом уехала в Неаполь и стала фавориткой испанского дворянина, одаренного, с точки зрения римских аристократок, если не богатством, то кучей добродетелей.

Звон колокола церкви Святого Евстахия предварил появление целого скопления драгоценных нарядов и украшений, которые с элегантностью несли на себе самые знатные дамы Италии. Зал и весь дворец наполнились неясным гулом, а

потом оглушительным шумом голосов. Вместе со звоном колокола зазвучала музыка, но звуки труб и мандолин окончательно потонули в общем гомоне.

Маргарита Австрийская вошла первой, сияя золотом и радостью, за ней шли девушки с царственными близнецами на руках, дальше двигалось остальное семейство Фарнезе. Они расположились в смежном зале, куда каждый из высоких гостей мог явиться с персональными поздравлениями в адрес родителей и близнецов. Первым оказался имперский посол. Сразив всех чеканным энергичным профилем, дон Диего был полон решимости выказать презрение к неуемным амбициям семейства Фарнезе, у которого несчастная Маргарита Австрийская оказалась в заложницах. Он встал напротив нее и исполнил один из тех поклонов, что сделали испанский двор легендарным. Опираясь на плечо невестки, Пьерлуиджи привстал, стараясь попасть в поле его зрения и показать, что он отдает себе отчет в неискренности поздравлений посла. Рядом с ним застыли оба его «мясника», которые тоже прекрасно знали, как посол их всех ненавидит. Дон Диего выпрямился, и почтительный взгляд, устремленный на Маргариту, сменился таким

гневным и вызывающим, что Пьерлуиджи инстинктивно отпрянул от невестки. Она наградила посла признательной удовлетворенной улыбкой. Тот повернулся и, ни на кого не глядя, вышел из зала. Пьерлуиджи впился себе в колено скрюченными пальцами, а граф ди Спелло таким резким движением откинул со лба волосы, что у него заболела шея.

От Ренаты и Виттории, вместе с Джулией ожидавших своей очереди, не ускользнула ни одна деталь этой сцены. Джулия не удержалась:

— Наконец-то в этой клоаке появился человек, который не боится высказать то, что у всех на уме.

Виттория тут же положила ей руку на предплечье, словно узду на коня надела.

— Джулия, уж не хочешь ли ты, чтобы народ поднялся на своего правителя?

— Мне будет достаточно, если секретарь Козимо не пойдет целовать руки Пьерлуиджи и своим убийцам, его «мясникам», после того как они бросили его на улице еле живого, обвинив в недостаточной почтительности к своим особам.

— Если бы все, кого мучила или унижала эта троица, встали и ушли, дворец бы опустел. А секретарь Козимо, кстати, стал главой Флорен-

тийской академии как раз благодаря хлопотам Папы.

— За это на коленях поползешь руки целовать. Ты видела, как угодничал в церкви этот художник, что на него работает, Джорджо Вазари?

Рената вмешалась в их шепот:

— А что, Пьерлуиджи и его тоже…

— Не думаю, да в этом и нужды не будет. Если бы ты прочла письмо, которое Вазари отправил Фарнезе с просьбой заказа на Канцелярию, ты бы поняла, что он готов на большее, чем просто поступить на службу.

— Внимание, подходит наша очередь, — сказала Рената, подталкивая подруг ко входу в боковой зал.

— И никаких презрительных гримас!

Едва мажордом объявил, что столы накрыты, все, в сопровождении камергеров, перешли в большой зал.

Синьора Маргарита вместе с Оттавио и Алессандро села за стол с крестными и Пьерлуиджи с его супругой Джироламой Орсини, известной всем как Белобрысая Орса. От злоупотребления красителями ее волосы обрели вид светлой пакли. Близко от них, но чуть в стороне стоял стол Папы, слегка приподнятый над землей, как ма-

ленький подиум. Папа сидел за ним один, утопая в золоте кресла, багрянце скатерти и белизне своего сверкающего жемчугом одеяния.

Казалось, облако белого шелка застыло в ожидании того, кто в нем обитал, настолько тщедушный старый Фарнезе потерялся на фоне грандиозного спектакля.

Остальные гости занимали места поодаль от папского стола, согласно степени их принадлежности к царствующим домам. Виттория, Джулия и Элеонора, но без Ренаты, которой полагалось сесть за стол с крестными, оказались в нескольких метрах от понтифика и его семейства, зато в соседи получили, в качестве компенсации, дона Диего, и он мило с ними болтал в течение всего обеда. Прежде чем сесть, Джулия ухитрилась перекинуться несколькими словами с Ренатой. Речь зашла о туалетах.

— Самая красивая из всех — наша Маргарита. После тебя, разумеется, — улыбаясь, сказала Рената.

— Гораздо красивее, скажи уж, не жеманься. Только разве что эта сумочка… И где она ее откопала? Сказала бы мне, у меня есть сумки, вполне подходящие к случаю.

Рената тряхнула головой, и пышная грива во-

лос качнулась в воздухе.

— Ошибаешься, Джулия. Проблема сумочек разрешению не поддается. Сколько бы их у тебя ни было, никогда не подберешь именно ту, что годится к платью. Даже если обладаешь вкусом Маргариты. Я, например, вообще решила не брать с собой сумочки на важные церемонии, зато пришлось отказаться от возможности то и дело подкрашиваться.

И она скользнула на место, ласково прикоснувшись к подруге.

Маргариту усадили с Тицианом и папским нунцием делла Каза, прибывшим из Венеции показать свою верность Алессандро Фарнезе. Маргарита, естественно, нунция не выдала.

Долгие часы перед гостями плыли всевозможные студни, жаркое с горчицей, открытые пиццы, каплуны с лимонами под винным соусом. В середине обеда слуги внесли на огромном подносе запеченного оленя, обтянутого шкурой. Стоя на лужайке из зелени, он пил из серебряного фонтана, окруженного желатиновыми цветами. Над столами разнесся крик удивления, и сразу стало нечем дышать. Маргарита спасалась тем, что заранее надушила перчатки жасмином, и Виттория с Джулией на протяжении всего обе-

да ей завидовали: им не пришло в голову, что утонченные привычки куртизанки окажутся так кстати. Когда внесли сладкие блинчики и айву в сиропе с марципановыми конфетами в форме лилий, в честь только что придуманного герба Фарнезе, забрезжил конец мучениям. Ремни распустились, сложенные шапочки попрятались в сумки, и гости стали ждать второй части празднества. Папа встал с места, все поднялись следом за ним, и носилки с понтификом поплыли из зала. На прощание Папа всех благословил и дал знак музыкантам играть легкую музыку, чтобы гости могли потанцевать. Покидая зал на плечах носильщиков, Папа умиротворенно думал о том, что заслужил отдых. На золоченых носилках снова обозначилось белое облако шелковой туники, красная мантия в этом ракурсе быстро выпала из поля зрения, и видение Папы в осовевших от вина глазах гостей обрело ангельскую, нездешнюю белизну. Восторженные глаза внука Алессандро сказали старому лису Фарнезе, что самый сложный в его жизни узел нынче утром был развязан. С этим убеждением Папа растворился во фресках ярко освещенного длинного коридора.

Давка была отчаянная, но никто не осмелился отказать Папе в почтении.

Оттесненная от стола изящно одетым, но дурно пахнущим людским потоком, Рената оказалась рядом с Маргаритой, которая выглядела так, словно выскочила из потасовки.

— Я видела, как ухажеры осаждали тебя весь день, но не подозревала в них такого пыла.

Маргарита улыбнулась, пытаясь привести в порядок хотя бы волосы.

— Это все Пьетро — секретарь кардинала Алессандро. Он следит за каждым моим движением, все время меня проверяет и говорит, что это нужно для Алессандро, но, по-моему, он просто ревнует, потому что никак не ожидал, что его друг так в меня влюбится. Пьетро меня возненавидел и готов убить. Он так на меня наседал, что, обернувшись, я уперлась в его огромный, твердый, как бочонок, живот и от толчка разлила на себя вино. Теперь у меня все платье в пятнах. Слава богу, палаццо Фарнезе в двух шагах, и я взяла с собой шарф, так что пятна можно закрыть.

Рената от души расхохоталась, втайне завидуя девушке.

— Я велю кому-нибудь тебя проводить.

— Не надо, я уверена, что за мной и так пойдет Пьетро. Мне надо только отыскать сумочку.

И Маргарита снова нырнула в толпу. Остав-

ленное Папой людское море закрутилось водоворотами, как воды Красного моря над головами фараонова войска, не обращая внимания на камергеров, призывавших всех перейти в соседний зал, освобожденный для танцев. Кресла и диваны сдвинули к стенам, расписанным фресками, и в зале остались только два кресла, на которых предпочли с комфортом, как и подобало хозяевам, усесться Пьерлуиджи и Орса. У стен на мраморных столиках с позолоченными деревянными ножками расставили чистые бокалы и свежее вино для тех, кто не хотел или не мог танцевать. Остальные же пустились в пляс.

Возле окон собралась толпа разгоряченных вином гостей, все больше и больше терявших над собой контроль. Их внимание привлекли крики, которые давно уже доносились с площади. Элеонора и Рената тоже стали пробираться к окну, упрямо прокладывая себе дорогу среди замысловатых причесок, уже начавших понемногу разваливаться. Удерживая на лице подобающую случаю радушную улыбку, Элеонора крепче сжала руку Ренаты, понизила голос и отпустила очередное ехидное замечание:

— Ба, да они организовали бой быков, прямо как на карнавале! Развлечение как раз в духе

Фарнезе.

Она указала на темное пятно, которое пыхтело и брыкалось в загоне посреди площади.

— А что там за совершенно голые люди, в другом загоне, напротив бычьего?

— Это евреи. Они должны принять участие в забеге, и тот, кто победит и выстоит под плевками толпы, получит от Папы отрез драгоценного шелка.

Окаменевшая от такого зрелища Рената прошептала, не отводя глаз:

— Теперь понятно, почему евреи бегут к нам в Феррару. В Риме с ними обращаются как с животными. Худшего унижения не придумаешь.

День выдался не холодным, а скорее зябким. Не все люди, силой или добровольно набранные для забега, отличались молодостью. Они прикрывали срам руками, но потом, озябнув, прижимали руки к груди, и посиневшие от холода гениталии беспомощно болтались между худых ног под обвислыми животами.

— Гляди, женщины указывают на них пальцами и смеются. Что, не видели мужской наготы?

— Евреи все обрезаны, и наши дамы стараются понять, правда ли, что обрезание увеличивает длину фаллоса. Другого случая проверить у них

не будет: сочетаться браком с евреем в Риме равносильно смерти.

За их плечами Джулия загадочно прошептала:

— Что за совершенство, что за симметрия, какая геометрия! Быки закончат свой бег у палаццо Фарнезе, как императорская дочка, что выбежала из палаццо Медичи, а прибежала на Кампо Деи Фьори в палаццо Фарнезе. Каково? Сама архитектура помогает Фарнезе. Я бы отправила в забег Пьерлуиджи, и уверена, он обогнал бы быков, даром что больной.

Пораженная злобой Джулии, Рената собралась что-то ответить, но тут вмешалась подошедшая Виттория.

— Вы можете чуть-чуть подождать и не выплескивать свою желчь?

— Хоть всю жизнь. Фарнезе и их ничтожество — не лучшая тема для беседы.

Тем временем в зале началось новое движение, и голос Элеоноры перекрыли веселые крики.

Дамы завертели юбками, а туго обтянутые мужские ноги начали выделывать на полу замысловатые прыжки.

Рената и Элеонора тут же принялись отпускать ядовитые замечания в адрес кавалеров, скакавших, как охромевшие птицы. Виттория

внимательно следила, как бы в азарте они не сболтнули чего лишнего.

Пьерлуиджи наблюдал за танцорами и поднялся с места, только чтобы выйти освободиться от вина за занавеску. Там суетились камергеры, без остановки выливая белые урильники, куда гости справляли нужду.

Вернувшись в зал, герцог опустился в кресло, где, как ему казалось, не так заметно было плачевное состояние, в которое его привела болезнь, и протянул руку к хрустальному бокалу, снова полному вина.

Его супруга, герцогиня Пармы, возбужденная повышением мужа, в результате которого она перенеслась из гротов Кастра в самые богатые из итальянских городов, отсутствовала уже давно: ее погнала из зала более существенная нужда.

Послав довольную ухмылку гостям, которые не осмеливались к нему приближаться, Пьерлуиджи поднес к губам бокал, продолжая следить за коленцами танцоров. Его покрасневшие водянистые глаза остановились на Маргарите, в этот момент пересекавшей зал, чтобы выйти, и в них отразилось отвращение. Глаза погасли, и лицо совсем стало похоже на высохшую мумию.

Отвращение вызвал не вид Маргариты, а жид-

кость, которую он пытался выплюнуть в бокал. Она струйками потекла по губам, пачкая воротник яркими пятнами, какие не оставит ни одно вино. Все выпитое тут же изверглось в приступе рвоты, когда у находившегося поблизости врача вырвался хриплый возглас: «Кровь, это кровь!»

Он наклонился к герцогу, чтобы разобраться, не яд ли вызвал кровотечение, и с облегчением заметил, что у Пьерлуиджи не было никакого кровотечения, просто сам бокал был наполнен кровью. Пьерлуиджи с омерзением швырнул его на пол и отвернулся, чтобы подавить новый рвотный спазм.

Алессандро и Оттавио уже склонились над отцом и сделали знак слугам поднять его и вынести из зала.

Несмотря на грохот музыки и неистовый танец, кое-кто из гостей начал понимать, что случилось что-то серьезное. Виттория наблюдала всю сцену, не выдавая своих чувств. Ее трудно было отвлечь шумом и болтовней: привычку концентрировать внимание, несмотря ни на что, она унаследовала от свекрови, донны Костанцы д'Авалос, принцессы Арагонской. Донна Костанца в ожидании сына держала невестку при себе на вилле в Искье и учила управлять малейшей своей эмо-

цией, убежденная, что хрупкая женская натура способна взять реванш, только преуспев в самодисциплине. Никогда не разделяй эмоций врага, это равносильно поражению. Виттория видела, как вынесли Пьерлуиджи, и поймала на лице Алессандро одну из самых фальшивых улыбок, обращенных к вице-королю Неаполя, дону Педро де Толедо, который подходил, сверкая золотом и звеня оружием.

— Ничего страшного, — сказал Алессандро, — небольшая дурнота: скопление людей, волнения дня… Отец еще не совсем здоров, но на воздухе ему станет лучше, и через минуту он снова будет с нами.

Слуги наводили порядок, отчищая пол от рвоты и крови. Обменявшись несколькими озабоченными репликами с женой, Оттавио вышел. Его сопровождали двое молодых людей, с которыми он никогда не расставался в минуты опасности. Он поискал глазами одного из «мясников» отца, Орацио Бальони, но тот необъяснимым образом исчез в сутолоке, и остался только второй телохранитель, граф ди Спелло. Его разрывали желание найти Бальони и необходимость стоять как скала за герцогским креслом, держа одну руку на спинке, другую на кинжале.

Праздник уже превратился в настоящую вакханалию, и прервать его не было никакой возможности. Чтобы возбуждение не спадало, объявили начало забега быков и карнавала на площади перед дворцом. Прежде чем начнет распространяться известие о таинственном происшествии с сыном Папы, гостям предложили занятное зрелище.

Когда большинство гостей бросились в сумятицу, как всегда сопровождавшую подобные праздники с карнавалами, Виттория и Джулия подошли к музыкантам, которые продолжали дудеть в свои флейты и трубы. Виттория, по обыкновению, надела черное платье, ничуть не заботясь о том, чтобы подчеркнуть и заставить признать свое королевское достоинство. Однако она не отказала себе в тщеславии надеть старинный сердолик, принадлежавший императору Августу. На крупном, величиной с яблоко, камне был вырезан Ганимед, похищенный Зевсовым орлом.

Джулия в лиловой тунике была прекрасна, как богиня. Оранжевая блуза шарфом обвивалась вокруг нее, и Тициан склонился перед ее вкусом и заявил, что он всю жизнь смешивал краски, но даже не подозревал, как великолепно такое соче-

тание цветов. Но дамы никак не отреагировали на всеобщее восхищение; их гораздо больше, чем мужчин, занимала разгадка недавнего происшествия.

— Кровь, — прошептала Виттория, вглядываясь в надутые от напряжения щеки музыканта.

— Кровь, — подтвердила Джулия, склонив голову, чтобы получше рассмотреть первый портрет Павла III, выполненный Тицианом лет десять назад.

— Ужасное событие. В доме Фарнезе, в день триумфа. Кто же на такое отважился?

С улыбкой любуясь портретом, Джулия еле слышно проговорила:

— По-моему, император так и не смирился с тем, что старик отхватил кусок земли, принадлежавшей церкви, и слепил из него фамильное владение, поставив Карла перед этим фактом, едва народились близнецы. У меня в руках были документы, касающиеся этой темы.

Джулия покосилась на зеркало, чтобы поправить оранжевое облако вокруг лица. Лиловая туника эффектным бликом отразилась в ее карих глазах. Никакая изобретательная находка не сравнилась бы с этой простотой. Она подошла к Виттории, будто бы обсуждая картину Тициана:

— Это могла сделать синьора Маргарита, разозлившись, что Папа, вместо того чтобы передать герцогство ее мужу Оттавио, сдался под давлением старого развратника Пьерлуиджи. Оттавио же он не дал ни лиры, полагаясь на его доходы. Все фамильные сбережения уйдут теперь на охрану новоиспеченного герцога от дворян Пармы и Пьяченцы, которые уже грозились его убить. Конечно, трудно вычислить, кто желал бы смерти такого червя, как Пьерлуиджи. Гораздо проще отыскать тех, кому он нужен живым. Он натворил столько бед, что, наверное, даже дети предпочли бы видеть его мертвым.

В этот момент в зал вошел Алессандро, а за ним раскрасневшийся Пьетро, который то и дело отдувал со лба светлые кудряшки. Во взгляде гиганта сквозило отчаяние: он не знал, как помочь другу, и только беспомощно помахивал в воздухе искалеченной рукой. Побелевшее лицо Алессандро застыло, как мраморное, но ни одна складочка на пурпурной мантии не сдвинулась с положенного места. Он подошел к дамам и учтиво раскланялся. Виттория попыталась что-то сказать насчет прекрасной картины и замечательного праздника, но Алессандро приступил сразу к главному: они принадлежали к властной элите, и их не мог не

взволновать прискорбный эпизод.

— Вы видели, что произошло?

Виттория, оттягивая время, спросила, что именно он имеет в виду, но Алессандро довольно жестко ее перебил:

— Моего отца… и кровь в бокале.

— Ужасное оскорбление, да еще в такой день!

— И еще не сказано, что оно будет последним. Ситуация вот-вот выйдет из-под контроля. Для вас не секрет, что император недоволен вступлением моего отца во владение феодом. Как вы думаете, не он ли автор этого предупреждения? Вы ведь весьма близки к императору и его представителям здесь, в Риме.

Кардинал был настолько потрясен, что бросился к ней за помощью с такой искренностью, какой Виттория никак не ожидала. Хотя, конечно, она была в долгу перед Алессандро: он не отвернулся от нее, когда она попросила защиты от Карафы. Ходили даже разговоры, что Виттория и ее друзья до сих пор на свободе только благодаря дружбе императора и покровительству Фарнезе.

— Мне жаль, Алессандро, но я ничем не могу вам помочь. О происшедшем я не знаю ничего такого, чего не знали бы вы. На обеде я сидела рядом с имперским послом, но если вы намекаете на

него, то, мне кажется, его участие в этой истории можно исключить. Он был весел и не отлучался от стола, разве что по естественной надобности. И потом, не думаю, что он способен так умело притворяться. Может, враг в доме, среди ваших близких, но это всего лишь мое предположение.

Алессандро скривил рот в горькой усмешке.

— Не думаю, чтобы моя невестка была способна на такое. По крайней мере, не сегодня. Прежде всего, это праздник ее детей, и, надеюсь, в такой день она забудет о ненависти к нашей семье. Нынче у нее было много хлопот, и вряд ли она располагала временем, чтобы устроить такую неслыханную и опасную шутку. И я до сих пор не могу понять, каким образом удалось подменить отцу бокал. Ясно, что кто-то воспользовался суматохой, но кто осмелился? Ведь в зале были только принцы крови и аристократы высшего ранга. Сомнительно, чтобы они на это пошли.

Последние слова, сказанные еле слышно, потонули в криках гостей, которые из окон наблюдали за турниром.

Виттория и Джулия испуганно обернулись в сторону крытой галереи, откуда донесся дружный вопль, сменившийся растерянным молчанием. Они решили, что кто-то из рыцарей по неосторож-

ности убил противника или быки, как случалось довольно часто, подхватили на рога зазевавшегося ребенка или какую-нибудь слишком любопытную женщину.

Некоторые дамы выбегали с галереи в большом волнении, зажав рот руками, чтобы унять приступы тошноты, и крепко зажмурившись, чтобы отогнать увиденное и вычеркнуть его из памяти. Виттория, сохраняя невозмутимый вид, инстинктивно схватила Джулию за руки.

Алессандро расценил крики и всеобщее бегство с галереи как очередное дурное предзнаменование. Растолкав гостей, он подбежал к окну. На булыжной мостовой распростерлось тело мужчины с размозженной головой. Алессандро сразу отметил, что руки его связаны за спиной обрывком веревки и вокруг нет следов крови. Поняв, что о несчастном случае не может быть речи, и молниеносно сообразив, что остальные думают так же, он сделал знак Пьетро, чтобы тот скорее бежал вниз и убрал тело.

— Укрой его немедленно! — крикнул вслед кардинал.

Пьетро вихрем промчался по залу, порушив на ходу один из шедевров, с такой любовью созданных донной Филоменой.

Поискав глазами стражу, которая разбрелась по дворцу, он бегом ринулся к одному из выходов. Над неясным ропотом толпы взвился голос Оттавио:

— Достопочтенные гости, досадное происшествие не должно омрачить столь радостный для Рима и всей Италии день. Кто-то просто слишком сильно высунулся из мезонина и по неосторожности упал вниз. Очень жаль, что из-за этого пришлось прервать праздник, но тем радостнее будет вам вернуться к веселью и снова произнести слова поздравления, которые вы со всего света привезли нашей семье и понтифику.

По мановению его руки музыканты снова заиграли, и в зал вошла армия слуг с новыми кушаньями.

Только теперь Рената и Элеонора, которые смотрели турнир с галереи, смогли присоединиться к Виттории и Джулии. Рената, привычная к военным турнирам, мало обеспокоилась случившимся и спрятала улыбку, подумав, что день, призванный стать для Фарнезе триумфальным, обернулся для них бедой.

Она подошла к Виттории.

— Теперь никто не скажет, что Фарнезе отчаянно везучие. И у них случаются неприятности.

Идиот выпадает из окна в самый разгар праздника… Да полно, что за дурной тон. И вся эта никому не нужная роскошь… Золото и парча, забрызганные кровью, — вот что останется в памяти от праздника Фарнезе.

Джулия с трудом сдержала довольную ухмылку, потом ей пришло в голову, что кое-кому на этом вечере пришлось совсем нелегко, и она вопросительно огляделась вокруг:

— А где Маргарита? Я потеряла ее из виду, едва начался турнир.

— Она сказала, что хочет сразу уйти, — ответила Рената.

— Маргарита не хотела долго оставаться, чтобы не возбуждать сплетен вокруг Алессандро. Ясное дело, она была так хороша, что больше ни о ком и не говорили. Ей бы лучше явиться одетой в черное, чем раздетой в красное, — добавила Виттория, сознавая, что подыгрывает неудовольствию подруг.

— Виттория! — оборвала ее Рената. — Даже с головы до ног закутанная в черное, Маргарита все равно заставила бы всех о себе заговорить. Она слишком красива.

— Э, нет, — поправила ее Джулия, — слишком умна. И потому даже молча не сможет пройти

незамеченной. Печать ума у нее и на лице, и на теле.

— Ей в любом случае надо было уйти, потому что в сутолоке кто-то вылил ей на платье бокал вина. Хорошо еще, на ней был шарф и она смогла прикрыться.

Элеонора молча перебирала пальцами свой пояс, глядя на него огромными остановившимися глазами. Она чувствовала себя неловко в бирюзовом платье с желтой дамасской вышивкой, слишком пышном в боках и чересчур открытом на груди. Ее наряд представлял королевское достоинство дома делла Ровере, но ей в нем было неуютно. И она вцепилась в материнскую драгоценность, которая выделялась красотой даже на этом параде лучших украшений Италии.

Виттория заметила, что не только наряд смущает Элеонору. Она догадывалась, о чем думает подруга, и сказала ободряюще:

— Пойдем отсюда. Теперь можно: все уже пьяны и никто не заметит нашего отсутствия. Они опять сдвигают столы, и сейчас начнутся самые развязные французские танцы. По-моему, нам не надо оставаться.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и направилась к Маргарите Австрийской, которая

сидела возле объемистой люльки, где лежали два сверточка в льняных одеяльцах. Без слов она склонилась в поклоне перед хозяйкой, чье лицо перекосилось от старания пересилить гнев и выдавить улыбку.

Кучер пошел на близлежащую площадь Пантеона готовить экипаж. Подруги миновали стражу и слуг, биваком расположившихся возле дворца, и поднялись в карету — в надежное укрытие, заказанное неаполитанским плотникам десять лет назад. Все молчали. Рената с тревогой оглядела подруг, и у нее возникло чувство, что она что-то упустила, не заметила. Высунувшись в окошко, чтобы лучше разглядеть Пантеон с портиками, освещенными бивачными огнями, она попыталась протестовать:

— Ну хорошо, для вас, живущих в Риме, этот праздник, может, и скучен, но если бы вы жили в Ферраре, вам бы, наверное, захотелось побыть подольше, а не уезжать до заката.

Виттория оборвала ее:

— Рената, поговорим об этом дома.

— Ладно, ладно, я просто так сказала, мне тоже надоели эти фальшивые улыбки и размалеванные лица. Римские женщины не знают меры: их физиономии похожи на карнавальные маски.

Рената улыбнулась: лучше уж помолчать и смотреть на темнеющий в прозрачном вечернем воздухе Рим.

VII
ПОДОЗРЕНИЯ

Только когда они уселись в маленькой гостиной, ведущей в спальню хозяйки, Виттория, подойдя к Элеоноре, начала:

— А ведь он не выпал из окна, а, Элеонора?

Элеонора утвердительно кивнула головой.

— На земле не было крови. Он был уже мертв, и только мозг вытекал из головы.

Джулию передернуло:

— Элеонора, что ты такое говоришь?

— Я уверена, что ниоткуда он не выпал. Я много раз видела, как люди падают из окон и как их оттуда сбрасывают. Вы себе не представляете, что это за кровища. И потом, у него руки были связаны за спиной, я успела это разглядеть, прежде чем люди Алессандро накрыли его плащом.

Виттория вспомнила, как Алессандро прошипел: «Укрой его немедленно!» Кардинал заметил то же самое, что и Элеонора, жившая при одном из самых кровавых дворов Европы. Это было убийство. И очень скоро, возможно, последуют новые известия.

— Праздник крещения никого не спасет. Круг насилия затягивает всех, и это только начало. Фарнезе — худшее из несчастий для Италии, но то, что их только ослабит, для нас будет настоящим бедствием.

Драматический оборот, который приняли события, убедил Витторию выложить подругам те запретные мысли, которые она скрывала много дней. Она сбросила с головы приколотую шпильками белую вуаль и провела рукой по волосам, освободив их от тугого обруча. И сразу стала моложе и язвительней.

— Элеонора, кардинал вчера сказал мне, что ты велела напечатать в Венеции книгу Серипандо[20]. Это еретическая книга, и Карафа требует, снова требует твоей выдачи. Кардинал его весьма изящно нейтрализовал, но осторожность не помешает.

Элеонора вспыхнула и буквально прокричала в свое оправдание:

— Это не я распорядилась ее напечатать! Я всеми силами старалась этому помешать, я знаю, что это опасная книга. Но кому-то удалось раздобыть копию моей рукописи. Не исключено, что я

---

[20] Примечания: 20

Джироламо Серипандо (1493–1563) — итальянский теолог, участвовал в Тридентском соборе как один из сторонников Реформации.

сама пять лет назад имела неосторожность дать ее прочесть кому-нибудь, кого считала другом, но не могла предположить, что ее скопируют и станут распространять. А теперь появилось венецианское издание, явно отпечатанное, чтобы меня скомпрометировать. Напечатали еще и посвящение Серипандо. Этого удара я никак не могла предвидеть. Я послала троих людей в Венецию, где есть еще друзья, верные памяти моего мужа. Но было уже поздно: книга разошлась по лавкам книготорговцев и, прежде чем инквизиция начала ее изымать, было уже продано десять тысяч экземпляров. Подозреваю, что мне устроили западню: не сам ли Карафа дал распоряжение напечатать книгу, чтобы меня уничтожить? Теперь честных реформатов невозможно отличить от инквизиторов.

Виттория встала с места и обняла ее.

— Конечно, конечно, Элеонора, я тебе верю. В наших врагах появилось нечто дьявольское. А может, это вовсе не враги, ведь в Италии очень разрослась сеть истинных христиан, и теперь все труднее предугадать репрессии инквизиции. Не исключено, что кто-то решил появлением этой книги помочь многим умам обратиться в истинную веру. Действовать осторожно больше

не выходит.

Расстегнув от жары платье, Рената большими шагами мерила гостиную.

— Давайте предоставим инквизиции время выбивать нас одного за другим. Кальвин прав. Мы хуже Никодима, который приходил к Христу по ночам, чтобы никто не увидел. У нас не хватает мужества открыто исповедовать истинное христианство, и мы сами навлекаем на себя репрессии. Я уверена, что если мы выйдем из подполья, то сможем справиться и с Карафой, и со всей его камарильей.

— Рената!

Виттория почти кричала от гнева.

— Я запрещаю тебе говорить о Кальвине в моем доме. Знаешь, сколько нам пришлось вытерпеть, чтобы вывести тебя из-под удара, когда обнаружилось, что ты принимала у себя Кальвина! И к тому же без ведома мужа!

Рената пожала плечами.

— Сомневаюсь, что он вообще что-нибудь замечает, кроме оленей и мортир, которые выплавляет. Еще немного — и он начнет воровать кухонные ножи на отливку новых орудий.

— Эти орудия не раз вас спасали. А принимать в доме одного из главных лютеран — значит

искушать судьбу. Ты ведь знаешь, как рисковал кардинал Эрколе, когда старался замять скандал. Ему пришлось писать императору, Мороне, Поулу, а мы платили крупные суммы шпионам за шантаж твоих бывших друзей, готовых донести на тебя Карафе. Они уже успели подписать доносы, которые отправили бы тебя на костер. Вон Элеонора расскажет, чего нам это стоило.

Элеонора пристально уставилась в пол, в отчаянной попытке не вступать в этот резкий и неприятный разговор. Это только раззадорило Ренату, и она бросилась защищаться:

— Ага, как же, как же! Гонзага обращается со мной, как с девчонкой. Всякий раз, как я прошу его прислать хорошего проповедника, он пишет моему мужу и предупреждает, что я собираюсь навлечь беду на него и на себя. Но муж без меня и шагу не сделает и все письма показывает мне. Да и Кальвин гостил во дворце всего пятнадцать дней.

— Ему вполне хватило, чтобы написать и перевести трактат, который ты напечатала в Ферраре, распространила по всей Италии и послала в Венецию.

— Виттория, хватит!

Джулия никогда не вмешивалась в эти дебаты,

но умела повлиять на Витторию и всегда следила за согласием среди подруг. Это было ее заботой вот уже десять лет.

— Слушай, Виттория, можно подумать, что мы тебе враги. Нынче без риска трудно чего-либо добиться. Так что же нам, перестать верить и распространять истинную веру? Позволить, чтобы церковь, Рим и Италия захлебнулись в алчности и предрассудках ханжей Карафы?

— Осторожно, Джулия, полегче! Так сражения не выиграешь. Надо, чтобы собор принял решение о Реформации, а чтобы заставить его это решение принять, надо объединить политические союзы с религиозными. Мало произносить страстные проповеди и печатать книги. И мало писать письма от третьего лица, моя девочка.

Элеонора и Рената смотрели на них, ничего не понимая. Джулия без сил упала в кресло.

— Боже правый! Ты и об этом знаешь? — промолвила Джулия. — Хорошо еще, что ты не командуешь трибуналом, а то мы все давно были бы обгорелыми головешками.

Виттория сообразила, что пора внести ясность. Она глубоко вздохнула, чтобы Джулия поняла ее тревогу, и подошла к подругам, решительно тряхнув головой и всем своим видом давая по-

нять, что пускается в объяснения без всякого удовольствия.

— Джулия уже несколько лет переписывается с Пьетро Карнесекки, который всем известен своим… буйным нравом.

Виттория несколько секунд подбирала определение, которое не обострило бы дискуссию.

— Чтобы сбить с толку шпионов инквизиции, в письмах обычно пишут о себе в третьем лице. Многие знают об этой уловке, даже слишком многие, если уж это дошло даже до меня. Но Джулия упряма и не выносит никакой цензуры, не понимая при этом, какую цену придется заплатить за эти письма и ей, и всем нам.

Джулия вскочила на ноги с такой горячностью, что чуть не загасила свечи на столе.

— Тебя послушать, так мы должны выйти с проповедями истинной веры на дороги и на рынок на площади Кампо Деи Фьори. А если уж говорить об осторожности, то ты сама не очень-то ее соблюдаешь. Это ведь ты вдохновила Микеланджело изваять статуи в церкви Святого Петра в Винколи так, словно они сошли со страниц «Благодеяния Христа», книги, которую монсиньор Поул напечатал со всеми предосторожностями, не назвав имени автора. Теперь Карафа ищет

автора, объявив его еретиком, а бедный Микеланджело умирает от страха и повсюду говорит, что у милосердия в руках не факел, а зеркало. Разве это осторожность? Ну ладно, мы пишем письма, но он-то ваял из мрамора. Кто уничтожит такие доказательства, если Карафа одержит верх в курии?

Виттория не знала, что ответить.

— Ты права, я вела себя глупо. Ситуация настолько опасна, что никакие предосторожности не смогут нас защитить. Не исключено, что придется явиться на собор и поддержать Фарнезе в их омерзительной жажде власти.

Джулия решительно подошла к камину и, стоя спиной к подругам, заговорила звонким голосом, чтобы всем было слышно. Ее темный силуэт в ярком свете огня словно подчеркивал торжественность момента.

— Поддержать Фарнезе, говоришь? Так о том, что случилось сегодня, ты ничего не знала? Ты уверена?

Рената и Элеонора притихли: впервые при них открыто оспаривали истинность авторитета Виттории. Они испуганно глядели на нее, ожидая реакции. Разговор принял неожиданный оборот. Виттория подошла к Джулии, которая застыла у

огня, демонстративно отвернувшись, и оборотила ее к себе, взяв рукой за плечо.

— Джулия, смотри на меня! Что ты хочешь сказать? Что я могла бы заказать убийство? А может, и совершить его вот этими руками?

Джулия снова отвернулась к огню, словно черпая в нем силы для чудовищных обвинений.

— Павел Третий лишил твоего брата всех владений и отправил его в изгнание. От политики Фарнезе больше всех в Риме пострадал род Колонна. Это факт. Я бы не удивилась, если бы ты задумала отомстить за себя… или помогла отомстить тому, кого очень любишь… и я бы расстроилась, если бы ты не посвятила меня в свои дела, поскольку, как ты сама сказала, наши жизни неразрывно связаны друг с другом.

Виттория молча повернулась к Элеоноре, и та опустила глаза, признавая в словах Джулии простую истину, о которой она сама почему-то ни разу не задумалась.

Не поднимая взгляда, Элеонора коснулась самого мучительного вопроса:

— У Ренаты тоже были все основания интриговать против Фарнезе. Пьерлуиджи станет слишком опасным соседом, и жизнь ее пойдет дальше под угрозой, что рано или поздно его руки

протянутся и к Ферраре.

Рената вскочила на ноги, как фурия.

— И ты думаешь, я запятнаю себя позором и благословлю кого-то на преступление? Или сама его совершу? Конечно, Элеонора, ты же у нас выше всяких подозрений! Десять лет назад Павел Третий вовлек вас в войну, и твой муж рисковал жизнью, защищая герцогство. У тебя тоже есть повод для мести: ведь Урбино годами был в осаде.

Джулия только теперь отдала себе отчет, что возбудила долго сдерживаемые чувства и тяжкие подозрения, которые могут разрушить доверие между ними. И она ринулась выправлять положение, заглядывая подругам в глаза:

— Да успокойтесь вы, я никого не хотела обвинить. Но мне была невыносима мысль, что ты, Рената, или ты, Элеонора, всегда такие царственные и выдержанные, вдруг почувствуете себя вправе судить остальных. Чем сложнее становится ситуация, тем теснее нам надо сплотиться и больше друг другу доверять. Но для единения необходимо РАВЕНСТВО.

Последнее слово она со значением проскандировала, сурово глядя на Витторию. Никто не нашел достойных аргументов для ответа, и в ком-

нате воцарилась тишина, только огонь шумел в камине.

В дверь осторожно постучали, и хозяйка дома перебросилась несколькими словами с возникшей в дверном проеме тенью. Видимо, речь шла о новостях, которых Виттория ждала уже давно.

— Убитого звали Орацио Бальони, он был одним из самых верных слуг Пьерлуиджи с тех пор, как его отец стал Папой. Бальони перерезали горло на чердаке как раз над праздничным залом, мокрой веревкой привязали к столу, наклоненному к окну, и под веревку поставили свечу. Пламя высушило веревку, потом она прогорела, и тело по столу сползло в окно. Кровь, которую отхлебнул Пьерлуиджи, почти наверняка была той самой, что вытекла из горла убитого. Дверь на чердак завешена портьерой, и попасть туда — пара пустяков.

Больше Виттории было нечего добавить.

В Ренате боролись ужас перед совершенным преступлением и восхищение тем, кто так умело его подготовил.

— Ох уж вы, итальянцы. И никому-то вас не одолеть. А какая фантазия, какая продуманность! Но чтобы проделать все это в такой суматохе, надо много исполнителей.

Витторию же занимали совсем другие мысли.

— Пьерлуиджи. Метили явно в него. Если это сделал дон Диего, то он гений: я ничего не заметила, ни тревоги, ни малейшего смущения.

Джулия произнесла, словно размышляя вслух:

— Несомненно, этот человек становится все привлекательнее.

Виттория резко перебила:

— Но зачем было замышлять такое жуткое убийство?

Джулия ничуть не смутилась, и ее глаза почти смеялись, с вызовом отвечая на встревоженный взгляд Виттории.

— Вряд ли можно замыслить что-нибудь более жуткое, чем то, что этот Бальони творил вместе с Пьерлуиджи.

Услышав такое простое объяснение, Виттория не стала защищать погибшего и снова вернулась к теме разговора. В окна струился свет свечей из церкви Санти Апостоли, зажженных к последней в этот день мессе. Подруги застыли в неподвижности, и только колеблемые ветром свечи шевелили на стенах их тени. Виттория снова заговорила, помешав кочергой дрова, от которых поднялся сноп золотистых искр.

— Интересно, это месть одиночки или попытка

дискредитировать род Фарнезе в глазах императора? Фарнезе надо спасать. Хотя бы до той поры, как начнется заседание собора. В этих условиях противостоять конклаву равносильно поражению.

— Виттория, ты сейчас похожа на древнюю сивиллу Микеланджело с потолка Сикстинской капеллы. Ты меня пугаешь, — промолвила Рената.

Она силилась разгадать выражение глаз подруги, неподвижно глядящих на огонь. Но Виттория, ничего не ответив, покосилась на нее и вышла из комнаты.

Джулия пересела к окну, из которого был виден сад и кусочек темного неба, покрытый облаками. Сквозь них пыталась пробиться луна. Когда Джулия о чем-нибудь задумывалась или грустила, ее очарование чрезвычайно возрастало. Чуть наклонив голову, она отводила за ухо прядь волос, тихонько проводя по ней ногтем, и останавливала ладонь возле уголка полуоткрытого рта, задумчиво глядя в пустоту. Элеонора протянула руку и прикоснулась к прядке, упрямо выбивавшейся из-под шелкового шарфа на голове Джулии.

— Дай-ка я тоже потрогаю. Мягкие, как шел-

ковая пряжа, которую мне прислали для вышивания.

При слове «вышивание» Рената вскочила, счастливая, что может наконец вмешаться в эту близость, из которой ее исключили.

— Ты привезла вышивание? Ну уж на этот раз ты должна научить меня вышивать крестиком. Ты не можешь вернуться в Урбино, не объяснив мне, как это делается.

Элеонора улыбнулась и чуть толкнула Джулию плечом.

— Рената, ты забыла, что мы уже трижды к этому приступали, и ты ни разу не выдержала дольше часа. А потом летели во все стороны нитки, иголки, да и я вместе с ними.

— Ты права, Элеонора.

Рената с безнадежным видом приложила руку к груди.

— Я не создана для спокойных занятий. Нет у меня в характере вашей рефлексии. Джулия, вот о чем ты сейчас думаешь, когда теребишь волосы?

— О Маргарите. Многое в ней для меня загадка.

Рената перестала шагать по комнате.

— Ты к ней придираешься! Сначала тебе ее сумка не понравилась, потом ты фыркнула, зачем она рано ушла с праздника, с которого ты сама не

знала, как бы скорее сбежать.

Элеонора подошла поближе к Джулии, взяла ее за руки и стиснула их, нежно улыбаясь и прикрыв глаза.

— В чем дело, Джулия, тебя раздражает ее красота? Разве тебе не встречались женщины, способные соперничать с тобой красотой и умом? Вот и подумай, чего нам стоило привыкнуть к тебе. Если мы тебя полюбили, почему бы тебе не полюбить ее?

— Элеонора, ради бога! Я просто мертвею от твоих слов. Как я могу ревновать к женщине, которая спасла мне жизнь? Если бы не она и не Виттория, быть бы мне сейчас в Константинополе и сидеть в парандже перед блюдом с фисташками и курагой.

— Не так уж и плохо. По крайней мере, лучше, чем умирать от холода в Ферраре перед блюдом с мерзкой строганиной из конины.

Джулия не обратила внимания на реплику Ренаты и продолжила диалог с Элеонорой, высвободив из ее ладоней свои маленькие горячие руки и снова принимаясь теребить прядь волос.

— Все дело в том, что в ней много странного. У нее такое тело, какого можно добиться только упорными тренировками. Я тоже владею грече-

ским и латынью и тоже тренирую тело каждый день. Но я хорошо знаю, что результата можно добиться, во-первых, только при жесточайшей самодисциплине и, во-вторых, имея перед собой труднодостижимую цель.

— Может, у нее есть цель.

— Какая?

— А какая была у тебя?

— Жить свободной.

— Наверное, и она добивается того же.

— Но я вынуждена была выйти замуж за человека, от которого фортуна меня тут же избавила, а она говорит, что и думать не хочет о замужестве. Ты сама рассказывала, Рената.

— Ну да, она так говорит, пока ей восемнадцать лет и весь мир у ее ног. А зачем, ты думаешь, она приехала в Рим? Должна тебе напомнить, что это город, где на содержании у Алессандро Борджа жила Джулия Фарнезе. Всего десять лет назад здесь умерла Кассандра Ридольфи. Это она подарила Павлу Третьему, тогда еще кардиналу, двух сыновей, один из которых нынче получил герцогство. И был еще Юлий Третий, провозгласивший кардиналом своего любовника, подцепленного на улице и к тому же не знавшего ни слова по-итальянски. Дальше продолжать?

— Но она публичная куртизанка. Почему она выбрала себе такую жизнь и захотела, чтобы ее купил человек, облеченный властью?

Тут Ренату поддержала Элеонора. А может, просто хотела успокоить собственную тревогу?

— Это было в Венеции, Джулия, в другом мире, и статус у нее был другой. А здесь Рим. Здесь весь двор делает вид, что не знает, будто племянники Папы на самом деле его внуки. Ты что же, думаешь, через несколько лет здесь не забудут, что законная наложница будущего Папы в юности была щедра на ласки и постель ее отличалась гостеприимством? Неужели надо было ехать из Урбино, чтобы тебе об этом напомнить?

Рената снова вступила в разговор таким тоном, словно читала королевский указ:

— Маргарита этого воистину заслуживает.

Джулия восприняла такой вывод с немалым облегчением.

— Верно, и я надеюсь, что мы угадали ее цель.

Дверь отворилась, и вошла Виттория с подносом в руках. На подносе стояли четыре бокала и бутылка ликера.

— Это миртовый ликер, он поможет нам перева-

рить Фарнезе[21]: и обед, и прилагавшееся к нему убийство. О чем это вы тут шушукаетесь? Стоило мне отвернуться, как дискуссия явно оживилась.

Джулия пристально посмотрела на нее, сжав губы.

— Бесполезно на меня так глядеть, Джулия. Если в центре внимания все еще Фарнезе, то цель я назвала: дом Фарнезе надо спасать, и я не потерплю никакой смуты.

Почти с теми же мыслями и в тот же час Маргарита на свой манер помогала кардиналу Алессандро преодолеть кризис злосчастного вечера.

Алессандро застал ее уже в постели и начал раздеваться в свете единственного светильника, оставленного на низком столике. Она ни о чем не стала спрашивать, он же с тоской и тревогой, стиснув зубы, глядел на нее.

Улегшись рядом, он от стыда повернулся к ней спиной, едва найдя в себе силы прошептать:

— Это катастрофа, у нас чуть не разразился огромный скандал. Убили самого верного придворного моего отца, а его самого унизили, заставив выпить кровь. Я сделал все, чтобы скрыть

---

[21] Примечания: 21

В Италии принято в конце трапезы пить ликер в целях улучшения пищеварения: ликер выполняет функцию дижестива.

и преступление, и жестокую шутку, но не знаю, насколько мне это удалось.

И Алессандро рассказал Маргарите обо всем, что произошло, так и не поворачиваясь к ней, словно подытоживая события для самого себя. И с каждым словом напряжение, от которого у него свело спину, понемногу спадало. Под конец, измученный и опустошенный, он принялся оправдываться:

— Нас все ненавидят. Похоже, мой отец натворил слишком много зла, всю жизнь сея ненависть, которая с трудом поддается пониманию. Но надо идти вперед, только вперед, ради Оттавио и его детей, ради возвышения рода Фарнезе. Я не могу отступить, даже когда трудности кажутся непреодолимыми. Я должен ехать за отцом в Парму, по крайней мере на первое время его герцогства. У него слишком много врагов, и один он не выстоит. Нам с Оттавио надо предупредить все попытки отобрать герцогство. Маргарита, ты можешь поехать за мной следом вместе с герцогиней Ренатой и ждать меня у нее в Ферраре, тем более что вы с ней в таких дружеских отношениях. А я подъеду через несколько дней, когда закончим приготовления к броску войска понтифика на поддержку императору в войне с

лютеранской лигой в Шмалькальдене[22] в Германии. Прошу тебя, будь рядом, мне нужна твоя помощь в Парме, не говори «нет».

Он упрашивал, как ребенок упрашивает мать. Маргарита молча гладила его по волосам, и кардинал вдруг понял, как жалобно звучит его голос, и стыд и боль снова захлестнули его.

— Господи, до чего же я дошел! Мы видимся всего второй раз, а я уже ною от вожделения, как ребенок или как старый муж-импотент. Я мнил себя рядом с тобой пламенным Марсом, а оказался калекой Вулканом, который умоляет о пощаде. Как же мне сделать, чтобы ты меня полюбила? Теперь я начинаю понимать, почему мой отец превратился в такое чудовище. Власть не оставляет места для чувства, с ней рядом выживают только насилие и разрушение, то есть гротескные имитации естественных чувств.

Маргарита почувствовала у себя на руке горячую слезу. Кардинал явно изошел от желания. Когда она поняла, что он выговорился и ему стало легче, она поднялась и, сбрасывая с себя легкую рубашку, провела руками по его ягодицам. Потом легко наклонилась, и Алессандро почувствовал,

---

[22] Примечания: 22

В Шмалькальдене в 1531 году был заключен союз протестантов с целью защиты идей Реформации с оружием в руках.

как упругие, набухшие соски ласкают его затылок, плечи и спускаются вниз по спине, заставляя кожу вздрагивать и холодеть, как от ветра. Прикосновение добралось до ягодиц, которые сразу напряглись и стали твердыми, как мрамор. Они были гладкие и белые, и только вокруг маленького розового ануса вился мягкий черный пушок. От такой атаки Алессандро разомлел и выгнул таз, послушно следуя за лаской, сулившей невиданное доселе наслаждение.

Соски Маргариты с неожиданной силой задвигались между его ягодиц, проталкиваясь в отверстие, которое начало открываться, а у Алессандро участилось дыхание, и из горла вырвались короткие хрипы. Это был сигнал, которого дожидалась Маргарита. Она с силой раздвинула ягодицы руками и принялась покусывать и ласкать языком ту часть тела кардинала, которую он всегда полагал недоступной, а теперь открывал, стыдясь, но поделать с собой ничего не мог.

Он почувствовал, чего хочет Маргарита, и приподнялся, открывая ей начало сопряжения яичек в промежности, где кожа была самой нежной и беззащитной. Он неистово забился на простынях, пытаясь пропороть одеяло напрягшимся, потемневшим членом, до боли тер его, но не решался

повернуться и завершить экстаз в привычных толчках, без которых он не знал кульминации в любви.

Проведя рукой по лобку Алессандро, Маргарита обнаружила, что он намок от пота и жидкости, каплями сочившейся из раздувшегося, напряженного члена. Поняв, что он не сможет сдержать оргазм, она резко перевернула его и проворно взобралась сверху, пригвоздив его к ложу и не давая двигаться. Он почувствовал, какая сила таится в женских ногах, и затормозил, сдерживая пыл. Когда Маргарита убедилась, что он затих, она сама, крепко держа кардинальский жезл в себе, начала двигаться, сначала медленно, а потом все наращивая темп, так что под конец величавый скипетр выскакивал из нее наполовину и его владелец мог полностью отдаться привычным толчкам.

Теперь она сама была на пороге оргазма и выпустила Алессандро из шенкелей, дав ему волю излить вместе с семенем всю накопившуюся за день тревогу.

У кардинала не хватало духу открыть глаза. Ему не хотелось выходить из состояния экстаза, и, потом, он не отваживался взглянуть на существо, которое только что в буквальном смысле

подмяло его под себя.

Алессандро покорился, и это доставило ему невыразимое наслаждение. Это мало соответствовало природе, напротив того, было совсем неестественно, однако разум и тело кардинала освободились от всякой неудовлетворенности. Маргарита должна была поехать с ним в Парму, в ней заключалось его спасение.

VIII
КИСТИ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Следующее утро четверо подруг снова провели на кухне с окнами в сад. Элеонора опять отослала поваров и прислугу, заявив, что приготовит завтрак сама. Первой явилась Виттория. Она встала перед рассветом, чтобы прочесть молитвы перед нарисованным Микеланджело распятием, которое она всегда держала рядом с постелью. На первый взгляд изображение выглядело вполне традиционно: Мадонна и святой Иоанн по обе стороны креста, на небе два печальных ангела оплакивают корчащегося на кресте еще живого Христа, прекрасного, как Аполлон. Поднятыми к небу глазами Он словно вопрошает, за что Ему уготована такая мука. Виттория всегда плакала, глядя на это распятие.

По обыкновению, она была одета в черное, волосы забраны под белый чепец, оттенявший бледное лицо.

— Виттория, а ты не слишком усердствуешь в молитвах? Ты неважно выглядишь. Может быть, чтобы добиться утонченной духовности, надо

больше заботиться о здоровье?

— Не молитвы изматывают меня, а отвращение к этому миру, которое день ото дня все сильнее.

— Ну, это еще не причина, чтобы вставать ни свет ни заря, не притрагиваться к еде, а ночь напролет читать и писать при свечах. Можно подумать, на твоих плечах беды всего человечества.

Виттория улыбнулась. Элеонора явно не разделяла ее пыла.

— Но когда я приехала в Урбино, ты сама молилась по ночам и каждый час днем. Что же ты мне теперь выговариваешь? Ты сама просила меня добыть тебе копию рисунка Микеланджело, на котором изображен Христос, чтобы лучше сосредоточиваться на молитве.

— Но моему здоровью это не вредит. И потом, я вожусь на кухне, бывает, что и в саду молюсь, и не выгляжу больной.

— Это возраст, Элеонора, а не вера. Вера продлевает жизнь.

И в знак того, что этот бесполезный разговор окончен, она провела по щеке Элеоноры холодными, высохшими пальцами и сменила тему:

— Как ты хочешь провести день, который нам остался в Риме?

От такого вопроса и от ласки Элеонора вспыхнула.

— Микеланджело. Прошу тебя, давай зайдем к Микеланджело. Я хочу посмотреть, как он работает, и поговорить с ним. Я бы хотела поблагодарить его за рисунок, что он мне послал, и за все, что он для нас делает. Он единственный, с кем мне бы хотелось повидаться в Риме, прежде чем уеду в Орвьето.

Виттория не удивилась: она знала, что Элеонора унаследовала огромную любовь к искусству от матери, Изабеллы д'Эсте, которая собрала у себя лучшую в Северной Италии коллекцию картин.

— Вот ведь как странно: я только сегодня хотела предложить вам к нему отправиться. Он вот-вот закончит роспись капеллы Папы Павла.

— А он нас пустит?

— Я его уже предупредила, и он ответил, что будет счастлив познакомиться с вами и «увидеть ярчайшие из светочей, которые Христос дал Италии, чтобы явить силу истинной веры». Он так и сказал. Он и Джулию хочет видеть. Ему о ней столько рассказывал Себастьяно дель Пьомбо[23],

---

[23] Примечания: 23

Себастьяно дель Пьомбо, настоящая фамилия Лучани (1485–1547) — итальянский живописец, представитель венецианской школы, ученик Джованни Беллини.

который рисовал ее портрет, что ему самому теперь хочется взглянуть на воплощение красоты и веры. Он всегда был уверен, что красота — зеркало Бога.

— Вот здорово!

Элеонора захлопала в ладоши и поспешила разлить по тарелкам ячменный суп и нарезать хлеб, вытащив его из массивного ларя.

Вошли Джулия и Рената, одетые в светлые платья, под стать осеннему солнышку, блестевшему на садовой листве.

— Вы слышали? Мы едем в гости к Микеланджело. Правда, чудесно?

Рената улыбнулась, убирая под золоченую сетку свою «медузину гриву»:

— Мы, словно девицы на выданье, собираемся в гости к единственному в Риме мужчине, который никогда не интересовался женщинами.

Подруги загалдели в знак протеста.

— Да я пошутила, мне самой очень хочется его увидеть, не меньше, чем вам.

Немного погодя карета Виттории въезжала в просторный двор Ватиканского дворца через ворота Санта-Анна. Швейцарские алебардщики в парадной форме, чья казарма примыкала к воротам, провожали ее взглядами.

Карета проехала во второй двор и оказалась среди величавых арок, возведенных по проекту Браманте[24]. Южная часть коридора, соединяющая дворцы Ватикана с Бельведером, была уже закончена, и теперь можно было наслаждаться видом огромного сооружения из арок и пилястр, поднимавшегося на холм. Посередине коридор расходился, превращаясь в просторный амфитеатр, где проходили военные турниры и веселые театральные представления.

Каменная конструкция была облицована мраморной штукатуркой, что придавало ей величественный, имперский вид. Северная часть еще строилась, и десятки рабочих сновали по деревянным лесам, поднимая на верхнюю часть каменной стены куски белого травертина, обтесанные в виде капителей.

Ватага мальчишек, сидя под настилом лесов, с хрустом толкла в ступах мраморную крошку, распевая себе в помощь какую-то ритмичную бесконечную песню. Они растирали мрамор в порошок, который потом смешивали с известью. Полученная паста, нанесенная шпателем на

---

[24] Примечания: 24

Донато Браманте, настоящее имя Антонио Паскуччи (1444–1514) — итальянский архитектор эпохи Возрождения, автор Бельведера в Ватикане, автор проекта собора Святого Петра в Риме.

каменную кладку, как по волшебству тут же превращала каменную стену в мраморную.

По вечерам по улицам Рима, покрытым белой пылью, клубились маленькие пыльные вихри, и эту пыль невозможно было ни счистить с волос, ни выкашлять из легких. После нескольких лет работы кашель уже не покидал мальчиков до самой их ранней смерти. Они сидели в ряд или в кружок, сжимая ногами каменные ступы и размалывая в них мрамор длинными бронзовыми пестиками, широкими снизу. Пестики были тяжелые, и мальчишки поднимали их обеими руками.

Чтобы не видеть этого, Виттория отвернулась к подругам. Хоть мальчишки и распевали веселые песни, они все же выполняли на стройке самую трудную и опасную работу. Такую опасную, что за нее не брались даже взрослые.

— Как вы хотите: подняться в капеллу по лестнице или проехать в карете до самого Бельведера и посмотреть античные статуи во дворе? Потом, чтобы дойти до новой капеллы, надо будет пешком пройти весь коридор.

Ответ был единодушным:

— Статуи, мы хотим посмотреть статуи: дивных Лаокоона, Аполлона, Гермеса. Поехали в

Бельведер.

Яснее всех высказалась Рената:

— Надо было приехать в Рим, чтобы полюбоваться на прекрасно сложенных мужчин и не скомпрометировать себя. И при этом удовольствоваться холодом мрамора.

Виттория поглядела на нее, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться и сохранить строгое выражение лица. Джулия и Элеонора, напротив, расхохотались, как девчонки. Маргарита, которую пригласили в последний момент, старалась соблюдать чопорную осанку. От нее явно ждали какого-нибудь забористого словечка на эту тему: не случайно Рената, говоря о прекрасно сложенных мужчинах, выразительно на нее посмотрела. Но Маргарита не проронила ни слова. Она глядела в сторону потайного садика Папы, где росли самые прекрасные в Италии гранатовые деревья. На них, освещенные солнцем, висели плоды, и птицы с наслаждением расклевывали рубиновые зернышки. Виттория высунулась в окошко кареты и велела кучеру ехать в Бельведер.

Когда они вошли во двор, где расположилась гигантская бронзовая еловая шишка, которую год назад откопали на месте форума Августа, у них было впечатление, что они очутились в другом

мире — в мире ностальгического воображения человечества, которое наполовину существовало в античных книгах, наполовину в буйной, мятежной действительности, куда попало совершенно случайно. По замыслу Браманте, на фоне зеленых холмов Рима огромные плоские пилястры чередовались с арками и уходили в бесконечность, как на фантастическом рисунке. Впечатление от этой непомерной конструкции, самой большой в Италии, дополняло величественное римское небо, по которому плыли маленькие белые облачка, оттеняя его сияющую синеву.

От вида статуй у подруг перехватило дыхание.

Изобретательный архитектор превратил портик с колоннами во дворе палаццо Бельведер, выстроенного на вершине Ватиканского холма, в череду небольших изящных ниш. Каждая из них с должным пиететом вмещала в себя самые ценные из античных статуй, найденных в Риме за последний век. Папы выкупили их по чрезвычайно высоким ценам.

На несколько мгновений подруги лишились дара речи при виде того, что открылось их глазам, но потом любопытство взяло верх над колдовской атмосферой этого места. Отнюдь не благовоспитанные комментарии, вызванные

видом обнаженных мужских тел, да еще таких прекрасных, не срывались с их уст только потому, что во дворике толпились с десяток иностранцев, прибывших со всей Европы полюбоваться коллекцией, о которой говорил мир.

Восхищение античными статуями за последние десятилетия распространилось, как эпидемия, хотя многие считали его греховным признаком развращенности и предательством по отношению к католической вере.

Кроме немецких и французских аристократов, которые могли позволить себе такое дорогостоящее путешествие, в Бельведере толпилось много молодых людей с рисовальными досками и листами бумаги. Они пытались запечатлеть совершенство античных тел и измерить их пропорции.

Среди них были мастера, у которых получались прекрасные рисунки, словно скульптуры сошли из ниш на бумагу. Но попадались и бедолаги, чьи рисунки не имели ничего общего с оригиналами.

Рената и Джулия исподтишка разглядывали рисунки, обмениваясь многозначительными взглядами или, в наиболее вопиющих случаях, толкая друг друга в бок и строя гримасы, которые,

конечно же, не ускользали от взглядов художников, подвергнутых столь суровому экзамену.

Едва они подошли к Аполлону, как комментарии превратились в шумную дискуссию. Рената все норовила зайти сзади статуи и, разинув рот, разглядывала мускулистые ягодицы бога красоты. Дамы улыбались и красноречивыми жестами комментировали это чудо природы.

Элеонора, мыслившая более конкретно, высказала разочарование по поводу передней части божественного тела:

— Герцог Урбино, мир праху его, конечно, не обладал добродетелями бога из Бельведера, но, сказать по правде, имел более богатую оснастку.

Рената многозначительно вздохнула, словно давно ожидала этого заявления, и отчеканила, глядя на подругу смеющимися глазами:

— В этом убедился весь двор Рима, когда вы сбежали из дома Агостино Гиджи в самый разгар представления комедии, которое Папа Юлий устроил в вашу честь.

Рената не могла упустить случая, чтобы не выпалить все это. Элеонора вспыхнула, быстро взглянув на нее и глазами умоляя молчать, но было уже поздно. Джулия выглянула из-за статуи и уставилась на нее с удивленной улыбкой:

— Ну-ка, ну-ка, что это там за история с римским двором и мужскими достоинствами Франческо Мария делла Ровере? Я думала, он прославился только на полях сражений, а теперь оказывается, что он и в постели был не промах.

Элеонора пожала плечами и отвернулась.

— Выдумки. Сплетни служанок.

Но Ренату не так-то просто было смутить.

— И не только служанок. Об этом писали твоей матери, это она показала мне депеши послов.

Она повернулась к Джулии:

— Когда они, Элеонора и ее муж, племянник Юлия Второго, едва поженившись, приехали в Рим, весь двор собрался, чтобы их чествовать, но Франческо Мария, которому еще не было двадцати, и Элеонора…

— Которой было шестнадцать, — вмешалась Джулия, стараясь оправдать подругу: теперь ее поведение казалось ей недопустимо фривольным.

— Франческо и Элеонора не собирались терять столько времени на церемонии, едва открыв для себя все прелести брачного ложа. И однажды, в разгар комедии, которую в доме Гиджи играли в честь Папы, новобрачный вскочил, таща за собой Элеонору. Присутствующие провожали их любо-

пытными взглядами, ибо заметили необычные размеры атласного гульфика юного герцога, который топорщился вверх, высоко подняв застежку.

Джулии не верилось ни в эту историю, ни в то, что святоша Элеонора в прошлом была такой страстной супругой. Она повернулась к Витторию:

— Это правда, все, что говорит Рената?

Та не ответила, подняв брови и разглядывая кончики пальцев.

— Истинная. У меня хранятся письма послов Феррары, где они подсчитали, сколько золотых дукатов пошло на расшитые золотом ленты для платья, в котором щеголяла по такому случаю наша Элеонора. Думаю, больше, чем на наряд Элеоноры Толедской на крестинах. Бега лошадей, бега быков… Не хуже, чем у Фарнезе.

Этими ядовитыми репликами Рената освободилась от обиды, которую ей нанесли обвинения Элеоноры в доме Виттории накануне вечером.

— Быки… быки бежали не в нашу честь, был карнавал, и бега устраивали для всего населения Рима.

— А платье в семьсот дукатов? — наступала Рената.

— Это правда, но я тогда была совсем девчонка,

всего шестнадцать лет. И я была счастлива… Франческо Мария был такой мужчина, такой…

— Вся Италия знала, какой он был мужчина.

Рената смеялась, хлопая в ладоши от радости.

— Я шучу, Элеонора, зачем ты оправдываешься, ты была самой счастливой невестой в Италии, тебе все завидовали.

— Единственной!

Голос Джулии зазвенел, как клинок.

— Единственной счастливой невестой за целый век, да и то ненадолго.

— Да, это продолжалось недолго, но было прекрасно.

Рената подошла к ней с лицемерной улыбкой на губах:

— Не обижайся, Элеонора, подумай, как было бы здорово иметь сейчас хоть немного…

— Немного чего?! — удивленно вскричала Элеонора.

— Того самого пыла!

Тут уж расхохотались все. Поводья были отпущены, и Рената решила продолжить игру, втянув в нее Маргариту.

— Маргарита, сознайся, ты ведь ничего подобного не видела?

Ренату понесло, она была слишком возбуждена

видом нагих мужских тел и той заговорщической близостью, что возникла между подругами.

— Видела и получше!

Такой ответ исторг вздох сожаления из груди всех дам, включая Джулию, которая всегда держалась в стороне от разговоров о мужчинах и их эротической привлекательности.

Когда они очутились перед знаменитым Бельведерским торсом, им всем на ум пришла дежурная фраза, которую обычно произносили посетители при виде его мощной мускулатуры: «Как жаль, что как раз лучшей части тела и не хватает».

Эту фразу с детской непосредственностью озвучила Элеонора, а Рената так шумно высказала свое полное согласие, что навлекла на себя негодующий взгляд одного из художников, с благоговейным видом примостившегося у подножия торса. Ему, может, гораздо больше, чем дамам, не хватало в скульптуре мраморных гениталий, которые обещали, судя по пропорциям, не уступать остальному в мощи и размерах. Он возмущенно поднялся и, свернув свой пергамент с рисунком, зашагал к огромной шишке, торчавшей посередине двора.

— Нам пора, — отрезала Виттория, направляясь

к длинному коридору, ведущему в ватиканские дворцы.

День был по-летнему теплый, и тяжелые платья стесняли движения, но путь в капеллу вел мимо открытых окон, и из внутреннего сада веяло свежим осенним ароматом. В коридоре тоже кипела работа. Художники, разбившись на группы, наносили на стены огромные географические карты с темными горами и зелеными полями, которые пересекались синими лентами рек или омывались волнами морей. То здесь, то там карты пестрели золотыми буквами названий заморских стран.

Церковь, не справлявшаяся больше с европейскими землями, пыталась соединить их все под своим владычеством в этом огромном коридоре, где географы разворачивали меридианы.

Дойдя в сопровождении дворцовой стражи до конца крытого коридора, они спустились по крутой лестнице, ведущей к маленькой скромной двери, за которой никак нельзя было угадать громадный зал для аудиенций. В глубине зала, перед парадной дверью, стояли двое гвардейцев со скрещенными алебардами, готовые остановить всякого, будь то сам Папа. Так распорядился Микеланджело. С ними весело препирался юноша,

одетый только в облегающие штаны и в рубашку с открытым воротом, за которым виднелась мускулистая, вымазанная маслом грудь. Он громко смеялся и подпрыгивал, как боксер на тренировке. Шаги подруг гулко отдавались в пустом зале, и парень быстро повернулся в их сторону. Улыбка на его лице сразу сменилась презрительной гримасой, исказившей красивый профиль. Он что-то шепнул гвардейцам, и те напряглись и застыли. Затем, не поздоровавшись, исчез за дверью, ведущей в капеллу, где работал Микеланджело.

— Что это за парень? — спросила Рената.

— Урбино, слуга Микеланджело, — прозвучал голос Виттории.

— Вернее, его хозяин, — уточнила Джулия.

Когда маркиза назвала себя, один из стражников вошел в капеллу и тут же вернулся, открыв дверь перед притихшими дамами, которые почему-то вдруг обрели торжественный вид.

Их поразила тишина, царившая в пустой капелле, где их встретил Урбино, пристально поглядев в глаза Виттории своими волчьими глазами. Микеланджело работал в одиночестве, а Урбино смешивал ему краски. Больше никому входить не разрешалось. У стены были сколочены двухъярусные леса с широкими столами, на которых в

идеальном порядке стояли плошки с красками, лежали кисти и льняные тряпочки, а рядом помещались две бадьи с водой для споласкивания кистей.

Микеланджело спускался по лесенке с верхнего яруса, где клал последние мазки на стену, ожившую несколькими десятками человеческих фигур. Он снял очки в серебряной оправе, которые Виттория заказала ему в Венеции, чтобы он восстановил слабеющее зрение, и поцеловал ей руку. Ему было семьдесят, но выглядел он лет на двадцать моложе. Тело поджарое и мускулистое, нервное лицо изборождено глубокими морщинами. В те редкие моменты, когда его отпускала тяжкая ипохондрия, которой он страдал лет с двадцати, он признавал, что чувствует себя совсем молодым, полным сил и жажды работать. Старик, рисующий фрески, стоя на лесах, представлял собой зрелище, непривычное даже для Маргариты. Она видела, как работает Тициан, но тот не выходил из своего удобного кабинета.

Микеланджело был одет в черный кафтан и того же цвета блузу, прихваченную в талии и доходившую до середины бедер. Отделанные кружевом рукава белой рубашки он подвязывал ленточками, чтобы кружево не мешало и не пач-

калось в краске. На ногах были двойной вязки чулки и поношенные кожаные сапожки.

Подруги все больше робели, словно проникли в какой-то запретный мир. Тот кодекс благовоспитанности, что служил им руководством в любой ситуации светской жизни, не предусматривал визита к художнику с мировым именем, который стал убежденным сторонником их веры. Уже само по себе преклонение перед созданными им шедеврами означало признание его безоговорочного авторитета. Таким же безоговорочным был авторитет Виттории, чья проза так органично дополняла произведения художника. Хотя Микеланджело и не мог называться духовным вождем группы, страстно стремившейся обновить церковь, именно он облекал их стремления в яркие визуальные образы.

Тут любое слово, любой жест могли оказаться не к месту. Такое уважение, кроме Микеланджело, внушали разве что Реджинальд Поул и кардинал Мороне. Перед Папой все испытывали привычное почтение, какого требовал этикет в отношении главы государства. Но о каком этикете могла идти речь в отношении Микеланджело, чья сила таилась только в нечеловеческом таланте и строгой духовности?

Даже Маргарита, далекая от высот духа и королевского достоинства, чувствовала себя не в своей тарелке и пристально разглядывала кисти, которые художник, никогда не пренебрегая дисциплиной, всегда отмывал, прежде чем, перевернув, поставить в керамический кувшин.

Он мыл их одну за другой, тщательно следя, чтобы на свиной щетине не осталось ни кусочка краски. Для этой процедуры служили три мисочки с водой, поставленные в ряд. Сначала он окунал мокрую, в краске, кисть в первую мисочку, потом во вторую, осторожно прочищая волоски пальцами, и наконец в третью, чтобы окончательно убедиться, что кисть очистилась от краски. Урбино менял воду, и вся операция повторялась с другой кистью. Не отрываясь от этой деликатной процедуры, Микеланджело извинился перед дамами.

— Прошу прощения, маркиза, но, если не ухаживать за кистями, они быстро портятся, а вы представить себе не можете, что за мука привыкать к новой кисти. У каждой кисти свой мазок, и уже знаешь, как он ложится на стену, какой он ширины и интенсивности. А уж если привык, то писать становится легко. Можно сказать, что все трудности живописи заключаются в выборе

кистей.

Виттория, просияв, как ребенок, задрожала от волнения.

— Микеланджело, вы, наверное, смеетесь над нами, но я рада, что вы нынче утром в таком веселом расположении духа. Значит, и мир возрадуется. Такая живопись, как ваша, исходит от Господа… А вы рассуждаете о кистях и щетине.

— Поверьте мне, даже Господь окажется в затруднении, если у него не будет хороших кистей и правильно растертых красок.

Он бросил быстрый взгляд на Урбино, который растирал ему краски. У самого художника уже давно не было на это времени.

Когда тщательно вымытые кисти были помещены в кленовую коробку, Микеланджело задержался, чтобы оглядеть сделанное за день. Он явно остался недоволен и сокрушенно обратился к Виттории:

— Простите, маркиза, но я должен еще кое-что доделать в ногах вот этой фигуры. Откладывать нельзя: штукатурка просохнет[25]. Сегодня си-

---

[25] Примечания: 25

Здесь речь идет о живописи al fresco, то есть прямо по стене, по мокрой штукатурке, на которую хорошо ложилась краска. Краски для такой живописи растирали с яичными желтками, поэтому кисти легко мылись водой.

рокко ускорит высыхание, и через час уже будет поздно. Я отниму у вас несколько минут, иначе завтра придется переделать всю работу, наложив новый слой штукатурки. Будьте так добры, подождите еще немного.

Виттория вспыхнула от волнения. Ее распирало от благодарности за оказанную честь. Она прекрасно знала, что Микеланджело никому не разрешает смотреть, как он работает. В Юлия II, который пытался подняться за ним на леса, он запустил столом, едва не убив Папу на месте.

— Что вы такое говорите, Микеланджело, это мы просим прощения, что надоедаем вам. Мы и так были в восторге оттого, что вы согласились принять нас в капелле, но то, что вы разрешили смотреть, как вы работаете, — для нас несказанная радость.

Она сделала вид, что не заметила, как громко фыркнул своим приплюснутым носом Урбино, который, сложив руки и подняв брови, тут же собезьянничал вдохновенное выражение лица.

— Ради бога, все эти церемонии оскорбляют нашу искреннюю взаимную привязанность. Мы будем незримо присутствовать при вашем священном труде и счастливы будем хоть месяц сидеть неподвижно, чтобы не мешать вам.

Она повернулась к подругам, взглядом требуя подтвердить свое предложение.

Микеланджело выбрал из коробки кисть шириной с детский ноготь и велел Урбино принести две глазурованные чашки с краской: большую с коричневой и маленькую с желтой.

Он прислонил к стене жесткий стебель тростника, конец которого был обернут лайкой и льняной тканью. Это приспособление служило для того, чтобы не дрожала кисть в правой руке. Окунув кончик кисти в краску и опершись краем ладони о тростниковую палку, он несколько раз энергично провел зажатой в пальцах кистью. На ноге человека в правом углу фрески, который в отчаянии обхватил себя руками, явно против воли попав туда, где оказался, появились три темных штриха, идеально параллельных и ясно очерченных. Разная длина штрихов моделировала профиль напряженных в движении мускулов.

За считанные минуты четкая тень очертила контуры ног, сделав их ясными и выпуклыми.

Микеланджело остановился, чтобы проверить, как легла краска, и взял другую кисть, беличью, у которой волоски соединялись на конце. Он обмакнул ее в более светлую краску, и несколько светлых штрихов легли под острым углом к

темным, постепенно размывая их с краев. Словно солнечный луч коснулся стены, и фигура на фреске пришла в движение: казалось, она вот-вот спрыгнет вниз. Теперь свет лился у нее из-за спины, и все тени стали легче, как будто фреску заволокло туманом. Момент движения был пойман.

Микеланджело поднялся и отступил на шаг. Штукатурка, записанная сегодня, казалась темным пятном на фоне остальной стены, и дамы не понимали, как эта фигура будет сочетаться со всей фреской, настолько она отличалась по тону.

А художник видел, что человек на фреске обрел свой собственный таинственный свет, освещавший остальные фигуры свидетелей распятия святого Петра. Этот свет выводил их за пределы обыденности естественного пространства, заставляя обнажиться чувства.

Старик улыбнулся, и в свете свечей его глаза сверкнули золотистыми лучиками.

— Готово, теперь я закончил. Еще раз прошу прощения.

Подруги все еще с опаской переминались с ноги на ногу, стараясь не шуршать платьями, чтобы не напоминать Микеланджело о своем присутствии.

Виттория не удержалась и взяла старого друга за руки.

— Это чудо. Вы настоящее чудо. Только Христос, которого вы нарисовали и изваяли в своем сердце, мог дать вам силы для такого дивного искусства.

Микеланджело резко отдернул руки.

— Осторожно, маркиза, вы можете испачкаться, есть такие краски, которых не отмоют лучшие марсельские мыла.

Она улыбнулась и томно простонала:

— Испачкаться… Если бы Господу было угодно, чтобы хоть одна капля краски попала с ваших рук на мои, я бы не мылась всю жизнь и хранила это пятнышко как драгоценную реликвию.

Тут она вспомнила о подругах и о том, что художника придется с ними делить, хотя бы настолько, чтобы их не обидеть и не выйти за рамки хорошего воспитания.

— Микеланджело, вы ведь помните наших подруг?

Микеланджело склонился в общем поклоне, затем поцеловал руку каждой из дам и постарался сказать что-нибудь соответствующее его чувствам и подобающее их положению.

— Мадам Рената, ваши письма всякий раз

заставляли меня помолодеть лет на десять, но теперь увидеть вас воочию — это просто чудо. Графиня Джулия, я впервые увидел вас на рисунке моего друга Себастьяно дель Пьомбо и был сражен вашей красотой, но когда я вижу вас, я всегда думаю, что перед вашей духовной красотой искусство наших кистей выглядит смехотворным. Свет, исходящий от вашей души, еще ярче, чем свет, который излучает ваша красота. И вы, Элеонора, позвольте называть вас подругой и сестрой. Если бы не вы, я не смог бы закончить надгробие Папы Юлия. Я обязан вам половиной жизни за то, что вы помогли мне справиться с этой трагедией. Вы видели его в окончательном варианте? Как вы его нашли?

Герцогиня Урбино расчувствовалась почти до слез и не сразу смогла говорить, хотя никогда не пасовала и перед правителями любого ранга.

— Я видела его, Микеланджело, и я счастлива, что вам удалось не только достойно увековечить память нашего дяди Папы Юлия, но и запечатлеть в камне веру, которая объединяет нас и которую, как сказала Виттория, вы изваяли сначала в своем сердце, иначе в мраморе у вас не получилось бы так убедительно. Вера роднит нас крепче, чем кровное родство, и я горжусь тем, что

я ваша сестра.

Виттория слегка сжала ее руку, как бы предупреждая, что здесь не место намекать на статуи, в которых обрели форму их тайные надежды и из-за которых она чувствовала себя все время под угрозой. Но Микеланджело этих намеков не испугался и отозвался еще более искренним и отважным комплиментом:

— Это я горжусь тем, что вы, четыре ярчайших светоча, данные Господом нашему веку, чтобы указать путь истинной веры, который церковь почти забыла, соединились здесь, перед скромными орудиями моего труда.

Затем он обернулся к Маргарите, которую знал по портрету Тициана.

— Синьора, кажется, что Господь явил свое величие, наделив вас такой чистейшей красотой, какую только он способен создать на нашей несчастной земле. И моя Ночь сияла бы ярче солнца, если бы я встретил вас раньше и сделал ее похожей на вас.

Маргарита улыбнулась, удивляясь волнению, что сжало ей горло. Семидесятилетний Микеланджело, почитаемый в мире за бога земного, привел ее в замешательство той до грубости простой манерой, с которой он говорил и дви-

гался в своем поношенном черном кафтане. Она силилась представить, какое место мог бы он занять в Риме, кроме как среди своих лесов и стен, расписанных фресками. Для определения этого человека ей не хватало слов, людей такой породы она раньше не встречала. Он не обладал ни плотью, ни полом, ни властью. Но в его хрупком теле и сверкающих глазах был сосредоточен свет, какого она не чувствовала ни в одном из множества знакомых мужчин.

Пока шел обмен любезностями, с лица Урбино не сходила наглая, насмешливая гримаса, словно он был уверен, что дамы его не видят. Но Рената не сводила с него глаз, все больше проникаясь ненавистью к этой карикатуре, которую расценила как воплощение отвратительной непочтительности. Сама не отдавая себе в этом отчета, она принялась сверлить парня взглядом, все более и более напоминавшим обращающий в камень взгляд Медузы со щита Персея. И ее гнев, материализовавшись таким образом, настиг Урбино на другом конце зала. Тот поднял глаза и сразу испуганно наклонил голову.

Пока парень отступал, Рената почувствовала на плече легкую руку Джулии и услышала, как та шепнула ей на ухо:

— Микеланджело — не первый мужчина, который стал рабом своих страстей. Но старик очень одинок, и этот бездельник при нем как плот, за который он цепляется, чтобы не утонуть в своей меланхолии. Из любви к нему негодяя терпит даже Папа.

Не заметив безмолвной дуэли между Ренатой и наглым мальчишкой, Виттория на глазах менялась в присутствии Микеланджело.

— Я думала, что знаю ее лучше, чем кого-либо, но никогда не видела в таком возбуждении, — шепнула Джулия Элеоноре, которая сама была настолько выбита из колеи, что еле могла ее слушать.

В веселом, приподнятом расположении духа Виттория снова обратилась к Микеланджело, в уверенности, что подруги только и мечтают, чтобы послушать их диалог.

— Микеланджело, я знаю, что вы приняли предложение расписать новую капеллу Папы Павла потому, что здесь должно собраться ближайшее заседание конклава, и вы надеетесь, что изберут нашего сэра Реджинальда. Теперь, увидев ваши фрески, я уверена, что так и будет. На этих стенах вы придали форму духу новой веры, и никто не посмеет воспротивиться избранию человека,

который более других воплощает в себе глубокую веру первых христиан. Реджинальд Поул послан Богом, чтобы вытащить церковь из той пропасти, куда ее вовлек человеческий эгоизм, а вы посланы, чтобы содействовать этому вашей божественной живописью. Никто не сможет избежать влияния написанных вами фигур, настолько они полны чувства и одухотворенности. Святой Дух, который должен снизойти на конклав, наконец нашел в этих стенах место для перехода. Вы начертали простоту первоначальной церкви, без мишуры и предрассудков теперешней символики. Церковь держится только на вере, никакой роскоши, никакого богатства. Вы облекли в форму живую веру в Христа и безграничное сострадание к его мукам.

Произнося эти слова, Виттория медленно шла вдоль стены с изображением обращения святого Павла, уже свободной от лесов. Композиция и фигуры этой сцены только внешне напоминали традиционные, принятые за последние два века. Павел[26], ослепленный на пути в Дамаск светом

[26] Примечания: 26

Согласно Писанию, Савл (так звали Павла до обращения) принимал активное участие в гонениях на христиан. По сути дела, он являлся главой карательного отряда. Однако о лошади в Деяниях апостолов (IX, 1–8) не сказано ни слова: Павел и его отряд шли пешком. И стариком Павел тоже не был.

веры, падает с лошади; ему приходят на помощь перепуганные товарищи по оружию. Все разворачивается на фоне пустынного пейзажа, где ничто не отвлекает от духовной реальности, ибо главным действующим лицом повествования здесь является дух.

Святой Павел стар, он устал, и столб небесного света из-под руки летящего Христа повергает его на землю, позволяя убедиться, какой силой может обладать дух.

Старость святого Павла сделала более интимной сцену обращения, которое здесь мыслится как плод глубины его духовного опыта. На небе маркиза увидела Христа, прекрасного, как Аполлон, летящего в окружении не только голеньких ангелочков без крылышек, которых уже раскритиковал кардинал Карафа на фреске Страшного суда в Сикстинской капелле, но и благочестивых мужских и женских фигур, составляющих круг избранных. Ни на одном из традиционных изображений обращения этих фигур не было.

Маркизу испугала безрассудная отвага Микеланджело: осмелиться на такое революционное решение здесь, в самом сердце церкви, куда на конклав соберутся все кардиналы!

— Микеланджело, все эти мужские и женские

фигуры — кто они? Что они означают? Простите мое невежество, но я не встречала их ни на изображениях «Обращения», ни на других картинах с фигурой Христа на небе.

Микеланджело повернулся к столу, где лежала кожаная сумка, обвязанная потертыми шнурками. Он осторожно открыл сумку и вынул из нее маленькую книгу.

Это была Библия, которую Антонио Бручоли, его друг еще во времена Флорентийской Республики, перевел с латыни на итальянский. Своим переводом он страшно обозлил церковные авторитеты, усмотревшие в таком свободном обращении со Священным Писанием посягательство на свое право посредничества между людьми и Богом. Бручоли был вынужден уехать в Венецию, где его надолго приютил Микеланджело, потом во Францию. Библия же его ходила по рукам по всей Италии, как, впрочем, и остальные запрещенные инквизицией книги, которые было невозможно обнаружить в типографиях вне пределов Рима.

Старый художник раскрыл книгу и нашел то место, которое вдохновляло всех художников на написание сюжета «Обращения».

— Я ничего не выдумал, маркиза, это сам Иисус сказал Павлу: «И спасешься, и спасутся с тобой

те, кто верует в меня». Эти люди спаслись, веруя в него. Именно поэтому церковь никогда не желала, чтобы их изображали. Их присутствие показывает, что вера в Иисуса спасает гораздо лучше, чем предрассудки и высокомерная мысль о том, будто спасение можно заслужить, купив его пожертвованиями и молитвами.

Виттория окаменела от этих слов, а Джулия, напротив, не смогла сдержать возглас восхищения.

— Микеланджело, как это справедливо, что Господь зажигает самые яркие светочи в душах тех, кто истинно верует! Мы столько раз читали эту историю, но нам никогда не приходило в голову, что она подтверждает то, на чем Павел настаивает в других частях Нового Завета. Спасение в самой вере, а не в предрассудках и не в почтении к законам церкви. Уже одного присутствия этих избранных достаточно, чтобы явить истину, которую мы нынче без труда признаем. Не сомневайтесь, критики найдутся обязательно. По счастью, мир настолько уверен в вашем величии, что никто не осмелится открыто выступить против вас. Особенно после того, как Поула изберут Папой благодаря вашему искусству.

Микеланджело убрал Библию в сумку и ответил так, словно все дело было пустяковым, стараясь

скрыть, чего ему стоил этот отважный выбор:

— Они не смогут ни критиковать Священное Писание, ни трактовать его иным образом, чем того требует здравый смысл.

Потом обернулся к Урбино, который после испепеляющего взгляда Ренаты держался в стороне.

— Урбино, позови двух стражников, пусть отодвинут леса: я хочу показать дамам распятие святого Петра.

Подруги дружно вскрикнули от удивления.

— Спасибо, Микеланджело, мы этого не ожидали, но не будет ли затруднительно передвигать тяжелые леса только для того, чтобы показать фреску женщинам, которые вряд ли сумеют оценить ее по достоинству?

В улыбке Микеланджело сквозила ирония.

— Никаких затруднений. Немного движения только пойдет на пользу этим парням, что целыми днями стоят столбами у дверей. Да и моему слуге тоже.

И он бросил на Урбино укоризненный взгляд, на самом деле блеснувший нежностью.

— Он развлекает их своими прибаутками, пока я работаю.

Урбино сделал вид, что не понял, и побежал звать стражников, которые рады были сделать

что-то существенное и хоть на время отвлечься от своей монотонной службы. Чтобы не мешать маневру, дамы отбежали к центру капеллы, где возвышался алтарь. Под суровым взглядом Микеланджело двое стражников отодвинули назад двухъярусные леса, приспособленные для того, чтобы доставать до верхней части стены. Чтобы они легче двигались, по полу провели две мыльные полосы. Под конец каждого дня Микеланджело велел отодвигать леса, чтобы еще раз издали осмотреть результат работы.

Дамы бросились к свободной от лесов стене. На ней дышал благоговением суровый, пустынный пейзаж, словно сама природа склонилась перед человеческой драмой. Суровый взгляд Петра предостерегал и напоминал, что смерть его не была напрасной. Его окружала толпа подавленных первых христиан, избранного Богом народа, обращенного в веру проповедями Петра. Все они выглядели так бедно и смиренно, что походили на нищих.

Одежда их была так подчеркнуто проста, что стоящие перед фреской женщины застыдились своих роскошных нарядов. Фреска не содержала ни намека на церковь с присущими ей украшениями. Вся ее правда и сила сосредоточились в

сердцах и вере молча застывших в скорби людей. Это и была истинная церковь, церковь искренне верующих.

Все соответствовало Евангелиям: ни один человек в жреческой одежде не присутствовал при мучении святого Петра. Однако никто из художников не осмелился изобразить эту сцену без малейшего намека на присутствие официального духовенства с его символикой и иерархией. На этой фреске присутствовала только вера. Поняли ли кардиналы это предостережение, этот призыв к простоте одеяний верующих первоначальной церкви? Гневное лицо Петра глядело на них с таким выражением, словно он вопрошал, понимают ли они, зачем у них тонзуры на головах. У Петра тонзура указывала на то, что он избрал для себя бедность и отказался от владения имуществом и богатствами, из-за которых церковь теперь тонула в крови невинно убиенных.

И это тоже был вызов официальной церкви. Микеланджело использовал всю силу своего таланта, чтобы бросить в лицо церковному клиру упрек в безнравственности и спеси, и сделал это именно здесь, в капелле, где, по замыслу Павла III Фарнезе, должны были собираться последующие конклавы. Все в его фреске призывало к чисто-

те и простоте веры, но в особенности — взгляд Петра, который с трудом выдерживал даже сам художник.

Пять раз он переписывал голову Петра, пять раз счищал штукатурку, пока не достиг абсолютного совершенства в выражении лица. Ни один из художников не смог бы этого добиться, только он, великий, посланный на землю, чтобы сокрушить суетность ее обитателей. Сильнее всех фреска поразила Ренату, ибо в ней содержался важнейший принцип: только истинно верующие могут составить церковь. Три года тому назад это прокричал с амвона в Лукке ее любимый проповедник Агостино из Каррары. За такое опасное в своей искренности утверждение на него донесли в инквизицию, и ему пришлось бежать, чтобы не попасть на костер. Теперь благодаря кардиналу Эрколе Гонзаге, брату Элеоноры, ей снова удалось добиться для него разрешения на служение. Однако кардинал написал ей длинное письмо, в котором призывал быть осторожнее, поскольку проповедник может наделать бед и ей, и ее семье.

Теперь Агостино жил в безопасности в Ферраре и мог спокойно произносить свои проповеди во время ближайшего поста, в то время как

Микеланджело рисунками впечатывал те же принципы в самое сердце христианства. Это открытие захлестнуло Ренату такой радостью, что она задохнулась и стала искать глазами какое-нибудь окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, успокоиться и не расплакаться перед божественным художником и перед подругами. Но в капелле было всего одно окно, сквозь которое проникал тусклый свет, и не чувствовалось никакого дуновения воздуха.

Урбино в это время выпроваживал из капеллы стражников, и, пока он с ними о чем-то шептался, Рената подошла к двери, чтобы вдохнуть воздуха из огромного зала, который должен был стать залом высочайших аудиенций.

Микеланджело вглядывался в лица женщин. Они, как и Рената, старались справиться с охватившим их волнением. Виттория не смогла сдержать слез и прижала к губам платок.

Она медленно скользила взглядом вниз по холму, где распинали на кресте Петра, и вдруг сердце у нее остановилось и колени подогнулись: со стены на нее смотрела она сама. В нижней части фрески четверо женщин утешали друг друга, и одна из них повернулась в сторону зрителей, в тоске и печали от того, что происходило несколь-

кими метрами выше.

Эти четверо женщин были они, и это она повернулась к зрителям. Со стены на нее глядел ее двойник, и у нее перехватило дыхание. Джулию, Элеонору и Ренату видно было хуже, но они могли узнать себя по тем деталям, которые цепко ухватил Микеланджело. Длинная благородная шея Джулии, непокорные волосы Ренаты и едва различимая голова Элеоноры были узнаваемы.

Виттория почувствовала, как сильные руки Ренаты поддержали ее, совсем как на фреске, и расплакалась, уткнувшись ей в плечо.

Высота этого чувства не поддавалась никаким словам. Маргарита понемногу начала понимать сцену, что разворачивалась у нее перед глазами. Микеланджело воздал почести «четырем главным светочам» новой веры, сделав их живыми свидетелями мучений святого Петра и подарив им бессмертие. Он сделал гораздо больше, чем Себастьяно дель Пьомбо и Тициан своей придворной живописью.

IX
ТАЙНЫЙ СОВЕТ В ОРВЬЕТО (ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ)

Мы договорились выехать в десять часов на следующий день после визита к Микеланджело. Перед тем как прибыть в палаццо Колонна, у меня было время попрощаться с Тицианом. Люди Виттории не спеша упакуют багаж и поедут другим экипажем. На сборы у меня был целый вечер, Алессандро пришел уже поздно ночью. Теперь, когда надо было уезжать из Рима, меня охватила болезненная тоска. И дело было не в красоте города, а в атмосфере терпимости, еще более привольной, чем в Венеции, в его бесконечной истории, о которой рассказывал любой камень, помогая каждому почувствовать свое место в грандиозном, удивительном театре и оставляя за каждым право принимать себя всерьез.

В Риме все было настолько великолепно, что самые беспокойные умы успокаивались и приходили в согласие с собой. Даже красный африканский песок, который иногда, во время сирокко, по ночам сыпался с облаков, приближая

город к пустыне львов и магов, делал его уникальным местом с особым предназначением.

Это предназначение и сбило меня с толку. Я ощутила это, когда собралась уезжать из города, зная, что никогда его больше не увижу.

Рано утром я была уже возле северного входа в Бельведер. Здесь, в удобном и просторном жилище, с окнами, открытыми с вечера, обитал Тициан.

Подходя к его дому, я подумала, что не смогла бы уехать, не поблагодарив его за великодушие. Испанская гвардия проводила меня до массивной двери орехового дерева, увитой виноградной лозой, на которой среди желтых и оранжевых листьев еще висели лиловые гроздья. Их словно развесили в честь художника, любившего эти цвета и на своих холстах добивавшегося в них всех мыслимых и немыслимых оттенков.

В комнате, которую Тициан оборудовал под студию, стояло большое полотно: портрет Папы с племянниками Оттавио и Алессандро. Фигуры выглядели такими живыми, что многие, проходя мимо портика террасы, куда картину поставили, чтобы просохли краски, преклоняли колена, убежденные, что приветствуют самого понтифика. Об этом говорил весь Рим.

Картина стояла наискосок от выходившего на юго-восток окна, из которого по вечерам лился теплый свет. Возле нее на столе располагался большой ящик с десятками фарфоровых шкатулочек с красками, вставленных для равновесия в приподнятые рамки.

В белых блестящих чашках растертые и смешанные с льняным или маковым маслом краски обретали глубину и прозрачность тона, напоминавшую блеск драгоценных камней или свежевыкрашенного бархата. А рядом с ящиком, на столе, в маленьких круглых чашечках, Тициан экспериментировал, ища разные оттенки цветов, и наносил их на гладкие плоские керамические тарелки, контролируя густоту или прозрачность тона.

Я хорошо помнила манеру работать старого художника. Когда он искал нужный оттенок, то, обмакнув кисточку в краску, наносил такие легкие штрихи, что неподготовленный глаз ни за что бы их не различил.

Проходили дни работы, и все начинали замечать, что на складках атласной рубашки на груди поменялся лиловатый отсвет или что сочный, как вишня, рот обзавелся вдруг грустной тенью под левым уголком верхней губы.

Эту картину Тициан тоже писал очень медленно и теперь убирал красновато-черный тон с век Алессандро, который, увидев законченную картину, попросил, чтобы он был больше похож на деда, чтобы подчеркнуть сердечность их отношений.

Как же далека была живопись Тициана от живописи Микеланджело, который орудовал кистями по влажной штукатурке, как крестьянин плугом! Тициан работал полутонами и светотенями, не обращая внимания на природу и контуры предметов, которые рисовал, и возвышая их материальную сущность.

Фигуры Папы и его племянников чуть размывались в розоватом тумане, который менял густоту в зависимости от того, какой предмет или ткань попадали в центр внимания художника. Он сгущался на лице Алессандро и рассеивался на его кардинальском корсете или на белой, с красными отсветами, папской рубахе, в ткань которой, казалось, вплетены венецианские жемчужины. На полотне были представлены все оттенки красного цвета, и атмосфера картины так волновала, что я, помимо воли, воспринимала изображенные на ней фигуры как священные.

Поверхностное легкомыслие Оттавио, накло-

нившегося к Папе, который на него и не смотрел, превратилось в элегантную царственность будущего герцога Фарнезе, готового принять правление едва созданным дедом государством. Поза Алессандро и его глубокий взгляд свидетельствовали о том, что он сознает ответственность, лежащую на плечах кардинала и будущего Папы. Я с трудом узнавала в зрелом, полном достоинства человеке того горячего юнца, что каждый раз почти лишался чувств между моих ног.

Но настоящим шедевром Тициана был тот, кого Рената назвала «снопом сена, выгоревшего на солнце». Павел III составлял единое целое с блеском своей туники. Папская непорочность лучилась в густых белых тонах с золотым свечением, окружавшим его фигуру. Черные глаза, на самом деле хищные и жестокие, на картине превратились в две прозрачные влажные точки, подчеркивающие сосредоточенность преподобного старца на глубинах духа, лежащих за пределами картины. Он был далеко и в священном одиночестве своего призвания не замечал племянников.

Тициан создал шедевр. Какими бы ни были реальные отношения между дедом и внуками, на холсте эти люди излучали чувство любви и

царственного достоинства — лучший фон для любых амбиций. Глядя на картину, никто не усомнится ни в законном праве молодого Оттавио Фарнезе на герцогство Пармы и Пьяченцы, ни в искренности стремления кардинала Алессандро стать самым добродетельным Папой в истории христианства. И даже завистникам не придет в голову усомниться, что Павел III посвятил свою жизнь не обогащению семейства, а воплощению всех сразу христианских добродетелей, включая светлую грусть по поводу собственной сиятельной старости.

Тициан гораздо больше своего сына Помпонио заслужил аббатство Санта Лючия. Он давно заработал на царство.

Приветствуя старого художника и стараясь не очень отвлекать его от работы, я думала о Микеланджело с его еретическим бунтарством и опасностью, которую он навлекал на себя своими картинами. Кто знает, кого из них мир будет помнить лучше: придворного с исключительным талантом или гиганта с неукротимыми страстями.

Прямо из Бельведера я направилась в палаццо Колонна. Те, кого я теперь считала своими подругами, не выказывали никакой грусти по поводу

отъезда. Даже Рената и еще того меньше Элеонора, а ведь, скорее всего, они никогда больше не вернутся в Рим. Но обе находились в таком радостном возбуждении, словно собирались отбыть в сады Эдема.

Как и было уговорено, ровно в десять мы выехали из Рима.

Шел дождь, но холодно не было, как бывает в Венеции в середине ноября.

Выехав из города через ворота дель Пополо, мы поехали по дороге, по которой уже больше тысячи лет в Рим вливались толпы пилигримов из Франции и Германии. Теперь ее наводняли художники, торговцы и зеваки, явившиеся поглазеть на разросшийся, по-прежнему могущественный город. Влажный, покрытый бархатистой травой туф был изрыт диковинными пещерками, стойлами для овец и быков, нехитрыми жилищами и садиками с каменными чудищами. Архитектура этих построек зачастую перекликалась с архитектурой грандиозных сооружений внутри городских стен.

Рим разделял два далеких мира: мир Аппии, возникавший сразу за воротами Сан-Себастьяно, предвещая райские пейзажи Неаполя и Греции, и тот мир, в сторону которого мы двигались, уже

северный, с мрачными сырыми лесами в долинах Тибра, с туманами, каких никогда не бывает в Аппии.

Внутри кареты Виттория и Джулия, казалось, были поглощены молитвой и не обращали внимания на пейзаж за окном. Может, они слишком часто его видели. Мы оставили справа покрытую снегом гору, слева — трехгорбый холм, похожий на дракона.

— Это гора Соратте.

Виттория поняла, что мне интересно, что это за странное явление.

— Здесь сын Тарквиния Гордого — последнего царя Рима — изнасиловал юную Лукрецию. С женщинами и в те времена обращались точно так же.

И она с улыбкой погладила меня по руке.

Это было сильнее ее. Она не могла представить, что моя жизнь стала такой, какая она есть, совсем не потому, что меня кто-то изнасиловал. В сущности, они приняли меня в свою компанию, считая, что я, так же как они, подвергалась насилию со стороны мужчин. Мне было незачем опровергать это мнение, но я спрашивала себя, отчего же они, могущественные, как Лукреция, и, как она, претерпевшие насилие и принесен-

ные в жертву мужскому превосходству, которое принуждало их к подчиненному положению благочестивых матерей семейства, продолжали доверять мужчинам? Почему они признавали за мужчинами главенство духовных вождей, хотя сами могли распоряжаться своими чувствами по отношению к Богу и к миру, как распоряжались своими доменами.

Профиль Элеоноры в рамке окна, на фоне пейзажа краснеющих осенних каштановых рощ, резко отличался от того профиля, что нарисовал Тициан на портрете в палаццо Урбино. Передо мной сидела женщина из камня, равнодушная к страху смерти. А с полотна Тициана, заказанного ее супругом по случаю провозглашения его герцогом, смотрело испуганное существо, печальное и одинокое, у которого одно утешение: собачка модной английской породы.

Я прекрасно помнила этот портрет в парадном зале. На полотне были даже предметы, указывающие на призвание образцовой супруги: свадебные украшения и золотые часы. Они будут отбивать время ожидания, то есть для женщины — время ее жизни. Трудно было придумать что-нибудь меньше напоминающее Элеонору: даже Тициан угодил в ловушку притворства.

Женщин, что сидели рядом со мной в карете, несущейся сквозь багряные леса горы Чимини, объединял случай или влекло за собой некое невидимое течение. Они, несомненно, могли соперничать с аргонавтами, даром что не плыли по морю, а тряслись в карете. И одержали бы верх, по крайней мере, в решимости, с какой они переступали все границы горизонта, определенного человеческим существам.

Семь лет назад они вызвали недовольство всех дворов Италии, пытаясь организовать паломничество в Святую землю. Действовали они по призванию и по убеждению, что справятся не хуже мужчин. Ввиду их высокого положения путешествие могло оказаться слишком опасным. Если бы им удалось довести это начинание до конца, их трудно было бы вернуть в привычные рамки обычной женской жизни. И те самые мужчины, которые ни в чем не могли прийти к согласию, дружно объединились во мнении, что женскому крестовому походу не быть, и в ход был пущен авторитет самого Папы. Дамы смирились, а может быть, сосредоточились на более высоких и еще более опасных целях, которые теперь влекли их друг к другу. По их следу шли шпионы инквизиции и полиция разных государств, но

они все равно оставили свои позолоченные салоны и отправились на свидание друг с другом, которое могло стоить им жизни.

Я спросила у Алессандро, чем обусловлено такое поведение и не ускользнуло ли от меня что-нибудь, когда я в Венеции слушала рассказы об этих событиях. Но даже он не смог ответить: цинизм его политики вообще не допускал ни безусловного великодушия, ни риска без дальнего прицела на богатство. Однако их поступок произвел на него глубокое впечатление: такая верность страстному увлечению полностью противоречила логике насилия.

Они ехали — вернее, мы ехали, но я в этой компании представляла всего лишь балласт — в Орвьето, где монастырь Сан Паоло был переоборудован в штаб-квартиру, которую Виттория щедро снабдила всем необходимым, а оттуда в Баньореджо, встречать Реджинальда Поула и его «витербийскую церковь», как ее с презрением называли Карафа и его друзья из трибунала инквизиции. Она была близка идеям Лютера и ставила себе целью изменить Римскую церковь. Эту затею считал неосуществимой даже

немецкий монах[27], который предпочел отделить Германию от Римской церкви, обреченной и дальше на века погрязнуть в коррупции. Алессандро тоже был в этом убежден, но ни одно из его начинаний внутри курии не имело достаточной силы, чтобы противостоять другим. Счет оставался открытым.

Встреча в Орвьето была предварительной подготовкой к Тридентскому собору, на который отправлялись потом Поул и его окружение.

Мужчины шли на риск, нарушая равновесие власти, которая до последнего времени была способна их защитить: несмотря на еретический душок, Поул считался одним из наиболее вероятных наследников Павла III, и его, помимо большого количества итальянских принцев и кардиналов, поддерживала еще и имперская группировка.

Но они, женщины? Что с ними будет, если схватка завершится неизбежной вендеттой? Женщины не допущены к церковным бенефициям[28], они не могут стать ни епископами, ни кардиналами. Почему же они рискуют жизнью

---

[27] Примечания: 27
Имеется в виду Мартин Лютер.

[28] Примечания: 28
Бенефиции — церковные доходы.

ради Реформы?

Я своими глазами видела, как Виттория писала прошения, чтобы епископство Ноцерское оставили за кем-то из ее протеже. Я слышала, как Джулия в приказном порядке устраивала одного из своих придворных в нотариальную канцелярию вице-короля Неаполя. Они использовали свою власть в интересах других, отдавая приказы, которых по закону им отдавать было не положено. Почему они растрачивали свои силы перед обществом, которое с ними не считалось и относилось к ним как к придворным украшениям мужчин? Видимо, мои страхи и сомнения одолевали и моих спутниц, ибо все четверо напряженно затихли.

В Орто конюхи и эскорт почти силой заставили нас выйти из кареты и поесть в остерии на краю дороги. Мы нашли накрытый белой скатертью стол со стоящими на нем свиным паштетом, дынями и марципановым тортом. Одна я, как всегда, отведала всего. Подруги присматривали за мной, как за девочкой, которую поручили их заботам, и я прилежно слушалась «взрослых».

В остерии было полно мужчин, и итальянцев, и иностранцев, по большей части фламандцев, но подойти к нам они не рисковали: очень уж

непривычно было, что пятеро женщин, несомненно аристократок, путешествуют одни, без мужчин, если не считать эскорта, который держался поодаль.

Дальше мы двинулись под ливнем, по глубоким лужам. Немногочисленные пешие паломники безуспешно пытались увернуться от потоков воды и грязи, летящих из-под копыт нашей четверки лошадей. К закату мы оказались перед крутым подъемом Сферракавалло[29]. От наших усталых коней требовалось последнее усилие, перед тем как достичь стен старинного монастыря Сан Паоло.

На следующий день мои подруги, свежие и радостные, словно отдыхали с неделю, были готовы проехать те несколько миль, что отделяли Орвьето от Баньореджо. Их безупречные наряды, несмотря на тяжелый покрой и черный цвет, оттеняли их сияющую красоту, которая всегда отличает тех, кто готовится к обольщению. Утомленной с дороги выглядела только я, а ведь на мне было ярко-зеленое платье, всегда меня выручавшее, когда надо было скрыть следы усталости на лице. Из уважения к высокому достоинству

---

[29] Примечания: 29
Sferracavallo *(ит.)* — «подхлестни лошадь».

людей, с которыми мы должны встретиться, я надела еще жемчужное ожерелье в семь ниток. Виттория подошла и вежливо предложила дать мне взаймы на сегодня одно из своих любимых украшений. И только тогда я заметила, что ни одна из подруг не надела украшений, если не считать массивных золотых распятий на цепочках. У меня тоже было распятие, и на этот раз жемчуг отправился обратно в кожаный футляр.

— Ведь это не такая уж большая жертва, правда, Маргарита? — улыбнулась Джулия, погладив меня по голове. — Я знаю, что вы благочестивы и гораздо более искренни, чем остальные дамы из папского окружения.

Она подшучивала над моей ролью первой содержанки папского внука, но, похоже, верила собственным словам.

— Да и золото идет вам больше, чем жемчуг. Прогулка, которая может показаться вам скучной, требует маленькой жертвы, зато вы познакомитесь с людьми, достойными вашей образованности. И вы, надо полагать, оцените их лучше, чем мы, ибо одарены блестящим умом и эрудицией, которая отличает лишь немногих наших лучших друзей.

Это был мотив, по которому меня взяли с собой

в тайную и опасную исповедальню. Меня считали чудом природы, и это чудо, несомненно, можно было вернуть к добродетели, в лоно Господне. Может быть, они лелеяли надежду на освобождение, и я была им послана как знамение, как проявление женской мудрости, которую упорно отрицали церковники.

Вот уж представить себе не могла, что дамы такого высокого положения сочтут меня высшим существом. Я по большей части занималась соблазнением мужчин и никогда не считала ни ум, ни знания сильными инструментами. Теперь же я начала думать, что, может, мужчин, таких податливых в моих руках, покоряет интеллект, о котором они не догадываются, пока не почувствуют в нем угрозу? Женщина высокого ранга, выказав острый ум, еще может напугать мужчину, но на острый ум путаны никто не обращает внимания, и дело кончается тем, что мужчины только легче подпадают под ее чары.

Но можно рассудить и наоборот. Овал лица, смягченный легким слоем талька, белые зубы, губы, оттененные кармином… Женщины, собираясь в самое интеллектуальное общество, не преминут прихорошиться, словно внешность служит проводником к познанию их острого ума.

Получалось, что я постигла в совершенстве обе стратегии, а главное — об этом знала, что давало мне неоценимое преимущество.

Мы миновали облетевшие дубовые и ореховые леса, отделяющие Орвьето от Баньореджо, и вскарабкались по лестнице, что вела на неприступную скалу Чивита. Издали скала казалась узкой, как вершина вулкана посреди моря каштанов, и трудно было предположить, что лестница приведет к такой широкой площадке, целой площади. В южном углу площади, рядом с церковью, открывалась арка, ведущая в епископство, где остановился Реджинальд Поул со своей свитой. Такое жилище больше подходило какому-нибудь скромному дворянину, чем самому могущественному, образованному и утонченному кардиналу Европы. Но он все время повторял, что верующие люди не должны владеть излишне роскошными апартаментами в этом мире, если хотят оказаться ближе к Господу в мире ином.

Первым нам навстречу к лестнице, ведущей наверх, такой крутой, что казалось, она специально спроектирована под его появление, вышел сам Реджинальд Поул. Длинная черная, аккуратно подровненная борода спускалась ниже пояса, напоминая кирасу из щетины. Она была атрибутом

святости и чистоты владельца, и от нее старались держаться подальше, словно от стального щита. Он не стриг бороду с того самого времени, как приехал в Италию десять лет назад, спасаясь от участи мученика. Потомок благородных графов Суффолкских, кузен Генриха VIII, он насилу ускользнул от королевского золотого стилета, когда осмелился высказаться против развода Генриха с третьей женой и его женитьбы на Анне Болейн. Как он сам потом рассказывал, Господь говорил его устами, когда он, повстречав короля-еретика в темной гардеробной, высказал ему все, что никто до него не осмеливался сказать.

После бегства Поула в Италию Павел III почти сразу нарек его кардиналом, укрепив, таким образом, партию, выступавшую против короля в Англии и за ее пределами. Черная кардинальская борода не скрывала отваги воина, та же отвага чувствовалась в пристальном взгляде маленьких черных глаз и в массивном носе. Сильные руки с одинаковой твердостью держали и шпагу, и священные книги.

Он спустился вниз на два марша лестницы, и шедшая за ним свита с царственным видом остановилась на освещенной солнцем площадке. Протянув мне сильную руку, он смутился,

потому что знал, какую жизнь я веду. Мне было достаточно пожать ее, чтобы понять, что эта рука никогда не касалась женского тела. Я успокоила его, уставившись ему в переносицу самым невыразительным взглядом. Во всей его фигуре, напоминающей грозную черную тень, единственным светлым пятном был лоб.

На этой встрече я чувствовала себя чужой и изо всех сил старалась, чтобы любопытство не светилось в моих глазах: мне казалось, что тогда я и сама стану незаметной для глаз присутствующих.

Виттория совсем не по-королевски простерлась перед Поулом на ступенях крутой лестницы, не успев стать на площадку и рискуя упасть. Элеонора зарделась, как монахиня-затворница, которую заставили выйти на свет божий из кельи. Рената и Джулия, стараясь скрыть собственное замешательство, бросились поддерживать Витторию.

Как только Витторию благополучно подняли со ступенек, Поул отошел чуть в сторону, чтобы дать свите возможность поздороваться с нами.

— Его высокопреосвященство кардинал Модены Джованни Мороне.

Едва закончились приветственные объятия, Виттория представила меня всей компании.

Мороне, казалось, принесло неистовым ветром из сада: над совсем еще молодым, загорелым на свежем воздухе лицом вились рыжие волосы, ярко блестевшие зеленые глаза обрамляли ровно изогнутые, как у женщины, брови. Он слыл воплощением справедливости, и все относились к нему с восхищением, в том числе и лютеране, которые считали его достойным противником, пребывающим в заблуждении.

«Он почти девственник… Почти, потому что было несколько историй со студентами Падуанского колледжа, где он учился». Когда красные губы Мороне коснулись моей руки, мне сразу вспомнилась циничная откровенность делла Каза.

Губы прижались так, что я сразу поняла, с кем хотела бы провести следующую ночь, если только из этого монастыря не совсем вытравили желания, не относящиеся к духовным. С этого мгновения я избегала смотреть на Мороне.

Мне представили еще троих или четверых человек с усталыми от забот и постоянного чтения глазами, но их лица не отпечатались в памяти.

Нас провели в приемную монастыря, высокий зал, выходивший в нависший над бездонной пропастью маленький садик. За низкой стеной, заросшей вьющимися растениями и кустами,

виднелись верхушки каштанов, упрямо растущих на скале, открытой всем ветрам. Еще дальше, за морем леса, одиноко возвышались заснеженные вершины. Этот скалистый утес, чудом устоявший на краю обрыва, был прекрасным местом для приближения к божественным тайнам.

Зал обрамляли грубо вытесанные желтые колонны, а посередине возвышался стол орехового дерева, окруженный неудобными скамьями. На одном его конце стояла сушилка с расписной глиняной посудой и несколько почерневших серебряных подносов. Солнце было затянуто сероватой дымкой северного неба, но свет наполнял комнату и придавал ей немалое очарование, несмотря на бедность обстановки. Дверь в торце зала вела в другое помещение, не такое просторное, но более уютное, с мягкими скамейками вдоль стен и с нишей, где Мадонна с младенцем на руках, изображенная на фреске в натуральную величину, выглядела как живая. Младенец печально смотрел на коленопреклоненного святого справа от трона. Слева, застыв в скорбном одиночестве, держала в протянутых руках серебряный поднос святая Лючия.

Поул первым уселся на обитый красным стул как раз под фреской и, ни на кого не глядя, подо-

ждал, пока остальные займут свои места.

Рената вежливо указала мне на кресло в смежном зале, и я поспешила занять его, не выказывая никакой досады. Она вернулась в большой зал, где были места для остальных, и оттуда приветливо улыбнулась мне через открытую дверь.

Рядом с моим креслом стоял небольшой шкаф с книгами. Мне предупредительно оставили «Послания» Павла и «Метаморфозы» Овидия, чтобы я не скучала, пока идет совещание. Ничто не было оставлено случайно, включая открытую дверь; все означало полное доверие и уважение ко мне и избавляло меня от неизбежного смущения.

Я взяла в руки прекрасно иллюстрированного Овидия, но внимание мое сразу привлекла тишина в соседнем зале: Поул открывал совещание.

— Дражайшие братья и сестры. Перед тем как отправиться на Тридентский собор, мы попросили вас об этой встрече, ибо она чрезвычайно важна для нашего будущего и для будущего всего христианства. Мы не считали возможным ехать без всеобщего совета, и теперь, прежде чем ответить на любой из ваших вопросов, я от имени всех и во имя Господа прошу Витторию подарить нам одну из своих импровизаций, дабы укрепить наш дух для верных решений. Кроме того, наш

любимый Микеланджело подарил мне один из своих рисунков, который я возьму с собой в Тренто. Его, несомненно, вдохновляла любовь к Господу, которую он носит в своем сердце.

Он обернулся, взял со стола дощечку, накрытую зеленым сукном, и, сняв его, показал рисунок присутствующим, приложив к груди. Его черное одеяние служило прекрасной рамкой. У всех вырвался вздох восхищения. Мадонна поднимала глаза и руки к небу, а умирающий Христос бессильно сползал с ее колен. Его поддерживали под руки два ангела, предоставив зрителям любоваться прекрасным растерзанным телом и скорбеть о Нем.

Я подняла глаза и увидела профиль Виттории: глаза ее неподвижно глядели на рисунок. Потом она заговорила, обращаясь к изображению Мадонны.

Поначалу слова с трудом слетали с полузакрытых губ, но постепенно голос ее окреп и полился, как звук виолы, на которой играли ангелы. Она говорила о запекшейся в волосах Христа крови, о запахе Его тела и о страдании матери. О теле, медленно остывавшем в руках, которые отчаянно пытались сохранить в Нем тепло и жизнь. О слезах, которые не могли пролиться, потому что

она словно окаменела, о вере, которую она первая смиренно приняла, принеся в жертву того, кто был ей дороже жизни: сына.

Вскоре комната исчезла, и сама Виттория показалась мне сошедшей с фрески. Ее голос словно доносился из иного мира, оттуда, где за века, через боль и страдания всех, кто верил в эту жертву и в этого Бога, материализовалась их вера.

Живые слова становились теми осязаемыми образами веры, каких не достичь никакой торжественной мессе, никакой пышной литургии.

Преображенная верой хрупкая женщина превратилась в гиганта, и ее друзья это понимали, вбирая в себя ее речь как самый драгоценный из даров.

Я никогда не была чувствительна ни к воздействию веры, ни к предрассудкам, но слова Виттории меня настолько взволновали, что я не замечала своих слез, катящихся по щекам прямо на руки.

От этих слов по-настоящему умирал тот, кто был нарисован рукой Микеланджело. Обыкновенный цветной порошок, нанесенный рукой смертного художника на белую доску, обращался в живые фигуры, которые теснили людей, прижимали их к стене, как настоящие.

И вскоре комната была уже не в состоянии вмещать в себя кровь, запах, тепло, само тело Христа, возвращенное к жизни Витторией, как вода изо льда.

Теперь я понимала, где черпает силу Виттория. Ни делла Каза, ни Алессандро не могли наставить меня в вере, потому что сами не были к ней причастны. Поул первый понял эту провидческую и поэтическую силу. И половины ее было бы достаточно, чтобы до основания разрушить все горячечные разглагольствования Савонаролы.

Женщина за свою проповедь должна платить жизнью. Вот почему она скрывала и лелеяла ее в тайном кружке.

Что-то от этой громадной силы удалось, наверное, ухватить верному секретарю Поула Альвизе Приули, который быстро записывал слова Виттории на бумаге, отчаянно борясь с волнением.

Мне казалось, что массивные стены из туфа пошатнулись под натиском безудержной энергии, бьющей из уст Виттории. Я вцепилась в кресло и со стуком выронила из рук томик Овидия. Видение разрушало стены, рвалось к небу, к тому безграничному пространству, что открывалось за скалой, ставшей сразу маленькой и хрупкой.

Виттория вдруг вскрикнула и потеряла со-

знание, поток энергии сразу иссяк, и все молча замерли.

Элеонора и Джулия, опустившись на колени, приводили ее в чувство, обтирая ей лицо мокрым платком, и она наконец открыла глаза и огляделась, еще не понимая, где находится.

Убедившись, что Виттория окончательно пришла в себя, Поул раскинул руки, словно останавливая поток силы, бушевавшей в комнате, и заговорил мощным и певучим голосом пророка:

— Виттория, благодарю тебя за то, что преподнесла нам свой вдохновенный дар, еще раз позволив сполна ощутить величие благодеяния, которое совершил Христос, отдав себя в жертву за нас. Высокомерие, с которым настаивают на спасении души добрыми делами и соблюдением обрядов, есть оскорбление этой жертвы. Именно это мы и собираемся дискутировать в Тренто. Наиболее коррумпированная часть Римской церкви постоянно поддерживает в народе убеждение, что дела, молитвы и официальные обряды могут спасти душу. Мы же утверждаем, что единственной целью такой практики является обогащение духовенства и отдаление паствы от истинной веры. Наша задача — утвердить спасение через веру, а не через приверженность

ложным верованиям.

— Высокочтимый падре, — вмешался до слез потрясенный Приули, — но таким образом мы рискуем открыть дорогу Лютеру, который стремится разрушить все авторитеты и догмы и подчинить себе Римскую церковь. А монархи, ставшие его опорой, только и видят, как бы завладеть церковным имуществом. Корысти курии они противопоставляют собственный цинизм.

Поул повернулся к Элеоноре, которая с царственным спокойствием взяла слово.

— Мы должны объединиться и достичь согласия, чтобы обновить церковь, не лишая ее влияния. Но именно курия упорно отвергает это согласие. Карафа думает только о кострах для реформатов и всех, кто не согласен сохранить его аппарат, не меняя его. Свою слепую жестокость он оправдывает тем, что ересь должно истреблять при рождении, чтобы не допустить опасного распространения. В Тренто надо искать объединения с лютеранами и с наиболее свободной частью римской курии. Многие монахи и теологи из монастырей моего герцогства заверили меня, что любой ценой приедут на собор, чтобы поддержать проект Реформы, которая навсегда покончит с торговлей верой. Многие властители

Италии также просят о сокращении светской власти Папы и доходов церкви. Мы можем рассчитывать на серьезную поддержку, и наша игра не проиграна.

Поул снова заговорил, изо всех сил стараясь, чтобы его печальный голос не звучал слишком снисходительно:

— Дочь моя, наиболее свободная часть курии — это мы. И если уж мы заручились поддержкой монашеских орденов, то я не уверен, что заключение договора с лютеранами принесет нам пользу. Одно только заявление об этом может стоить нам поражения и дальнейших преследований, потому что Карафа, со своей стороны, собирает в Тренто только тех епископов, что выступают против Реформы и за укрепление папской власти.

Альвизе Приули старался привести себя в порядок, проведя рукой по влажным от пота волосам. Обратившись сначала к Поулу, потом к Элеоноре, он произнес с хладнокровием дипломата, досконально изучившего вопрос:

— А что, если вместо того, чтобы начать дискуссию по декрету утверждения Реформы, мы попытаемся установить превосходство соборов над властью Папы? Таким образом мы сможем выиграть время и получить контроль над

большинством в соборе, особенно если учесть последние скандальные злоупотребления Папы, нанесшие ущерб государству церкви.

С неожиданной и всех удивившей силой Джулия оперлась руками о скамью, готовая вскочить с места, но быстро овладела собой и осталась сидеть, застыв от гнева.

— Вера должна восторжествовать без всяких колебаний. Мы прекрасно знаем, что курию, эту сточную яму Рима, невозможно убедить поменять позицию, ибо для нее это означало бы потерять власть над людьми и владениями. За последние годы мы в этом убедились. Чем же были последние десять лет, как не постоянной попыткой найти неосуществимое согласие и обновить церковь изнутри?

Она смотрела прямо на Поула, не опуская влажных, блестящих от бессонных ночей глаз.

— Не надо забывать, что десять лет назад Павел Третий выказал притворную готовность к реформе и запросил у вашего преосвященства подробно разработанный проект. И что из этого вышло? Чем все кончилось? Проект похоронен в ящике стола в его раззолоченных покоях. Карта бита. Если не удается провести даже робкую реформу, что уж говорить об обновлении основ веры с

помощью Рима? Если мы не осуществим свой выбор силой, то рискуем проиграть сражение, даже не начав его. У Карафы повсюду свои люди, несколько месяцев назад они добрались уже до Карнесекки в Венеции. Все оплоты свободы вот-вот рухнут под нажимом Рима. Жертва Христа должна вдохновить нас, ибо вера в него требует жертвы и от нас.

Джулия опустила голову и закрыла лицо руками, обессиленная своим порывом. Мужчины смотрели на нее в замешательстве. Одних смутили ее слова, других — ее красота. Я не в силах была оценить теологическую глубину спора, но меня поразила та естественность, с которой аристократка вступила в этот спор. Глубокая приверженность новой вере разрушила барьеры и дала этим женщинам право слова, в котором остальной мир им отказывал. Риск, неизбежно связанный с действиями в подполье, огромные средства, потраченные на финансирование теологов, издателей и на поддержку монастырей, где укоренились идеи свободы, — все это давало им право, по крайней мере здесь, открыто говорить с мужчинами об общей вере. Они могли обходиться без священников, отправлявших обряды по обязанности, более того, они вполне могли таких

священников заменить: ведь страстная, глубокая вера стала смыслом их жизни. Кто знает, если бы их взяли на собор, они, может, и нашли бы выход из положения… И Джулия, готовая, казалось, вытащить из складок юбки алебарду, и Рената, с ее повадками и внешностью воина. А Элеонора, привыкшая к роли посредника с властями, разве не спасла множество жизней, не жалея себя, в твердом убеждении, что всеобщее благо наступит с несокрушимой неизбежностью? А разве Витторию, с ее поэтическим даром, с ее способностью к диалогу, не стала бы прекрасным руководителем теологической ассамблеи? Я даже на миг представила себе этот новый мир. Но только на миг, потому что мне снова вспомнилась информация, которую я получила в Венеции и которая была очень далека от их надежд. Инквизиция только и ждала, чтобы рыба собралась в одном месте, чтобы закинуть сеть и поймать всех разом. Чтобы горечь реальности не так давила на плечи, я встала и подошла к окну, выходившему в сад и на долину.

Еще один закат спускался на Баньореджо, туф монастырских построек постепенно темнел, и мрачные мысли сами собой рождались в голове. Позиции собравшихся были шатки, и Поулу

придется уступить собору. Я перестала следить за дискуссией гораздо раньше, чем она кончилась.

Я не заметила, как в комнату вошли трое мужчин, одетых в черное, и тихо, как тени, начали ставить на стол блюда и подносы с едой. На столе появились синие тарелки дельфтского фарфора, в которых Поул, как истинный аристократ, не мог себе отказать. Когда все было готово, старший из слуг, с седыми, падающими на плечи волосами, заглянул в зал совещания и объявил, что ужин подан и чтобы синьоры не засиживались слишком поздно. На дорогах даже здесь, между Орвьето и Баньореджо, до спокойствия далеко.

Была пятница, и я никак не ожидала увидеть на столе оленя, фаршированного каштанами, по крайней мере здесь. Рената угадала мои мысли.

— Маргарита, ты, наверное, думала, что на стол подадут рыбу и ужин будет постным? Однако олени с Монте-Руфео — самые вкусные в Италии. Мы не еретики и не святотатцы, мы просто уверены, что все эти предрассудки для искренней веры не имеют никакого значения. Благочестие — дело внутреннее, а нудное повторение церковных текстов в литургии — всего лишь дань верованиям, лишенным смысла. Какая разница Господу, что едят христиане по пятницам? Слепое соблюде-

ние бессмысленных ритуалов приводит к тому, что они начинают подменять собой веру, а мы этого не хотим. Каждый свободен перед Богом и волен выбирать, каким образом поклонять-ся Ему и почитать ближних Его, и для этого не нужны безрадостные обязательные обряды. Вы действительно считаете, что добрый христианин обязан платить церковные налоги и есть рыбу по пятницам?

Ответ мой получился неловким:

— Да, конечно, вы правы, но, зная ваш пыл… и жертвы, которые обычно сопровождают ми-стицизм…

— Мистицизм? У тебя создалось о нас такое впечатление? И по-твоему, мы похожи на Озанну Андреази, которую так мучает Христов огонь, что по ночам ей снится, будто она прикладывает губы к ранам на его ребрах и высасывает кровь? Или на монахиню из Мурано, сестру Кьяру, которая плачет годами и всем без конца в своем монасты-ре раздает советы, потому что ей якобы снится Мадонна с мертвым ребенком на руках? А может, ты полагаешь, что все женщины, приблизившись к вере, должны впадать в фанатический бред? Да полно, Маргарита, наша вера вскормлена усерд-ными исследованиями и тем, что мы принимаем

мир таким, каков он есть, а не таким, каким его делают бабьи выдумки. Ты что же, думаешь, можно изучать греческий, знать Гомера и в то же время заниматься магией? Мир магии нам чужд, мы стремимся к вере, которая освободит чувства женщин и выведет их из круга предрассудков.

Все это было верно: подобные концепции излагал мне в Венеции рыжебородый купец из Амстердама с кожей белой, как молоко, который после каждого объятия имел обыкновение пускаться в назидательные беседы, словно извиняясь за грубость манер в постели. Эти рассуждения не удивили меня в устах голландского великана, ибо он сразу же объявил себя сторонником Лютера. Но мне все труднее было понять, каким образом этот кружок намеревается отмежеваться от Лютера, если почти полностью разделяет его учение. Их веру плохо понимали люди, менее образованные и обеспеченные, чем они. Она словно была скроена по мерке тех, кто отдавал ее делу энергию, которой отнюдь не все располагали.

Ужин проходил, как проходит большинство застолий высокопоставленной знати. Говорили о только что напечатанных в Венеции стихах Виттории, о Микеланджело, о рисунках, которые он подарил кардиналу Мороне, о двусмысленном

положении дома Фарнезе в эти нелегкие времена. Никто, казалось, не уделял особого внимания ни мне, ни моим взаимоотношениям с папским внуком. Подразумевалось, что мое присутствие за этим столом свидетельствует о солидарности между ними и моим любовником. Они были уверены, что Виттория не ввела бы в их круг личность сомнительной преданности, хотя я и сама не понимала, каким образом она могла убедиться в моей лояльности и в том, что я разделяю их принципы. Женская интуиция, которой не нужны долгие объяснения, особенно теперь, когда я начала понимать, насколько глубока и опасна связь этих людей, говорила мне, что они поступили легкомысленно, введя меня в свое окружение, и это легкомыслие рано или поздно их погубит.

В беседе главенствовал Поул. Он обращался сразу ко всем и никогда — к кому-либо конкретно, хотя время от времени и ласкал собеседника приветливым взглядом, отчего тот сразу чувствовал себя как после чудесного исцеления. Неожиданно он обратился ко мне, словно я в первый раз попала в поле его зрения:

— Завтра в Орвьето приезжает Пьерлуиджи Фарнезе. Он задержится здесь на два дня. С ним будут придворные, которые сопровождают его

на церемонию вхождения во владение герцогством Пьяченцы. Он пребывает в беспокойстве: слишком многие кардиналы скорее умерли бы, чем поддержали в конклаве решение его отца об отчуждении от церкви владений Пармы и Пьяченцы, хотя им, как всегда, пришлось покориться. Ими двигало обычное в Италии убеждение, что поддержать более сильного гораздо выгоднее, чем отстаивать законы, даже самые непреложные. Однако скандал разгорелся нешуточный, и теперь император и клан Фарнезе делают все, чтобы его замять. Пьерлуиджи знает, что и мы, и вы находимся здесь, и хочет с нами встретиться.

Поул взглянул сначала на Витторию, потом на Элеонору, с лиц которых на миг исчезло восторженное выражение.

— Отказаться от этой встречи мы не можем: хотя предмет ее достаточно отвратителен, однако речь идет о сыне Папы, а мы как раз очень надеемся на нейтральную и толерантную позицию Папы в отношении нас. Если не сам он проследит за Карафой, то это сделает его внук Алессандро.

Поул избегал смотреть в мою сторону.

— Инквизиция, несомненно, создаст нам гораздо больше проблем, чем создавала до сих пор.

Он замолчал, поглаживая бороду руками и раз-

делив ее посередине. Вдруг темная тень набежала на его лицо, и только глаза блеснули маленькими огоньками.

— Можно предположить, что Алессандро поддержит нас по политическим мотивам. В Италии мы представляем имперскую партию, и нельзя далее идти наперекор императору, в интересах которого, и вы знаете это лучше меня, реформировать церковь и по возможности объединиться с северными государствами. Во всех случаях необходимо оказать почести Пьерлуиджи и обязательно нанести ему визит в его резиденции. Я бы рекомендовал вести себя с ним максимально уважительно…

В этот момент со стороны Мороне и Приули донесся не то стон, не то гневное рычание. Они ненавидели Фарнезе, а Пьерлуиджи в особенности.

— Я бы рекомендовал вести себя с ним максимально уважительно, — повторил Поул, не повышая голоса, — ибо будущее христианства гораздо важнее, чем злодеяния Папы и его семейства, а также чем гордость каждого из нас. Вспомните, как мы с дражайшим Мороне согласились в конклаве проголосовать за передачу власти в Парме сыну Папы, чтобы сохранить

его поддержку. Поверьте, это был один из самых трудных моментов в моей жизни.

Мороне качал головой, не имея мужества поднять глаза. Приветливая улыбка на его лице сменилась гримасой отвращения, а грецкий орех, который он вертел в пальцах, с хрустом раскололся.

— Если бы это хоть чему-то помогло… — прошептал он, и на большом пальце у него выступила капля крови.

Поул снова спокойно заговорил, резюмируя, как всем должно держаться на следующий день:

— Этой удачей Пьерлуиджи должен быть обязан своему брату Алессандро и отцу, который, несмотря ни на что, души в нем не чает. Поэтому давайте воздадим ему почести и поздравим его, для нашего же блага.

Теперь я понимала, почему мне оказали такое гостеприимство. Через меня они умасливали кардинала Алессандро.

На десерт подали инжир, и никто не отпустил ни одной шутки по поводу его контура. Еще до полуночи мы разошлись по спальням и улеглись в постели, благодаря усилиям монахинь Сан Паоло благоухавшие розами.

X
ЗОЛОТАЯ ГОРА
(ИЗ ЗАПИСОК МАРГАРИТЫ)

На следующий день порывистый северный ветер разметал клочья тумана, еще оставшиеся на лесистых холмах. Все засверкало золотом под открывшимися окошками синего неба: пожелтевшие каштаны в долине под скалой, скальный туф, такой же золотистый, как и тот, из которого были построены дома, крыши, покрытые желтым, выгоревшим в летнюю сушь лишайником. Во дворе я только теперь заметила остролист, покрытый красными ягодами. Птицы безуспешно пытались их клевать и тут же напарывались на колючки, скрытые в листве.

Я не пошла к мессе, которую мои подруги отстояли вместе с монахинями, чтобы не возбудить их подозрений. Притворялись они мастерски, сам Никодим бы лучше не придумал: превозносили предрассудок днем и всеми силами боролись с ним по ночам. Сад оказался в моем распоряжении, и весь маленький город, казалось, тоже был мой. Он втиснулся под защиту огромной, позоло-

ченной осенью скалы, которая тысячью мелких ущелий спускалась в долину.

Первой мне навстречу попалась Рената, согнувшаяся под тяжестью невеселых дум о вчерашнем собрании. Маленький рот хранил озабоченное выражение, но ясные детские глаза от близости к небу стали еще прозрачнее. Я не понимала, как они там, в Ферраре, могли считать ее уродиной, как могли не заметить чистоты и силы, которые покоряли в ней с первого взгляда.

Сильный, почти мужской подбородок, высокий рост и узкие бедра создавали идеальную модель двойственной натуры ангела. Больше ничего мужского в ней не было, разве что необычайная скрытая энергия, которая ощущалась, когда она находилась поблизости. Ее можно было бы сравнить с исходящей от мужчин энергией мускулов, но сила Ренаты была другой природы, духовной, и струилась, как прозрачный горный источник. Нынче утром на ней был бархатный корсаж цвета сливы и переливающаяся желто-оранжевая блузка. Широкая бархатная юбка явно стесняла пружинистый шаг юного охотника, которым двигалась Рената.

Увидев меня, она улыбнулась ясной, как погожее утро, улыбкой. Чуть приподняв юбку,

чтобы перешагнуть через обломанные ночной непогодой ветки смоковницы, она двинулась мне навстречу с распростертыми объятиями, словно мы не виделись целый год. Рената вносила в кружок энергию живой природы, которая уравновешивала мрачноватый ночной экстаз Виттории. Если бы ее волосы освободить от дурацкой золоченой сетки, а длинную шею — от подобного ошейнику модного воротника, она стала бы похожа на богиню Диану.

Мы уселись на скамью.

— Маргарита, какая ты сегодня красивая в золотом отсвете скалы! Никогда не думала, что камень осенью может сверкать таким золотом. Подумать только, ведь мы, как эти монахини, которые здесь оказались от нужды или от страха, заперты в темнице и не можем позволить себе даже прогулку. А я бы с радостью добралась вон до того аббатства, видишь, с башней, похожей на голубятню? Говорят, тамошние монахи готовят из мускуса восхитительные духи и чудодейственные кремы. Ой, посмотрите, как засеребрились оливы после сбора урожая! А мы должны идти к этому гнусному Пьерлуиджи с его проклятым двором… И отказаться нельзя. Поул прав: стечение обстоятельств велит оказывать честь Фарнезе. Но

есть еще кое-что…

Рената оглянулась вокруг, чтобы убедиться, что в саду никого нет, и придвинулась поближе, понизив голос, словно из расселины, в которую обрывалась стена, нас кто-то мог подслушать.

— Все упорно говорят о готовящемся браке между сыном Элеоноры Гвидобальдо и младшей дочерью Пьерлуиджи Витторией Фарнезе. Этому союзу никто не рад. Ни Элеонора, ни ее брат кардинал, который правит герцогством Мантуанским с тех пор, как умер их третий брат, несчастный Федерико.

Она замолчала, ища в моих глазах искру интереса, но не нашла и быстро заговорила снова:

— Ты, наверное, слышала разговоры о Федерико Гонзаге и его скандальной любви к Саламандре, как велела себя называть его содержанка.

Охнув от собственной откровенности, Рената прикрыла рот рукой и продолжала, глядя мне прямо в глаза:

— Не пойми меня превратно, ты же знаешь, я считаю, что куртизанка достойна большего уважения, чем покорная и алчная супруга, но Саламандра так отчаянно водила его за нос, что бедный Федерико стал притчей во языцех во всей Италии. Его брат кардинал Эрколе — совсем

другой, он умен и осторожен, он ловкий политик, вдохновленный искренней верой, трудно найти такого среди правителей.

Итак, она намекала на принадлежность Эрколе к секте, но я это знала и раньше, еще до отъезда в Рим.

— Кардинал Гонзага против этого брака, его отношения с Фарнезе всегда были нелегкими; десять лет назад он даже вынужден был уехать из Рима из-за противоречий с Павлом Третьим. Он полагает, что после смерти старика клану Фарнезе придется выдержать серьезные сражения, чтобы удержать то, что они награбили за десять лет понтификата Павла.

Рената старалась сидеть прямо, не ежась в утреннем холодке, и, презрев светский этикет, размахивала руками, словно разговаривала с глухой.

— Но Гвидобальдо, мерзкий тип, заносчивый и тщеславный, идет напролом. Папа пообещал ему огромное приданое, и переговоры продолжаются. Элеонора ничего не может поделать, и ей приходится относиться к Пьерлуиджи как к отцу своей будущей невестки. Ясно, что множество мелких владений, на которые разделена Италия, постоянно провоцируют круговерть союзов, не всегда

приятных и не всегда законных. Во Франции проще, там есть один арбитр, король, который дает личное разрешение на браки между различными кланами, учитывая все интересы, связанные с браком. В Италии же брачные переговоры проходят очень мучительно.

Рената замолчала и склонила голову, улыбнувшись мне. Наверное, вид у меня был рассеянный, потому что чудесная погода мешала сосредоточиться на нудных проблемах династических браков между семьями итальянских герцогов.

— Наверное, ты считаешь меня сумасшедшей, но, к сожалению, законы именно таковы, и мы, женщины, — не более чем товар, идущий на обмен. Не знаю, чья жизнь тяжелее: наша, с ее ежедневной борьбой за то, чтобы наши жизни не разбивали в угоду государственным интересам, или твоя, с борьбой за возможность быть хозяйкой своей жизни. Конечно, ты унижаешь себя, отдаваясь мужчинам за деньги, но разница тут небольшая. Она состоит в том, что ты сама назначаешь себе цену, а нам ее назначают другие. И если ты думаешь, что сыновья способствуют укреплению нашего шаткого положения, ты ошибаешься. У меня есть сын, первенец, которого я вырастила с огромной любовью, и он уже меня

предал. Думаю, когда он сможет занять место отца, мне придется покинуть двор. У нас на все разные взгляды, и он считает меня досадной помехой в управлении государством. Вот тебе и результат.

Я смотрела на нее и старалась понять, до каких пределов простирается ее искренность и вправду ли она думает, что вступить в отношения с мужчиной за деньги и блага всегда связано с унижением. Сможет ли она понять, как опьяняет женщину способность подчинить себе желания мужчины и тем самым получить над ним полную власть? Какой это восторг — с головой бросаться в наслаждение, такое же переменчивое, как и характеры мужчин, выбравших ее? Оно разное, как их глаза, цвет кожи, как их тело, мускулистое или полное, но одинаково способное на нежность. Мощь и сила молодых, мудрость и опыт зрелых — это всегда чему-нибудь учит и лучше всего передается в момент наслаждения. Наверное, это область, от которой мои подруги вынуждены отказаться, чтобы сосредоточиться на борьбе за право слова и право на мысли при тех дворах, которые хотят, чтобы они были послушны и бессловесны. Я интуитивно понимала, что мы с Ренатой подспудно ищем общую территорию, где

можно было бы утвердить наше присутствие.

Я ощущала, как движутся внутри каждой из нас потоки глубинных сил в поисках точки пересечения, которая могла бы придать смысл и моей, и ее жизни. Но я ограничилась тем, что отдалась приятному чувству, которое окутывало меня в присутствии Ренаты, и не стала пускаться в объяснения в ответ на ее вопросы.

— Не знаю, Рената, сравнимы ли наши положения. Я незнакома с вашей жизнью, и, судя по тому, что вы говорите, вы так же мало знаете о моей. Я выбрала такую жизнь потому, что не представляла для себя другой. Понятие свободы в приложении к женщине весьма относительно. Трудно сказать, в чем состоит наша с вами свобода. Я подвешена в пустоте, открыта любой мести, и никакая семья не держит меня в заложницах, не разменивает и не защищает. Гарантом мне служат только собственные способности, и перед лицом искушения мне не следует об этом забывать. Мне часто случалось по воле инстинкта излишне полагаться на людей, которые того не стоили. Но со временем я поняла, что жить можно и так и что такая жизнь не лучше и не хуже любой другой. У меня нет никого, кто мог бы распоряжаться моей жизнью: ни отца, ни мужа, ни

сына. Я отошла от религии, чтобы, не обижайтесь, не оказаться в руках духовных наставников. У меня ведь тоже имелись наставники, и без них я никогда не появилась бы на горизонте свободной мысли. Они учили меня служить собственному сознанию, как ваши учат вас подчиняться вере в Христа и тем, кто ее толкует. И я не знаю, кто из нас рискует больше.

Северный ветер задул сильнее, улыбка Ренаты погрустнела, и она зябко обхватила себя руками. Она вряд ли поняла и разделила мои мысли, но была счастлива просто оттого, что пообщалась со мной. Она опустила голову и взяла меня под руку.

— Пойдем, сегодня надо заниматься брачными делами и помочь Элеоноре пройти через это испытание. Из Виттории помощница не получится, потому что ее племянник Асканио — тоже один из претендентов на руку бедняжки, которая имела несчастье родиться в семье Фарнезе и, как все, несет на себе семейное проклятие.

Рената обернулась к башне аббатства, видневшейся напротив, и окинула взглядом напитанные влагой холмы с пожелтевшими виноградниками. Серые облака на небе таяли, приближаясь к солнцу. Рената покорно отказалась от очередного

желания, долг велел ей идти во дворец к мерзкому чудовищу.

Не успели мы подняться с каменной скамьи, как увидели Элеонору. Она легким шагом вошла в сад, словно ее, как листок, внесло ветром. Лицо ее покраснело от холода, она улыбалась, и ей явно не терпелось что-то нам сказать.

— Хорошая новость! Сегодня в Орвьето приезжает дон Диего. Он возвращается в Германию, чтобы передать императору деньги, выбитые у Папы на оплату жалованья войску, нанятому для борьбы с еретиками из лиги Шмалькальдена.

Рената повеселела и снова уселась на скамью.

— Тем лучше! По крайней мере, нам не придется одним терпеть тошнотворное присутствие Пьерлуиджи и Орсы. А Джулия получит единственного ухажера, которого она выносит, и у нее поднимется настроение.

— Если только ему удастся прибыть вовремя, чтобы успеть сбрить бороду, как положено по этикету. Он может не явиться к обеду, если не успеет привести бороду в порядок. Уж не знаю, удастся ли нам приспособить свое гостеприимство к его привычкам в такой дыре, как Орвьето, и за такой короткий срок. Но во всяком случае Джулия без компании не останется. Легким конным отрядом,

который сопровождает посла, командует ее кузен Федерико Гонзага.

Элеонора многозначительно посмотрела на Ренату и подмигнула.

— Федерико? Красавец Федерико! Ну тогда будет настоящий праздник, несмотря на Фарнезе.

— Если только ему не надоест присутствие старшего соперника.

Я следила за разговором, стараясь не показать, какую скуку навевают на меня эти игры престарелых девиц.

Приняв мое молчание за сдержанное участие, они с новой прытью пустились в свои любовные фантазии. Рената так разгорячилась, что ее грива высвободилась из золотой сетки.

— Если бы мне выпало выбирать, я бы не сомневалась. Дон Диего хорош и элегантен, но Федерико! К ногам Джулии положены двадцать лет юности и мужества, да к тому же внешность архангела Гавриила. Чего еще можно желать в жизни?

— Например, чтобы тебя оставили в покое. Или ты считаешь, что этого мало, Рената?

Джулия вошла в сад за Элеонорой и слышала почти весь разговор. Она протестовала жестко, но не переходила границ вежливости. Рената

посмотрела на нее с состраданием и пожала плечами:

— Ты сама не знаешь, что теряешь.

— Чем тратить попусту время в поисках мужа для меня, не лучше ли отправиться в собор? Ты, Маргарита, его ни разу не видела, и ты, Рената, тоже. Пойдемте, никогда не лишне узнать что-то новое, а Микеланджело говорит, что без «Воскресения», написанного Лукой Синьорелли для капеллы Сан Брицио, не было бы его «Страшного суда». Элеонора, ты ведь хотела пообщаться наедине с Витторией? Тогда мы пошли, а у вас будет достаточно времени.

Джулия повернулась и направилась к двери в дворике, ведущей в монастырь, не дожидаясь нашего ответа: она была уверена, что мы следуем за ней.

Туман, выползший из расщелин вокруг скалы, собрался в верхней части города, проникнув во все щели между домами. Площади, огороды и переулки волшебным образом исчезли. Только улицы были свободнее от тумана, и темный туф выступал из него на уровне нижних окон. Три женщины, шедшие рядом в черных плащах, двинулись по лабиринту домов, переулков и лестниц, теснившемуся вокруг собора. Резкие

тени арок из туфа еще более грозно выглядывали из тумана.

Вскоре им пришлось разделиться и идти гуськом, чтобы не цепляться плащами за светлые от мха стены. После короткого спуска они поняли, что находятся на соборной площади, которую целиком, насколько позволял видеть туман, перегораживал фасад здания.

В нескольких шагах от переулка шесть ступеней из красного мрамора поднимались от темного края площади к огромной каменной горе собора.

Витые колонны, испещренные золотой и синей мозаикой, были окружены четырьмя широкими пилястрами с высеченными на них сценами из Библии. Кульминацию представляла сцена Страшного суда на пилястре, обращенной к долине, где жмутся друг к другу спасенные и обреченные, с геометрическим совершенством оттененные фигурой Христа, которого херувимы вознесли на вершину славы. Первые полны надежды, вторых судорогой свел ужас, их мучают дьяволы, и змеи рвут их тела, с жестокой правдой изваянные скульптором. Внизу их ожидает стена огня, изображенная сразу над мраморным карнизом с золотой мозаикой, сверкающей даже

в тусклом свете утра. Туман над порталами так сгустился, что фигуры святых и пророков, населяющие огромный фасад, стали невидимы.

— Можно подумать, что ступени ведут в бесконечность, — с досадой сказала Рената.

— Не огорчайся, Рената, вот увидишь, туман рассеется, и мы рассмотрим весь фасад.

Джулия приподняла черную вуаль, чтобы различить тень собора в молочной дымке.

— Может, туман и рассеется, но золотые мозаики и синие витражи нельзя будет в полной мере оценить без солнечного света. Виттория говорила, что фасад собора в Орвьето ближе всего подходит под описание врат рая, а теперь, когда я его увидела, я едва могу различить его контуры.

На эти слова Маргарита улыбнулась:

— Нет другого рая на земле, кроме собора Сан Марко в Венеции. Там даже в туманные дни под широкими, как опрокинутые корабли, порталами, сверкают мозаики и мрамор.

Рената огляделась по сторонам.

— Но какова вера жителей Орвьето! В таком маленьком городе такой огромный собор. Ради него они пожертвовали единственным пригодным для строительства местом на скале из туфа.

— Не стройте иллюзий, Рената, строительство

начали этруски или греки, у которых здесь была колония. Это они построили акрополь.

Преподав урок древней истории, Маргарита уязвила герцогиню.

— Однако христиане его укрупнили, я уверена, такой огромный храм до христиан был просто немыслим.

— Ну да, ты права, это заслуга христиан.

Джулия улыбнулась Маргарите, и та, ободренная поддержкой, возобновила атаку на герцогиню:

— Глядите-ка, они так ревностно относятся к своей вере, что охраняют храм с оружием в руках.

— Где? Ах, эти, с аркебузами? Странно, в Орвьето не должно быть вооруженных людей. Скала так надежна, что Пьерлуиджи велел закрыть все остальные ворота и оставил только ворота Сферракавалло, где поставил десять стражников. Так он чувствует себя увереннее после того, что произошло в Риме.

— И тем не менее это люди Пьерлуиджи. Давайте пойдем другой дорогой.

Джулия резко свернула вправо, направляясь к поперечному нефу, чтобы не встретиться со стражниками. Но те уже шли навстречу женщи-

нам и быстро оказались рядом.

— Добрый день, синьоры.

Граф ди Спелло выпрямил склоненную в поклоне спину, откинув назад сальные волосы, задрал кверху подбородок и начал сверлить глазами Джулию.

— Я долго ждал этого момента, графиня. Мне стало известно, что вы направитесь в собор. Такие набожные женщины, как вы…

И он иронически взглянул на Маргариту. Рената выступила вперед, чтобы закрыть собой Джулию, и подняла голову, как орлица, готовая выклевать волку глаза. Джулия остановила ее, придержав за руку.

— Напрасно ждали, синьор, у нас нет желания разговаривать с вами ни сейчас, ни вообще когда-нибудь.

Ди Спелло преградил ей дорогу, протянув руку и почти касаясь Ренаты. Правой рукой он завел за ухо прядь волос, повторяя любимый жест Джулии и давая понять, что он многое о ней знает и следит за ней. При виде этого жеста Маргарита похолодела от ужаса: она достаточно хорошо знала и этого человека, и своих подруг, чтобы не понять серьезности угрозы.

— Напрасно вы не желаете говорить со мной,

Джулия, я мог бы рассказать вам много интересного о вас и о ваших друзьях обоего пола. И не только вам, а и кому-нибудь другому, если вы будете так упорно отвергать мое общество. Конечно, я не в вашем вкусе, а может, потому, что я не кардинал? Не английский кардинал?

Тут уже даже силач не смог бы удержать Ренату: она бросилась на графа, который был ниже ее на голову. Волосы ее зашевелились, как змеи, и, словно повинуясь невидимой команде, выпростались из-под чепца и рассыпались по плечам.

— Скройтесь немедленно с глаз моих, развратное ничтожество! Не будь я Ренатой Французской, люди моего мужа найдут вас, где бы вы ни были. И уж тогда никакое герцогство и никакое папство не спрячут вас. Подонок!

Граф улыбнулся этим угрозам, как комплименту. Глаза заблестели от счастья, что ему удалось спровоцировать такую бурную реакцию у дам, к которым никто не смел даже приближаться.

Услышав угрозу Ренаты, его люди на шаг отступили, но он не шелохнулся, только инстинктивно поднес руку к эфесу шпаги, словно перед ним оказались разбойники.

С улицы, ведущей от башни Маурицио, где несколько крестьян с любопытством наблюдали

за сценой, раздался цокот копыт. Граф быстро взглянул в ту сторону, потом снова на Джулию, осклабился и преувеличенно медленно поклонился:

— Итак, до вечера.

— Попробуйте только еще хоть раз к нам приблизиться, и я разорву вас своими руками, — прорычала ему вслед Рената, которая никак не могла справиться с гневом и до боли в пальцах стискивала кулаки.

— Вот до чего мы дошли. Самый презренный в Италии человек стал герцогом, а его мерзкие слуги позволяют себе нападать на нас с неслыханной наглостью.

— Они не потому на нас напали, Рената, не власть Пьерлуиджи подпитывает эти вылазки. Это Карафа и шпионы инквизиции. Настают дурные времена, но долго так продолжаться не будет.

Джулия говорила из-под черной вуали, которую снова набросила на лицо.

Поравнявшись с порталом, где стояли дамы, всадники резко осадили коней. Их было семеро, и командовал ими юноша в черных сверкающих доспехах и шлеме, из-под которого выбивались светлые волосы.

Юноша спешился и отдал шлем одному из всадников. Молодое разгоряченное лицо выглядело еще соблазнительнее с завитками белокурых волос на вспотевшем лбу. Легким шагом, словно на нем были не латы, а бархатный костюм, он подошел к Джулии и упал перед ней на колени, звякнув доспехом о базальтовую мостовую.

— Кузина! Это просто сон. Как только я узнал, что вы в Орвьето, я помчался что было сил и чуть не загнал коня.

— Да ты и сам не производишь впечатления отдохнувшего, — рассмеялась Джулия, помогая ему подняться.

— Ты права. Прости… я не должен был появляться в таком виде, но увидел тебя и не удержался. Здравствуйте, Рената, рад вас видеть.

Говоря, он смотрел на Маргариту, которую, по правде сказать, увидел раньше, чем Джулию, и из-за нее и впал в такую лихорадочную спешку. Джулия сразу это заметила, и ее возмутил взгляд, которым он обменялся с Маргаритой. Джулия многозначительно кивнула Ренате.

— А кто эти люди, что уходили с площади, когда я подъехал?

— Граф ди Спелло, — сипло сказала Рената, не в силах сдержать отвращение от самого звука

этого имени.

Такой ответ, казалось, удивил Федерико.

— Граф ди Спелло был с вами?

— Нет, — коротко отрезала Джулия, предваряя Ренату. — Мы случайно встретили его на площади, когда входили в собор. У нас мало времени, увидимся позже у герцога. Тебе надо прийти в себя.

— Да, к сожалению, мне надо кое-что предпринять, чтобы обрести приличный вид. Очень жаль, я за вами двинулся бы хоть ползком, но положение обязывает…

Он повернулся к Маргарите, которая молча улыбалась.

— Это Маргарита, наша добрая знакомая. Она еще несколько дней составит нам компанию, и вы ближе познакомитесь сегодня на праздничном вечере.

Снова поклонившись, Федерико Гонзага вернулся к своим людям и отъехал. Цокот копыт постепенно затих. Три женщины наконец подошли ко входу в собор среди леса каменных колонн, уходящих в небо.

Когда они оказались внутри, Маргарита, побледнев, остановилась.

— Ничего подобного я и представить себе не

могла.

— Ты никогда не видела такой большой церкви?

— Снаружи все скрыто туманом, и я не готова к такому громадному пространству внутри.

Им пришлось сесть, чтобы прийти в себя после треволнений прошедших минут. Рената все никак не могла забыть недавнее нападение, Маргарита растерялась, оказавшись в огромном соборе, своды которого, казалось, уходили в облака.

— После того, что произошло сегодня, будет еще труднее противостоять Пьерлуиджи. И если как следует подумать, сомневаюсь, что дон Диего сможет нас поддержать. Всего четыре дня тому назад он ушел с крестин, а теперь вдруг принимает приглашение? Странно…

Капелла Сан Брицио с фресками Синьорелли находилась прямо напротив них в глубине церкви. Из больших окон, чередовавшихся с фресками, струился свет. Дамы без особого энтузиазма добрели до поперечного нефа. Вдруг безжалостный луч солнца, выглянувшего из тумана как раз на уровне окон, высветил груду человеческих тел, мучимых дьяволами. Трое женщин остались в огромной пустой церкви один на один с нари-

сованными фигурами грешников.

— Кажется, слышны их голоса. Они отчаянно молят о пощаде. Нет, я не выдержу, я подожду вас на улице.

Против обыкновения, Джулия дрожала, потрясенная фресками.

— Подожди, я с тобой. Мне тоже не по себе перед лицом таких страданий. Страшное дело: выстроить церковь, чтобы сломить волю людей.

И Рената пошла к выходу вслед за Джулией, не обращая внимания на Маргариту.

— Я догоню вас у монастыря, мне хочется получше разглядеть фрески и скульптуры.

Для Маргариты они ничем не отличались от Дианы Эфесской, только формой и цветом. Она так и не пришла к мысли, что на свете может быть еще какой-то ад, кроме земного.

От монастыря Сан Паоло до епископского дворца, где остановился Пьерлуиджи, было всего несколько сотен метров, но Виттория решила, что они должны ехать в карете, чтобы придать солидности своему появлению. Дворец с зубчатыми стенами и высокими стрельчатыми арками из желтого туфа был, по существу, продолжением апсиды собора. Резчики по камню затейливо украсили его переплетением растительных и гео-

метрических узоров. Джулия помогла Виттории выйти из кареты, за ними вышли Рената, Элеонора и Маргарита. Цвета их нарядов говорили о том, что они собрались на светскую церемонию. Элеонора была в зеленом платье, затканном золотой нитью, Джулия — в переливчато-розовом с черной вышивкой и витым золотым поясом. Виттория и здесь предпочла черное, отделанное по шее и рукавам белым кружевом. Но платье было не простое. По черному шелку, как бы выступая из глубины, шел рисунок из бархата, который был чуть светлее по тону, и от этого платье отливало металлическим блеском.

— Ты носишь это платье с такой величавой элегантностью, что ни одна женщина, даже разодетая в золото, не сможет с тобой сравниться, — сказала ей Джулия, помогая выйти из кареты.

Эта величавая элегантность украшала тело, исхудавшее от молитвы, и огромные лучистые глаза, окруженные морщинами, которые день ото дня становились все глубже.

По лестнице из туфа, с аркадами по сторонам, они поднялись в зал, обставленный с претензией на изящество. У вошедшего создавалось впечатление, что окна вделаны в полосатые стены собора,

который находился в нескольких шагах. Супруга Пьерлуиджи казалась довольной визитом и разоделась с такой роскошью и с таким количеством украшений, что трудно было представить себе, какой же длины должен оказаться караван, что привез ее багаж. Королевское достоинство Виттории и Ренаты позволяло им по-домашнему ее приветствовать, и они изобразили на лицах сердечность. Это, против ожидания, смутило жену Пьерлуиджи, и она, чтобы быть на высоте положения, любезно приняла даже Маргариту, на которую попал отблеск светского превосходства. А может, она просто была ей признательна за то, с какой сдержанностью та выстраивала отношения с ее сыном.

Когда все женщины собрались в зале на вершине лестницы, вошел Пьерлуиджи. Он еще больше почернел, еще больше стал нетверд в ногах и сделался похож на огромное насекомое, с трудом держащее равновесие на задних лапках. С обычной развязностью он начал испрашивать у Виттории советов относительно праздничного обеда, который он собирался дать для знати города Пармы. Ясно, что он не ждал от них восторгов по поводу своего назначения. Он намекал на легенды, ходившие об обеде, данном Витторией

в римском дворце Колонна, в честь визита Карла V несколько лет назад. Император славился своей ненасытностью как за столом, так и в постели и был способен обладать десятком женщин за ночь. Это привело к тому, что он соблазнил собственную дочь, прижитую с какой-то андалузской крестьянкой. В Риме, богатом куртизанками и знатными дамами, готовыми ублажить властителя, в задачи Виттории не входило об этом заботиться. Но следовало как следует накормить императора. Человек, который на завтрак съедал целого каплуна, запеченного в молоке, а потом весь день занимался поисками еды, представлял собой как гость изрядную проблему. А если еще учесть, что из-за врожденного дефекта нижней челюсти у него не закрывался рот и он не мог как следует ни прожевать еду, ни почувствовать ее вкус, то бедные повара сбивались с ног, изобретая для него кушанья поплотнее и поострее. Оказавшись перед такими сложностями, Виттория создала шедевр гастрономической политики. Она выписала из своих владений в Калабрии всевозможные острые специи, и в первую очередь зеленый сладкий перец, который обычно тушат в молоке, а она велела нафаршировать его маринованной дичью, каперсами и высушенными

на солнце оливками. Путь к сердцу императора лежал через его желудок, и теперь Карл вечно будет испытывать благодарность к Виттории и способствовать ее победам гораздо больше, чем успеху ее мужа, который взял в плен французского короля и сдал его императору у стен Павии.

Как только Рената поняла, что Пьерлуиджи собирается использовать Витторию в качестве советника шеф-повара, она тихо подошла к ней, пользуясь полумраком в зале со стрельчатыми сводами.

— Отчего ты ему не скажешь, что единственной приятной на вкус едой для знати Пармы и Пьяченцы будет он сам и его драгоценный папаша?

Виттория опустила веки, кивнув головой, словно ей доверили важную дипломатическую тайну, и начала выкладывать рецепты и советы по хозяйству, как какая-нибудь трактирщица из Эмилии-Романьи. Пьерлуиджи был доволен, а подруги не сводили глаз с Виттории, восхищенные ее театральным талантом и библейским терпением.

Жена Пьерлуиджи, Джиролама Орсини, еще более извращенная, чем он, постоянная соучастница всех его пакостей, обратилась к Маргарите, возлюбленной сына, явно собираясь напомнить

ей о ее долге и месте. Видимо, таким образом она испытывала на прочность статус мужа как правителя.

— Маргарита, ты имела заметный успех в Риме, все очарованы твоей красотой и скромностью. Тициана хвалили за отличную модель, а нас за уважение, которое мы оказали художнику, принимая тебя в нашем дворце.

Она не удержалась и бросила взгляд на Витторию и Элеонору, как бы ища сочувствия.

— Этим сытым воловьим взглядом она надеется оградить нашу жизнь от твоей: ведь мы женщины уважаемые, а ты вроде бы обречена с первыми морщинами погрязнуть в жалкой нищете. Она не может понять нашей дружбы и прощупывает почву.

Элеонора прошептала все это на ухо Маргарите неосторожно громко, а может, и стремилась к тому, чтобы реплика достигла ушей Орсы.

Опустив глаза, Маргарита избегала встречаться взглядом с Орсой. Она опять надела красное платье, и с ней снова была ее ужасающая, обтрепанная сумка, против которой так возражала Джулия. Не переставая, Маргарита теребила сумку руками.

Виттория, истолковавшая фразу Орсы точно

так же, как Элеонора, по-королевски возмутилась подлым призывом к солидарности. Рената покраснела от стыда, почувствовав, что ее публично приблизили к клоаке, из-за того что замахнулись на Маргариту. Девушку она считала близкой себе, хотя они и принадлежали к разным мирам и их жизненный опыт резко различался.

— Теперь, когда ты последуешь за моим сыном кардиналом в Парму, твоя скромность подвергнется еще более серьезным испытаниям. Парма — город маленький, и там редко встретишь такую красавицу, как ты. Но должна тебя предупредить: ты же знаешь нравы маленьких городов, где нет светских привычек и приличия нарушаются с легкостью. Алессандро молод, красив и горяч, и, конечно же, самые видные городские красавицы будут претендовать на его внимание, пока он в Парме.

Орса говорила, отчеканивая каждое слово, чтобы остаться в уверенности, что ее поняли, и на этот раз выразительно взглянула на мужа, от которого требовалось признание ценности ее вклада в управление новым герцогством.

— Одним словом, Алессандро должен иметь свободу, в Парме, слишком крепкие узы могут только повредить ему и нанести ущерб нам. А

наш долг — подчинить себе новых подданных государства, которое провидению было угодно даровать нам, дабы испытать нашу верность церкви и достоинства нашего правления.

Рената с трудом подавила тошноту. Новоиспеченная герцогиня Пьяченцы проверяла, каков эффект от ее первой речи в качестве правительницы, и, кажется, оказалась куда решительнее, чем муж, настроена ломать комедию и настаивать на трансформации обычного грабежа в божественное провидение.

К изумлению подруг, Маргарита вдруг растеряла всю свою обычную гордость. Ее, казалось, не тронуло оскорбительное предостережение. Она признательно улыбнулась новой герцогине Пармы и закивала головой, но Виттория не выдержала: уступить наглости каких-то Орсини, семейства, которое распродало последние остатки аристократического достоинства жадным нуворишам, — это было уже слишком. Виттория резко встала с обитого тканью кресла, где сидела, стараясь не утонуть в его мягкой глубине, подошла к Маргарите и предложила ей правую руку. Тем самым она дала понять всем, и прежде всего супруге Пьерлуиджи, что с этой минуты девушка под ее защитой и любой удар, нацеленный на

Маргариту, пройдет сквозь ее тело. Стоя перед Орсой и не отходя от девушки, словно намеревалась ее еще раз представить, Виттория заговорила, глядя мимо своей визави:

— Герцогиня, Маргарита сама решит, как ей себя вести в Парме. Мы достаточно хорошо ее знаем и смогли оценить ее деликатность. Мы полагаем, что этой чертой характера она намного превосходит многих знатных дам даже самого старинного происхождения, ослепленных амбициями. Нам всем известно, сколько бед этот недуг принес человечеству.

Чете новоиспеченных герцогов Пармы и Пьяченцы ничего не оставалось, кроме как отступить.

— Вы как всегда правы, Виттория, — сказал Пьерлуиджи. — Хватит этих нудных разговоров. Стол уже накрыт. В это время в Орвьето выкапывают первые трюфели, да и сыр в этом году на редкость хорош. Их преосвященства кардиналы Поул и Мороне уже поднимаются по лестнице. Музыканты, которых я похитил у Папы, будут счастливы сопровождать наш обед. Позже к нам присоединятся дворяне из Орвьето, которые пользуются случаем засвидетельствовать вам почтение. Нынче мы не уляжемся спать раньше

полуночи, ибо в Орвьето такие праздники проходят нечасто.

От удовольствия принимать у себя в новом качестве герцога сливки итальянской знати Пьерлуиджи даже попробовал казаться любезным.

Пока все переходили в соседний зал, Рената и Джулия подошли к Виттории, которая не выпускала руку Маргариты. Они едва сдерживались.

— Ты просто чудо, Виттория, вот увидишь, они даже понятия не имеют, что такое королевское достоинство.

Джулия в тревоге огляделась вокруг.

— Ты ищешь дона Диего или Федерико?

Подмигнув подруге, Рената попыталась настроиться на веселую атмосферу праздника.

— Я ищу графа ди Спелло, я видела его с Пьерлуиджи, а потом он куда-то исчез.

— Наверное, вернулся в сточную канаву, из которой вылез.

Хорошее настроение Ренаты сразу улетучилось.

— Не надейся… вон он! Он встречал новых гостей.

— Ты видела кого?

— Нет.

— Дона Диего и твоего кузена Федерико. Сожалею, но твой несгибаемый друг уступил дипломатическим условностям.

— Он хоть привел бороду в порядок?

— Да, по-моему, он в прекрасной форме.

— Ладно, нам же лучше.

Стрельчатые окна зала, в который вошли женщины, были разделены небольшими колоннами и ажурными арками, что придавало ему мрачноватый вид, как раз под стать паре, которая принимала там гостей.

— По счастью, этот камин может обогреть весь Орвьето.

Джулия решительно направилась к огню, который даже на расстоянии двух метров обжигал лицо. Ее тут же догнал дон Диего, склонившись в изящном и страстном поклоне.

Она холодно ответила на приветствие:

— Дон Диего, я помню вашу твердость в палаццо Мадама и никак не думала, что стану свидетелем вашей капитуляции перед Пьерлуиджи в Орвьето.

Не подавая виду, что обиделся, дон Диего пристально взглянул на Джулию своими бархатными глазами и мягко сказал, поглаживая чисто выбритые щеки:

— Кем бы я был, если бы бросил вас одних в пещере чудовища?

Ослепительная улыбка, с которой он к ней обратился, заставила Джулию вспыхнуть:

— Вы правы, я по глупости не подумала об этом, добро пожаловать, рада вас видеть.

Она подала ему руку, и они двинулись к столу, где уже начали рассаживаться приглашенные.

Пока они пересекали зал, Джулия поискала глазами подруг и увидела, что Рената о чем-то оживленно беседует с Федерико.

— Рената, как я рад снова вас видеть! В прошлогодний карнавал вы устроили чудесный праздник. Надеюсь, что в этом году снова приеду к вам с дядюшкой. У вас в Ферраре ничуть не сожалеешь о римском дворе.

— И уж точно не будете сожалеть о дворе Орвьето.

Федерико был еще слишком молод, чтобы воспринять женскую проницательность. Он удивленно открыл глаза и выпрямился, точно почуяв опасность.

Вмиг посерьезневшее лицо Ренаты наклонилось к сияющей физиономии юноши. Она шепнула ему на ухо несколько слов, и его лицо сразу погасло, словно в хрустальный бокал на-

лили темной жидкости и он перестал блестеть. Когда же губы Ренаты оторвались от его уха, его лицо уже было гневной маской.

Разговор, который так разозлил Федерико, продолжался, пока к ним не подошла Элеонора, держа под руку Маргариту. Лицо Федерико медленно прояснилось, и на нем появилось зачарованное выражение, хотя потом Джулия весь вечер замечала, как тень гнева то и дело заволакивала его глаза.

С прибытием Поула и его свиты просторный зал епископского дворца показался маленьким. Граф ди Спелло явился к столу в числе последних, и никто не обратил на него внимания. Весь вечер он держался в стороне от дам и разговаривал только с женой Пьерлуиджи.

Когда приглашенные кончили трапезу, двери зала открыли для знати города Орвьето, которая терпеливо дожидалась в тесной соседней комнате.

— Зал действительно маловат для того, чтобы вместить самое важное из городских событий со времен визита Юлия Второго, — почти прокричала Виттория на ухо Элеоноре.

— И правда, все устремились на торжество, даже нотариус со своей чудаковатой женой: у нее

волосы словно смолой начернены, а лицо накрашено, как у комического актера. Похоже, в таком виде она является каждое воскресенье к мессе, заставляя содрогнуться все население Орвьето. Вид у нее еще страшнее, чем у Пьерлуиджи.

Десятки слуг сделали все возможное, чтобы угодить гостям, но, когда ко всеобщему гвалту присоединились еще и музыканты, начался сущий ад, и Виттории не без труда удалось собрать подруг, чтобы увести их, пробыв на торжестве подобающее приличиям время. Рената, которую разыскали последней, нашла даже, что в сравнении с изысканными торжествами в Ферраре этот деревенский праздник прошел куда как веселее.

XI
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

Первыми в церковь по утрам входят монахини из Сан Паоло. Они с безукоризненной тщательностью готовят алтарь, накрывают стол белым полотном, на котором сами вышили золотой нитью цветы, наполняют потир вином собственного изготовления. И даже в мороз всегда ставят в часовню святейшего живые цветы. Наградой за неусыпную заботу им служит благодарный взгляд священника, который справляет первую мессу.

В неверном свете осенней утренней зари никто из них не заметил на ступенях вязкого, липкого красного пятна. В этот день собор тонул в тумане, который чуть расступался только у входа, в свете дрожащих огоньков свечей.

Чуть позже, когда солнце выглянуло из-за горы Четоны, сестра Челеста собрала пальцы щепотью,

чтобы послать поцелуй статуе Христа[30], поддерживающей витые колонны самой большой в Италии розетки, и вдруг заметила, что левая половина лица Иисуса стала красной и красная полоса спускается вниз по шее. Но даже тогда монахини не заметили красного пятна на второй ступеньке собора. Они решили, что это одно из участившихся в последнее время чудес, которые предвещают беду.

Когда туман превратился в легкую дымку, из церкви вышел падре Ансельмо и, разглядев, что мраморное лицо Христа, умытое за века бесчисленными дождями, действительно покраснело, удивился не меньше монахинь. По мере того как туман рассеивался, красное пятно становилось все ярче, хотя отсвет цветных витражей смазывал его контуры. Падре Ансельмо послал за каменщиком Лоренцо, который, несмотря на молодость и тяжелую работу, уже успел обзавестись лысиной и брюшком. Тот, насколько мог быстро, взбежал по лестнице, скрытой в каменной кладке контрфорсов, и открыл замаскированную

[30] Примечания: 30

В знак любви и почтения к Христу, Богоматери или любому из святых верующие целуют сложенные щепотью пальцы, а потом прикладывают их к иконе или статуе. Тот же обычай бытует и в православных храмах.

в разноцветной мраморной облицовке фасада дверцу. Дверца была как раз на уровне фрески Чистилища, и Лоренцо высунулся над карнизом метрах в трех от лица Христа. Он глазами проследил путь красной струйки, которая спускалась от статуи святого Себастьяна, текла дальше вниз между пластинками мозаики и вилась по белому мрамору, как шнурок из пурпура. В каменное тело статуи, изваянной выше человеческого роста, впились позолоченные бронзовые стрелы. Лоренцо вцепился руками в косяк дверцы и закричал во все горло:

— Кровь! Это кровь!

Монахини, столпившиеся внизу, на темной брусчатке площади, попадали друг другу в объятия и, широко раскрыв рты, заголосили, как стая скворцов при виде сокола:

— Кровь, кровь! Христос наказывает нас за наши грехи и гордыню!

И тут же упали на колени, готовые принять еще одну кару, свалившуюся на их хрупкие, облаченные в черное тела. Однако кровоточила совсем не статуя Христа. Преодолев первый страх, Лоренцо теперь размахивал руками, пытаясь привлечь внимание монахинь и толпы внизу к статуе святого Себастьяна в пятой нише галереи, ведущей к

розетке фасада собора. Толстым пальцем он указывал на стрелу, впившуюся в грудь святого над правым соском. К стреле за волосы, связанные куском красной ткани, была подвешена голова графа ди Спелло с вылезшими из орбит глазами. На лице графа застыло то самое выражение, с каким он накануне заступил дорогу Джулии.

Когда чудовищная новость достигла монастыря Сан Паоло, Виттория, Джулия, Маргарита и Рената сидели в саду под большой смоковницей, обсуждая суматоху минувшего вечера и вдыхая терпкий запах перезрелых плодов, еще оставшихся на почти пустых ветвях.

Стену из туфа пересекали прожилки мха, ожившего под осенним дождиком, а камни покрывал красноватый лишайник, который вместе с последними темными гроздьями монастырского виноградника и поздними тыквами на грядках создавал живописный пестрый покров.

На этом фоне ярко выделялись черные платья сидящих женщин, с отделкой из тонких кружев по шее и рукавам. Только на Ренате был лиф цвета цикламена: требования светской жизни пересиливали духовные треволнения. Да и никакой черный бархат не в силах был погасить классическую красоту Джулии или пышное ве-

ликолепие Маргариты.

Ни одному из художников не дана была возможность подглядеть это совершенство. Такую привилегию, сама того не зная, получила аббатиса, которая вихрем влетела в сад с кошмарным известием.

Ни одна из женщин не выдала своих чувств. Всем было известно, что слуга Пьерлуиджи вел жизнь столь преступную, что любое постигшее его несчастье все равно не сможет эту мерзость искупить. Ренате пришлось отвернуться к багряной осенней долине, чтобы скрыть улыбку, которую аббатиса приняла за гримасу сожаления. Виттория быстро взглянула на Джулию и глазами приказала ей воздержаться от комментариев.

Аббатиса тут же умчалась распространять новости, которые расходились от собора, как круги по болотной воде. Виттория повела подруг к южной оконечности сада, где невысокая балюстрада из тесаных камней отделяла территорию монастыря от глубокого, в несколько сот метров, обрыва. Строители выбили в балюстраде круглое сиденье, выступавшее, казалось, из облака, а не из скалы, которая привлекла внимание этрусков.

Пристально глядя на вершины гор, тонувшие в тумане, Виттория медленно заговорила тоном

сивиллы:

— Метят наверняка в Пьерлуиджи. Настоящая цель, конечно, он, это вокруг него сжимается кольцо. И даже наше присутствие здесь и присутствие Поула по ту сторону долины…

Она повернулась туда, где туман заволакивал неприступную вершину Чивиты, целиком присоединяясь к учителю, который, конечно же, уже знал о преступлении и, может быть, смотрел в их направлении.

— Даже это не исключает более сложной комбинации, которая должна обострить конфликт между Фарнезе и нашим святым кардиналом. Сначала Орацио Бальони, теперь граф ди Спелло… Оба они являлись самыми верными слугами Пьерлуиджи, и на них он полагался как на самого себя.

— Но кто покушается на сына Папы?

— Знаешь, понять трудно. В Европе нет человека, которого бы презирали и ненавидели больше его. Если бы у нас не было Борджа, трудно было бы поверить, что такой ужас может существовать.

Подруги повернулись к Ренате, не отваживаясь, однако, высказать свою мысль.

— Нет, вы ошибаетесь, не думайте, что это мой муж или я. Я презираю Пьерлуиджи не меньше

вашего, и муж не знает, как от него избавиться. Но он дал императору слово не вмешиваться в дела нового герцогства. И мне известно, что Эрколе Гонзага тоже обещал не устраивать беспорядков к югу от По.

Рената посмотрела на Элеонору, у которой были очень теплые отношения с братом: они писали друг другу письма каждый день. Элеонора заглянула Виттории в глаза, и одного этого взгляда было достаточно, чтобы понять, что Рената сказала правду.

— Да, Эрколе говорил, что не станет препятствовать воцарению Пьерлуиджи, по крайней мере до тех пор, пока император не поменяет своих планов перемирия с королем Франции. Может быть, это дворяне Пармы и Пьяченцы не желают, чтобы Пьерлуиджи вступил в новое владение? — промолвила Элеонора.

В саду стало тихо, туман сгустился, и теперь сверху, над их головами, виднелись только смутные очертания колокольни. Словно сговорившись, Рената и Элеонора посмотрели в сторону Джулии, которая, наклонив голову, задумчиво заводила за ухо прядь волос. Она заметила вопросительные взгляды подруг:

— Почему вы на меня так смотрите? Думаете,

это я отрезала голову графу ди Спелло? Честно говоря, очень хотелось после той встречи вчера утром. Я бы давно это сделала, да смелости не хватает.

— Не ты, — тихо сказала Рената, — так твой кузен Федерико или дон Диего, после того как увидели тебя в смятении после той встречи… Иначе зачем было приносить голову именно в собор? В то место, около которого он совершил свою последнюю подлость?

Теперь и Виттория смотрела на Джулию с любопытством.

— Но я никому не рассказывала об этой встрече!

— Ты не рассказывала, а кто-нибудь рассказал.

Элеонора покосилась на Ренату, которая даже привстала, чтобы отразить атаку.

— Рената, ты рассказывала Федерико?

Не дожидаясь ответа, Джулия с отчаянием взглянула на Витторию:

— Не думаю, чтобы Федерико или дон Диего пошли на преступление при таких деликатных обстоятельствах. Они едут в Шмалькальден к Карлу Пятому с деньгами на жалованье войску, а эта миссия слишком важна, чтобы подставлять ее под удар из-за женщины. Дон Диего очень

предан императору и не станет создавать ему затруднений таким необдуманным поступком, а Федерико дорожит своей карьерой и не поставит ее под удар ради дамы, которая отвергает его ухаживания.

Маргарита, никогда не принимавшая участия в политических дискуссиях, задумчиво сказала, как бы размышляя вслух:

— Если целью является Пьерлуиджи, зачем так рисковать и убивать его верных слуг, когда с тем же риском можно убить его самого? Да и сам характер преступлений очень уж театрально жесток. Похоже, их совершили не для того, чтобы уничтожить этих людей, а чтобы подать кому-то тайный знак.

Глядя на нее, дамы притихли. Ветер бил по скале, которая и без того уже была отшлифована настолько, что сливалась со стенами домов. Волосы женщин выбились из-под чепцов и хлестали их по лицам. Маргарита, пришедшая из мира, которого они не знали, в очередной раз оказалась проницательнее.

— Конечно, — сказала Виттория, — Маргарита права. Да еще эти церковные обряды, эти облатки во рту у Бальони…

— Какие облатки? — спросила Рената.

— Во рту у Бальони нашли облатки, разве я вам не говорила? А вы об этом знали, Маргарита?

Девушка сорвала красный лист смоковницы, огромный, как испанский веер, и старательно вплетала его в косу, стягивавшую часть золотых волос. Не оставляя своего занятия, она ответила:

— Да, Алессандро мне рассказал об этом.

Виттория продолжила размышлять вслух:

— И голова графа, подвешенная к стреле святого Себастьяна, воина, которого замучили собратья по оружию… Все это похоже на послания тому, кто должен их прочесть.

— Самым разумным для нас будет держаться от этого как можно дальше, — сказала Элеонора, на которую внезапно напало беспокойство, заставившее ее потерять свой вошедший в пословицу самоконтроль. — Не желаю дальше находиться рядом с Фарнезе! Они такое же проклятие Италии, каким были Борджа. Лучше всего нам будет разъехаться отсюда, и как можно скорее. И тебе, Рената, и тебе, Маргарита. Будет лучше, если на север вы поедете сами. Рената, не позволяй Маргарите появиться в Парме раньше, чем туда приедет Алессандро, ни под каким видом не давай ей оставаться один на один с Пьерлуиджи без присутствия его сына. Я поеду в Перуджу,

Виттория вернется в Рим вместе с Джулией, а вам надо либо задержаться, либо поторопиться, но не оставаться поблизости от Пьерлуиджи. Можете отправиться со мной в Урбино, потом в Венецию, а оттуда подняться вверх по реке По на герцогских кораблях. Это будет самая надежная дорога. Лучше держаться подальше от этой семейки. Я не удивлюсь, если убийц наняла жена Оттавио Маргарита. Она так злопамятна и так ненавидит Пьерлуиджи, что способна на все.

— А если это Карафа?

Рената не дала ей продолжить:

— Джулия, ты помешана на Карафе и видишь в нем воплощение всех бед! Когда ты о нем говоришь, ты даже дышать спокойно не можешь.

— Это не помешательство, это, наоборот, ясность ума. Я уверена, что Карафа и весь трибунал инквизиции заинтересованы в смерти сына Папы. Все его зверства — лучшая пропаганда в пользу лютеран. Достаточно изложить жизнь Пьерлуиджи Фарнезе — и Римская церковь будет дискредитирована без всякой возможности оправдаться, а с ней вместе и вся Италия, за то, что породила такого монстра. Карафа же способен на любое преступление. Он фанатик и уверен, что Бог простит ему даже самое жестокое деяние,

лишь бы оно приближало к цели. Я слышала, как он разговаривал с вице-королем Неаполя на крестинах. Увидев, что я прохожу мимо, он нарочно стал скандировать слова и сказал, что сам принес бы хворосту в костер собственному отцу, если бы посчитал его еретиком. Он способен на все, даже на провокацию святотатства, и к тому же Пьерлуиджи явно стоит на пути закрепления позиций контрреформы. Едва Павел Третий даровал ему герцогство Пармы и Пьяченцы, как Лютер, словно только того и ждал, тут же разразился одной из своих ядовитых брошюрок, которые уже гуляют по Европе. Когда еще представится такая возможность обвинить курию в насилии над христианством и в торговле троном святого Петра?

Рената еле слышно прошептала:

— А разве он не прав?

Джулия подалась вперед и приблизила лицо к Виттории, чтобы придать убедительности словам, которые хотела бы прокричать, но, как всегда, вынуждена была произнести шепотом. Виттория пристально глядела перед собой, никак не давая понять, согласна она с гипотезой Джулии или нет. Когда та произносила речи в защиту общего дела, Виттория старалась унять ее неосмотрительную страстность, которую счита-

ла врагом всякого важного начинания.

— В этой брошюре он разоблачает Карафу и пишет, что верный и преданный слуга Христов не воспротивился передаче герцогства папскому бастарду. Какова может быть искренность веры кардинала, торгующего собой в конклаве? Он ни в чем не противоречит понтифику, потому что хочет иметь свободу действий в инквизиции. Так почему бы ему не дискредитировать семейство Фарнезе?

Виттория повернулась к ней, не скрывая гримасы жалости:

— Потому что если падет Павел Третий, то Папой станет наш святейший Поул и Карафе придет конец. Ему тоже выгодно поддерживать Фарнезе, по крайней мере до тех пор, пока не удастся изменить равновесие в конклаве. Или пока он не соберет достаточно доказательств, чтобы обвинить Поула в ереси.

Виттория на мгновение замолчала, словно осмысливая только что произнесенные слова, потом устало, с болью подвела итог:

— Впрочем, все, может быть, обстоит совсем не так, как кажется.

Рената, без особой убежденности, снова предложила гипотезу измены местных баронов:

— Для дворян герцогства Пьерлуиджи — как в горле кость, и они были бы не прочь убрать его с дороги. Но невозможно предположить, что они так хорошо организованы, чтобы беспрепятственно проникнуть в дом Фарнезе и совершить убийство.

Маргарита, которая хуже всех разбиралась в политических и религиозных интригах, осторожно вступила в разговор, боясь показаться бестактной:

— Я все-таки думаю, что это была месть. Я слышала столько плохого о Пьерлуиджи Фарнезе, что, наверное, нашлось бы немало охотников подвесить и его голову на верхушке собора Орвьето.

И сразу повернулась лицом к горам, которые наконец очистились от тумана.

— Их много, и они хорошо организованы, — сказала Виттория.

И снова стало слышно, как шумит ветер, долетавший с обрыва через парапет. Маргарита и Джулия схватились за голову, стараясь спасти прически от ветра, и глаза их встретились.

С каменной стены свешивался в пустоту куст земляничного дерева в цвету: яркие гроздья желтых и красных мохнатых ягод делили ветви

с полупрозрачными колокольчиками, с которых сыпалась пыльца. На кусте созревали одновременно и семена, и плоды. Яркие листья с зубчатыми краями, казалось, светились от счастья, демонстрируя изобилие. Маргарита вытащила из рукава платочек и начала одну за другой собирать красные ягоды, стараясь не раздавить их пальцами. Набрав полную горсть, она протянула их подругам, которые удивленно отпрянули:

— Маргарита, ты что, хочешь нас отравить?

Не отвечая, Маргарита с явным удовольствием отправила одну ягоду в рот.

— Но ведь они ядовитые!

— Кто вам это сказал?

— Не знаю, так считается.

Джулия склонила голову и завела за ухо прядь волос. Потом, по-прежнему погруженная в себя, отняла палец от уголка рта, протянула руку и взяла ягоду, надкусив желтую мякоть. Одна за другой ей последовали Элеонора и Рената и даже Виттория, которая, однако, сразу выплюнула ягоду, приложив ладонь к губам.

— Фу, гадость!

— Наоборот, очень вкусно.

Джулия и Рената быстро расправились с горстью ягод.

— Они хороши при катаре и укрепляют зрение, как и все желтые плоды. А настой из сушеных цветов — прекрасное абортивное средство. Турчанки веками пользовались им, чтобы избавляться от нежелательной беременности.

Элеонора удивленно взглянула на нее:

— А ты откуда знаешь?

— Когда в Венецию для переговоров прибыл посол Сулеймана, я часто бывала у него, близко с ним познакомилась, и он был очень щедр ко мне, научив меня всему, что должна знать турчанка, чтобы выжить в условиях предрассудков ее религии. А мы даже не догадываемся, в какое рабство загнали нас предрассудки христианства, и лишаем себя многих чудес природы, чтобы оставаться рабами фанатичных мужских законов.

Джулия встала и взглянула вниз, в пропасть. На смоковнице два черных дрозда шумно выясняли отношения по поводу красного, как поздний цветок, раскрывшегося плода.

Она повернулась к Маргарите и подумала, что та настолько хороша в этом осеннем воздухе, уносящем все мысли, что на нее невыносимо смотреть. Она подошла к гранатовому дереву и зубами скусила круглый янтарный плод, лопнувший от прозрачных зерен. Взяв его в руки и

удивившись, какой он тяжелый, она вложила его в ладони Маргарите, которая слегка сжала руку и провела пальцами по раскрытому розовому краю, доставая спелое зернышко.

В то же самое мгновение в нескольких метрах от сада, на площади перед монастырем, появился Пьерлуиджи с десятком вооруженных людей. Все в черном, со шпагами наголо, они, подозрительно озираясь, крались по площади, словно готовились к осаде собора, где не осталось ни одной живой души.

Только скульптуры продолжали разыгрывать вечную пантомиму веры. Сразу над ними располагались деревянные леса, которые сколотили три года тому назад, когда заканчивали фасад, и которыми, несомненно, воспользовался убийца, подвешивая голову. У святого Себастьяна была в крови нога, и казалось, что кровь течет из раны от стрелы. Святой Михаил угрожающе замахнулся изогнутым коротким мечом, как раз таким, каким Аполлон содрал кожу с Марсия[31]. Павел оперся сильными руками на меч, который потом сменил на крест.

---

[31] Примечания: 31

Согласно древнегреческому мифу, сатир Марсий поплатился своей кожей за то, что дерзнул вступить в музыкальное состязание с самим Аполлоном.

Под галереей со статуями, где на лесах, закрепленных за боковые шпили, работали бригадиры каменщиков, открывалась другая галерея, с нишами поменьше. Пятьдесят шесть ниш располагались вокруг круглого застекленного окна-розетки, и в каждой из них стояло изображение одного из библейских царей. Они насмешливо глядели вниз, где во дворе копошились, как тараканы, маленькие человечки. Герцог Пармский щурился, чтобы разглядеть головы одну за другой, словно в их насмешливых гримасах надеялся отыскать ответы на свои вопросы. От старания лицо его превратилось в страдальчески сморщенную маску, на которой каждая складка отмечала совершенное некогда преступление.

Тела графа ди Спелло, его друга и слуги, погибшего на посту, в нишах, конечно, не нашли, да и не могли найти. Пьерлуиджи в отчаянии обшаривал глазами более крупные ниши, где изваянные два столетия назад статуи пророков, держа в руках каменные свитки, вглядывались в пространство за холмами вокруг Орвьето, безразличные к его гневу. Тело там могло бы поместиться, но затащить его туда было невозможно, потому что леса крепились гораздо ниже. Каменные пророки сквозь годы, точнее, сквозь

века равнодушно глядели вниз на сына Папы и его обозленных гвардейцев.

Пьерлуиджи даже не знал, кто были эти бородачи, которых он так пристально разглядывал гноящимися глазами. Он искал другого человека, точнее, его обезглавленное тело, но вскоре покинул опустевшую монастырскую площадь, с которой обитатели городка давно поспешили уйти как можно скорее. Теперь они наблюдали за поисками, кто спрятавшись за маленькими запертыми окнами, кто с колокольни Сан Франческо, кто с башни Маурицио, куда забрались самые отважные, чтобы не пропустить такого потрясающего события.

Туман спустился в долину, отрезав от мира Орвьето вместе с собором, и город стал похож на плывущий по небу корабль. От этого маленькая площадь, на которую выехали дон Диего, Федерико и отряд из десяти человек, стала выглядеть еще тревожнее. Дон Диего продолжал путь в Германию и разыскивал Пьерлуиджи, чтобы попрощаться. Об убийстве он уже знал. Он спешился и подошел к плохо стоящему на ногах герцогу. Полные злобы слова хлестнули дона Диего, как плетью:

— Это вы, я знаю, что это вы! Сначала Орацио,

потом граф, а теперь остался я, правда? Отчего же вы не сделаете свое дело прямо здесь, при всех, ведь ваш император будет доволен!

Крик отнял у Пьерлуиджи последние силы, и подбежавшие слуги вовремя подхватили его, иначе он наверняка упал бы на землю. Федерико быстро спрыгнул с лошади, держа в руке обнаженный кинжал.

Дон Диего, не глядя, угадал его движение и предостерегающе поднял руку, остановив этим жестом и людей Пьерлуиджи, которые с угрозой двинулись навстречу. Другой рукой он пригладил черную бороду, обрамлявшую лицо, и вплотную подошел к Пьерлуиджи.

— Червь, ты всего лишь червь, ты гаже самого последнего подонка. Я не раздавлю тебя только потому, что не хочу лишать мир зрелища твоей агонии. Ты ведь уже мертвец, Пьерлуиджи.

Дон Диего вскочил на коня и, не оборачиваясь, помчался к спуску Сферракавалло, оставив Пьерлуиджи, как черное насекомое, бесцельно размахивать шпагой на белой монастырской площади, запачканной кровью.

Мастер Лоренцо, каменщик с мозолистыми руками, трясясь от страха, подсказал стражникам, что надо искать в неисследованной части собора,

в апсиде, под которой находилась площадка для резчиков по камню, скульпторов и каменщиков.

Теперь на площадке, как в пещере Полифема, было полно всякого добра, но отсутствовали люди, потому что герцог приказал никого не впускать, полагая, что убийца может все еще находиться в соборе.

Один из стражников пошел между тачек, мраморных блоков и больших плетеных коробов, полных сверкающих золотом кусочков мозаики. На одной из белых оштукатуренных стен висели самые тонкие инструменты для обработки камня, и среди них пила с деревянной ручкой и стальным полотном с маленькими, остро заточенными зубьями. Пила выпачкала стену красным, а внизу дорожка из темных капель вела к двери в коридор. Здесь собор соединялся с епископским дворцом, где обитал Пьерлуиджи и где накануне происходил прием.

Стражник никого не позвал, чтобы ни с кем не делить славу от находки. Он вытащил из ножен кинжал и двинулся по коридору, где вдоль стен были расставлены законченные статуи, уже готовые к установке на фасад. В руке у последней статуи, той, что находилась ближе всех к епископскому дворцу, в неверном свете,

струящемся из маленького окошка, сверкал высоко поднятый бронзовый меч. Сидящая статуя изображала аллегорию правосудия, и тяжелая складка мраморной одежды спадала между ее широко расставленных колен. В этой складке покоилось бледное, как мрамор, человеческое тело. Одна рука свешивалась, почти касаясь земли. Стражника поначалу не смутила эта необычная «пьетá»[32], и, только подойдя ближе, он заметил, что голова, которая должна бы лежать на одном из колен, отсутствует.

Вот тут солдат заорал. Прибежавшие стражники молча застыли при виде кощунственной композиции, низведшей графа ди Спелло до уровня жертвенного животного. А с приходом Пьерлуиджи солдат вдруг обнаружил, что упустил редкостную возможность. На руке, что свешивалась до земли, блестело массивное золотое кольцо с епископской печаткой. Стражник мог бы его стянуть и заработать сразу больше чем за десять лет, как, ясное дело, и поступил граф с тем бедным епископом, кому принадлежал перстень. Но было слишком поздно. Пьерлуиджи,

[32] Примечания: 32

Pietá *(um.),* букв. «сострадание», — традиционный сюжет оплакивания Христа. Здесь явный намек на знаменитую скульптурную группу Микеланджело, где Мадонна держит на коленях тело Иисуса.

глядя на кольцо, исходил пеной от злости.

XII
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Четверо подруг собрались для духовного бдения в комнате, которую занимала в монастыре Сан Паоло Виттория. При обряде было разрешено присутствовать и Маргарите. В наступившей тишине Виттория сосредоточивалась и настраивалась. Она прикрыла глаза, кровь сбежала с ее лица, и кожа стала землистой, как у мертвеца. Худенькое лицо Элеоноры покраснело от напряжения, маленький рот дрожал: она тоже пыталась сосредоточиться и быстро слабела. У Ренаты заострились черты лица, но даже в духовном экстазе она больше, чем когда-либо, напоминала готовую к бою амазонку, ничем не выдающую своей духовной экзальтации.

Виттория еле слышно прошептала имя Марии и заговорила о ее потрясении, когда к ней явился ангел с лилией и оповестил, что она станет матерью, о смятении девушки, призванной к служению могущественному Богу. Ей была обещана радость, за которую она сразу начала платить. Ни Виттория, ни Джулия не могли знать о том

отчаянии, какое сопровождает матерей до конца их жизни, о вечном страхе, что они не смогут защитить свое дитя, но тем не менее в голосе Виттории зазвенели прозрачные, стеклянные ноты, а потом и стальные, и голос этот больно ранил сердца подруг.

Элеонора сдержанно плакала, слезы катились медленно, как по щекам Мадонны из слоновой кости в соборе в Губбио. Она думала о горестях матери, о своих горестях, о том, чего ей стоило защищать своих детей и их королевское достоинство. Она погружалась в медитацию, шепча слова, всплывающие из самых скорбных уголков души.

Виттория была готова уже войти в болезненный экстаз, но Джулия, поднявшись с места, решительно обняла ее за плечи. Она крепко встряхнула подругу, чтобы густое, темное облако печали перестало растекаться от нее по комнате.

Маргарита сосредоточенно ей помогала, стараясь не нарушать воцарившейся тишины. Виттория затихла на груди Элеоноры, Рената плакала с закрытыми глазами. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, даже в скорби она выглядела величаво.

Избыв эмоции слезами, Рената первая заме-

тила, что уже ночь, а по комнате тянет гарью и порхают хлопья сырой копоти, потому что в каминную трубу задувает Трамонтана. Это открытие быстро наполнило ее энергией, и она пришла в себя.

— Пойду принесу еще дров. Эти монахини понятия не имеют, как должен гореть огонь, предназначенный для грешников.

Рената рассмеялась и накинула на плечи соболью шубу, которая придавала ей еще более величественный вид. Элеонора попыталась ее остановить:

— Надень еще плащ с капюшоном, на улице снег, и ты простудишься. Нам только твоей простуды не хватало ко всем бедам.

— Снег? Элеонора, Урбино расположен слишком близко от моря, и ты понятия не имеешь, что такое холод. Приезжай в Феррару в январе, и здешняя погода покажется тебе весенней.

И она укоризненно обернулась к присмиревшей подруге:

— К тому же мне всего тридцать пять лет, и тепло молодости пока еще согревает меня в ненастье.

Когда она вышла, Элеонора и Джулия улыбнулись ее неукротимому жизнелюбию.

— К счастью, она никогда не переменится. Хорошо было бы все время жить рядом с ней. Уж ей-то меланхолия не грозит.

Спустя несколько минут дверь распахнулась от мощного удара ногой, и вошла Рената, держа в руках пять дубовых поленьев толщиной в ладонь.

— Сейчас я вам покажу, что такое настоящий огонь.

И склонилась над камином, подбрасывая туда дрова.

— Интересно, что нам приготовит сегодня аббатиса? Не будет же она мучить нас салатами и флорентийской пиццей! Нет, я сама схожу на кухню. Я видела, как вчера монахини готовили засахаренные каштаны, которые только что принесли из лесу. В жизни не видела таких огромных. Еще я заметила паштет из дичи, и он обещает быть недурным, если судить по голове кабана, которого свежевали во дворе. Сегодня мы заслужили больше, чем просто пропитание. Кстати, о кабане, Маргарита, ты вчера давала монахиням указания, как его резать, чтобы не перепачкаться в крови. Ты и в этом знаешь толк?

Маргарита ничуть не обиделась на эту шпильку и, улыбаясь, ответила Ренате:

— Конечно знаю. Если живешь с евреем, надо

знать, как зарезать животное, чтобы он не счел потом нечистым мясо, что у него на тарелке. Я хотела собрать кабаньей крови, чтобы приготовить десерт из хвойных семян с сахаром, но монахини пришли в такой ужас, что я оставила эту затею.

— Жаль, я бы охотно попробовала десерт на крови. Но если уж ты настроена поработать на кухне, помоги мне накрыть на стол.

Джулия тоже вызвалась вместе с Маргаритой помогать Ренате. Они накрыли сверкающий серебром и хрусталем стол и поставили на него чеканные, покрытые эмалью чаши с розовой водой, чтобы помыть руки после поединка с кабаньим паштетом.

Вино и дубовые поленья, принесенные Ренатой, быстро согрели дам, и они праздновали в свое удовольствие, проведя замечательный вечер, который все оценили как один из самых лучших в жизни. Защиту их свободы взяли на себя холодный ветер и скалы Орвьето, а монахини постарались на славу, чтобы никто из них не вспомнил о придворных поварах и столовых приборах от лучших ювелиров Италии. Даже Элеонора признала, что разнообразные пиццы из тонкого слоеного теста были куда как хороши и паштет удался. Виттория расчувствовалась и

пришла в сентиментальное настроение, в котором подруги ее никогда не видели. Она закрыла лицо руками, поглаживая пальцами покрасневшие веки.

— Вот уже много лет я говорю вам, что нам надо жить всем вместе в этом монастыре. За его стенами мне не страшны никакие несчастья. А уж вместе мы будем счастливы, и нам будут завидовать, как двору Мнемозины.

Элеонора погладила ее по руке.

— А ты думаешь, я все время об этом не размышляю? Думаешь, я не завидую твоему миру и покою, когда получаю твои письма из Орвьето? Что, ты думаешь, держит меня в Урбино? Конюхи, что ли?

Смеясь, она обернулась к Ренате, и та отрицательно затрясла головой.

— Не сочиняй басен про мои похождения: в Ферраре нет ни одного сносного конюха. В последний раз я влюбилась в рыбака. Представь себе, какая досада каждый раз заставлять его мыться перед свиданием.

Дамы расхохотались, а Элеонора продолжала:

— Я уж и к мессе ходить перестала, чтобы ни с кем не встречаться. Но как я могу оставить моего злополучного сына, этого самонадеянного

мальчишку, который, как дрозд, на каждом шагу рискует попасть в сети своих советчиков? А моя дочь Изабелла? Ей уже двадцать лет, а она все еще не нашла себе жениха. Знаете, сколько писем я написала императору и брату Эрколе, чтобы ее пристроить? Как только в королевстве и в семье наступит порядок, я сразу приеду и больше не расстанусь с тобой в Орвьето. И теперь, отведав этих дивных засахаренных каштанов, я думаю, что другой цели в жизни у меня не будет.

Джулия разгоревшимися от тепла и вина глазами разглядывала на свет искрящийся бокал.

— Что касается брака Изабеллы, Элеонора, я тебе советую выдать ее замуж за человека старого и могущественного, который не очень бы ей докучал и быстро оставил вдовой, как мой бедный Веспасиано Колонна. При всем моем почтении к его кузине Виттории, которая знает, что я была ему верна.

Виттория приподняла брови в знак того, что она благосклонно пропустила это суждение. Рената же не унималась. Она была хозяйкой праздника и выпила чуть больше остальных, чтобы растормошить подруг.

— Свобода тебе дорого стоила, Джулия. Красивейшая из женщин, воспетая всеми поэтами,

единственная, кто может похвастать тем, что соблазнила Сулеймана Великого, который выслал двадцать галер и лучшего из своих генералов, чтобы ее выкрасть! А она с шестнадцати лет отказывает всем ухажерам, даже бедняге Ипполиту Медичи, лучшему жениху Италии, красивому, богатому, смелому, да к тому же и влюбленному. Кто еще стал бы терять время и переводить целиком книгу Гомера для женщины, которая его ни разу даже не поцеловала? Джулия, госпожа Фонди и муза красоты всей Италии, а не слишком ли дорого ты ценишь свою независимость?

Джулия нимало не смутилась этой тирадой, наоборот, еще подлила масла в огонь:

— Не с шестнадцати лет, а всегда, моя милая. Бедняжка Веспасиано не успел сломить мое сопротивление, если это тебя утешит.

— Веспасиано Колонна к тебе не прикасался? Так ты и вправду девственница? Значит, этот лис Паоло Джовио прав. Он как сумасшедший орал перед кардиналом Фарнезе, помнишь, Маргарита? Джулия, о, эта прекрасная Джулия, она хочет, чтобы все мужчины мира умерли, так и держа в себе свое семя! Как такое возможно? Прекраснейшая из женщин девственна!

Рената закрыла лицо руками.

Джулия же осталась ко всему равнодушна, словно это ее не касалось.

— Мне вовсе не надо, чтобы мужчины умирали с семенем внутри. Я просто хочу, чтобы они вместе со своим семенем держались от меня подальше. Я бы тоже не отказалась перебраться сюда жить вместе с Витторией и переберусь. Хотя мне всего тридцать два года, я не боюсь затворничества в монастыре. А развлечение себе найти я сумею. Может, не засахаренные каштаны, но…

Виттория метнула в нее быстрый взгляд, словно предупреждая, что та зашла слишком далеко. Джулия вернулась к своей обычной рассудительной манере:

— Мне надо позаботиться о племяннике Веспасиано, сыне моего брата Луиджи и моей падчерицы Изабеллы Колонна, которая бросила мальчика сразу после смерти брата. Она из тех женщин, что не могут жить, если рядом нет мужчины. Она тут же выскочила замуж за этого придурка герцога Тальякоццо и уехала с ним в его тоскливую снежную пустыню. Мальчика воспитываю я, и он уже вошел в тот возраст, когда пора подумать о невесте, которая не сделает его слишком несчастным.

Джулия с сочувствием взглянула на Элеонору.

— Сокровище мое, я тоже пишу письма императору, моему дядюшке вице-королю Неаполя и даже королю Франции. И мне ужасно надоела их озабоченность моей красотой. Но я не могу сдаться и оставить на произвол судьбы Веспасиано: у него нет ни малейшего желания соблюдать целомудрие, ему шестнадцать лет, и он не упускает возможности броситься между первых же оказавшихся рядом женских ног. И потом, есть еще мои друзья! Наши друзья! Вы ведь знаете, они во мне нуждаются: Верджерио сидит в Женеве без гроша в кармане, Карнесекки уже арестовала инквизиция в Венеции, а веронского епископа Джиберти Карафа планирует сжечь еще в этом году. Как я могу их бросить? Они же пропадут. Я даже подарила свой портрет герцогу Миланскому, чтобы иметь основания просить его помочь епископу Вероны.

Элеонора вдруг вмешалась в разговор с неожиданно легкомысленным вопросом:

— Уж не тот ли это портрет, что Ипполито Медичи заказал Себастьяно дель Пьомбо?

— Нет, не тот. Когда художник умер, я обещала Ипполито, что портрет навсегда останется у меня. А что было делать? Портрет писался у меня в доме, я при сем присутствовала и дала слово. Я заказала

другой портрет Тициану, поверх копии того, что писал Себастьяно. Ясное дело, Тициан придал мне более дерзкий вид, опустив вырез платья и выпустив по его краю кокетливую вуаль. Губы у меня на портрете блестят, как будто я только что кого-то поцеловала, в глазах чувственные искорки. Ничего общего со мной, но старый царедворец знает, как угодить хозяевам и герцогу, который был очень доволен, как писали мне друзья.

Теперь пришла очередь Ренаты высказаться, и, прежде чем заговорить, она осушила свой бокал.

— Я тоже приеду к вам умирать, впрочем, что я такое говорю! Я приеду к вам жить, и приеду скоро. У меня нет детей, о ком надо заботиться, а муж давно уже научился обходиться без меня, и я ему в этом с радостью помогаю. Какая мне разница, откуда писать ему письма — отсюда или из моей гардеробной? Я думаю, война долго не протянется. Тридентский собор объявлен открытым, и Поул скоро будет там. Уж он-то найдет способ замирить Рим с лютеранами и прекратить противостояние, которое разжигает этот червь Карафа. Он станет самым справедливым из пап: старик Фарнезе не вечен. Все думали, он умрет сразу же, как его избрали. А он уже одиннадцать лет переворачивает весь мир вверх дном. Посол

моего мужа еще в тысяча пятьсот тридцать четвертом году писал нам, что Фарнезе потому и выбрали, думали, что он долго не протянет. Но прошло одиннадцать лет, и старик, похоже, будет еще нас хоронить. Как раз теперь, когда достигнуто согласие с Поулом, который будет Папой, дарованным нам небесами. Представьте себе, как будет чудесно: Поул на папском престоле в Риме, а мы здесь, в Орвьето, близко к нему, но не барахтаемся в клоаке Вечного города. Я уверена, что еще совсем немного — и дела пойдут именно так, но до той поры не могу уехать из Феррары. Ко мне, едва пересекши границу, приезжают с докладами швейцарцы и немцы. Я аванпост Реформы к югу от Альп и не могу бросить друзей. К тому же я курирую издание двух замечательных книг и должна отслеживать их распространение по Италии. Отказаться я не могу: я одна из немногих, кто знает немецкий.

Виттория вскочила с места:

— Что еще за книги, Рената? Знаешь, какую охоту Карафа устроил на меня, на Поула и беднягу Фламинио за публикацию «Благодеяния Христа» в Венеции? Счастье еще, что я настояла на анонимном издании. Всего два года назад казалось, что в Италии можно думать и говорить

о чем угодно. А потом этот пес снова открыл трибунал инквизиции, и теперь никто не может его остановить. Рената, ради бога, осторожнее с этими книгами. Ты же сама говорила, что надо выждать время и постараться, чтобы не пропал десятилетний труд.

Рената встрепенулась и резко ответила:

— Не волнуйся, Виттория, я никого не подведу. Как только мы собираемся вместе, мы тут же выслушиваем проповедь о том, кто из нас безрассуден, а кто опасен, будто мы все девицы на выданье.

Она взглянула на Джулию и рассмеялась:

— Извини, Джулия, это просто присказка такая. К тому же, Виттория, в Орвьето я приеду, но не в монастырь. Мне нужна некоторая степень свободы.

— Для прекрасных юношей, — тихо сказал кто-то.

Рената громко фыркнула:

— Слушайте, мы ведь почти убедили Поула, Эрколе Гонзагу, епископа Тренто и даже Мороне, что разрешение священникам жениться устранит половину всех церковных проблем. И что же нам теперь, душить в себе самое невинное из желаний? И потом, вы ошибаетесь относительно

моих, как бы это сказать, плотских излишеств. Ну, было несколько раз. Может, два, может, три.

И, погрузившись в свои мысли, Рената затихла: наверное, перед ее мечтательно затуманившимся взором проплывали лица юных любовников. Разговор прервался, без грусти, без сожаления, и все остались довольны друг другом, что редко случается в таких компаниях.

Маргарита подумала, что она, хоть и очень похожа на этих женщин, все же не имеет преимущества их дружбы.

Подруги всерьез мечтали жить вместе в Орвьето, в маленьком красивом городке, где нет двора. И все должно быть так, как им хочется. А если не будет? Если Карафа одолеет Реджинальда Поула? Если этот цепкий ханжа сумеет уговорить остальных, что Поул еретик? Он, в сущности, способен на все. Когда ему удалось убедить Павла III снова учредить трибунал инквизиции, Карафа сам, несмотря на бедность, снял дом, переделал его в тюрьму, прикупил замков, колодок и лично выбрал самые страшные орудия пыток. Он ненормальный. И власть его растет день ото дня. Эти мысли появились, когда свечи стали гаснуть и комнату освещал только каминный огонь. Мысли проносились по комнате, как чудовищные

тени, и блестящие глаза избегали встречаться взглядами, чтобы не выдать весь ужас этих мыслей. Они целиком завладели головами подруг, и те притихли, не в силах вымолвить ни слова.

Отделенная от Европы Италия с победой Карафы и ревнителей консервативной позиции церкви погрузится во мрак предрассудков. При поддержке мелких тиранов священники начнут получать огромные доходы, города и деревни станут беднеть, люди погрязнут в суеверии. А их, как и всех остальных женщин, наделенных умом, снова запрут в фамильных имениях. В богатых или бедных, не имеет значения: все они темницы, полные несбывшихся надежд и подавленных мятежей.

Рената обвела глазами комнату и увидела подруг такими счастливыми и прекрасными, какими не видела никогда. Она вскочила со стула и энергичными шагами пересекла комнату.

— А если все обернется плохо, знаете, что мы сделаем? Мы уедем ко мне на родину, в Монтаржи. Я законная владелица этого феода, и даже король не может отнять у меня прав на него. Я кузина супруги короля. Мы уедем во Францию и возглавим реформатскую церковь, даже если ее придется защищать с помощью войска. Что же я,

глупее тех немецких властителей, что реформировали церковь, прогнав папистов? И я прогоню, а вы поедете со мной, и больше в Италию мы не вернемся. В Монтаржи прекрасный собор, его зеленый шпиль виден во всех арденнских лесах. Мы будем часами любоваться закатами с соборного двора. А папки с эскизами Микеланджело для капеллы Павла мы возьмем собой и велим по этим эскизам расписать стены церкви. И нам не будет недоставать божественного искусства нашего Микеланджело. И ни перед кем не надо будет притворяться.

Виттория встала и обняла ее, не обращая внимания на съехавший чепец и рассыпавшиеся по плечам волосы.

Комната замерла во мраке, только в камине вспыхивали последние искры гаснущего огня. Лучше уж притвориться, что такой случай им когда-нибудь представится.

Каждая с маленьким светильником в руке, дамы разошлись по кельям, двери которых открывались в коридор, выходивший в сад на краю обрыва. Несколько комнат занимала только Виттория, у остальных же маленькая прихожая без окна вела в просторную келью, где стоял диван, стол у окна, шкаф, большой комод орехового

дерева и мягкая кровать с тонким льняным бельем. Складки балдахина, спадавшего с ореховой рамы, придавали постели почти роскошный вид. Кто же откажется от такого уютного гнездышка, особенно после треволнений длинного дня?

———

Едва Маргарита закончила расчесывать волосы перед венецианским зеркалом в нише, как услышала, как ручка двери с тихим шорохом поворачивается. Она ничуть не удивилась, увидев в зеркале разгоревшееся лицо Джулии, входящей в келью.

Атласная блузка, надетая поверх прозрачной льняной сорочки, только наполовину прикрывала светящуюся в полумраке грудь. Точеные плечи плавным изгибом переходили в высокую шею, которую венчало лицо с такими правильными чертами, какими природа никогда еще не одаривала смертных женщин. Лицо отличалось дивным овалом, лоб был высок и чист, и твердо очерченный нос, слегка закругленный к кончику, казался единственно возможным на этом лице без изъяна. Большие темные глаза смотрели бы совсем по-детски, если бы чувственный изгиб бровей не придавал им выражения влюблен-

ной Венеры. Губы на розовом лице казались лиловыми, а нижняя чуть выдавалась в вечном ожидании поцелуя. Теперь она искала поцелуя вполне реального, и о нем молили полуприкрытые глаза.

Джулия поставила фонарь на стол возле зеркала Маргариты и быстрым движением сбросила сорочку, которая светлым облаком улеглась у ее ног.

Первое, что увидела Маргарита, был черный треугольник, начинавшийся у ног и кончавшийся крохотными шелковистыми завитками внизу живота. Такую густую, нежную поросль Маргарита видела у восточных женщин, которые холили ее всевозможными кремами, чтобы она обрела мягкость и аромат.

Внизу, у вершины перевернутого треугольника, нежная кожа приоткрывалась розовой, чуть вздувшейся бороздкой. Джулия придерживала грудь руками, и из-под пальцев выглядывали коричневые ореолы сосков, затвердевших от холода и желания.

Маргарита открыла дверцу фонаря и задула пламя. Потом ловкими движениями пальцев загасила свечи перед зеркалом. По комнате поплыл терпкий дымок. В окно лился голубоватый лун-

ный свет, окутывая Джулию и делая ее похожей на Диану с Авентинского холма. И она, как Диана, простирала руки и блестящими глазами молила Маргариту о любви.

Та поднялась, взяла ее за руку, повела к окну и усадила на холодный, весь в трещинах, подоконник, постелив свою сорочку. Джулия послушно, как ребенок, откинулась назад, и Маргарита подложила ей под ногу подушку, чтобы открылся пах и нежные, набухшие от желания губы. Освещенная луной долина за окном казалась заколдованной и призрачной, и нереальным было тело Джулии в переливах жемчужного света. Маргарита прижалась к ее груди, прильнув маленькими сосками, и сразу отпрянула. Джулия хотела ее обнять, но Маргарита удержала ее за руки, отведя их к подоконнику, а коленом раздвигала ей ноги, пока Джулия не почувствовала, как прохладный воздух освежает их и входит внутрь.

Маргарита начала ласкать нежные розовые губы, пробираясь все дальше вглубь, пока не почувствовала, как под ее пальцами начали исходить влагой мягкие, горячие стенки. Она опустилась на колени и продолжила ласки уже ртом, а Джулия, завладев ее волосами, водила ими по

груди и животу. Почувствовав, что подруга близка к экстазу, Маргарита поднялась, прижавшись лобком к открытому лону Джулии, и, сильно сжав, обняла ее за ягодицы. Обе в один и тот же миг задохнулись, сдерживая крик, и в лунном свете Маргарита увидела сияние огромных глаз Джулии, наконец-то по-настоящему счастливых.

По серебристому лунному лучу они пересекли комнату и дошли до постели. Теперь Джулия заключила Маргариту в такие неистовые объятия, что у той остались красные борозды на плечах и на внутренней стороне бедер.

Для обеих все было не в первый раз, но Джулия никогда не думала, что отважится на такие дерзкие прикосновения.

Скала отделяла Орвьето от всего мира, а стены монастыря хранили их заколдованное ложе от Орвьето, рассеивая остатки страха и смущения. И они катались на ложе, пока луна не сменилась золотой рассветной полоской, озарившей вслед за скалой из туфа их усталые от страсти лица.

Теперь обе благодарно и нежно ласкали друг друга. Приподнявшись, Маргарита собиралась поцеловать подругу, но ее уста застыли возле самых губ Джулии и зашептали слова, казалось, пришедшие из другого мира:

В устах, что жемчугами и рубином
Манят к себе и жарко дышат,
По белой горке выпавшего снега
Пурпурное рассыпано зерно[33].

Джулия тихонько рассмеялась.

— Ты знаешь эти стихи Бернардо Тассо[34]? Но откуда?

— И Тассо, и Ариосто[35], и Дольче[36], и даже Софонисбы[37]. Нет поэта, который не воспел бы тебя, и нет художника, который не мечтал бы тебя нарисовать. Как нет мужчины, который не мечтал бы о тебе, прекраснейшей из прекрасных, ради свободы отказавшейся от наслаждений Эроса. Вот ведь как странно: а мне, наоборот, чтобы добиться свободы, пришлось превратить

---

[33] Примечания: 33

Перевод О. Егоровой.

[34] Примечания: 34

Бернардо Тассо (1493–1569) — итальянский поэт, много работал при дворах итальянской аристократии. Автор рыцарской поэмы «Амадиджи», а также трактата «О поэзии». Отец Торквато Тассо.

[35] Примечания: 35

Лодовико Ариосто (1474–1533) — итальянский поэт, автор знаменитой поэмы «Неистовый Роланд». Долгое время служил у кардинала Ипполито д'Эсте.

[36] Примечания: 36

Лодовико Дольче (1508–1568) — итальянский писатель, драматург, переводчик эпохи Возрождения. Переводил и перерабатывал трагедии Еврипида и Сенеки в духе поэтики Возрождения. Автор теоретического

трактата «Диалог о живописи».

[37] Примечания: 37

Софонисба Ангуиссола (1532–1625) — итальянская художница, первая известная женщина-художница эпохи Возрождения. В период творческой зрелости работала в Мадриде при дворе Елизаветы Валуа.

эти наслаждения в тяжкий труд.

— Ни от чего я не отказывалась, Маргарита, просто я никогда не любила мужчин. Единственный, кого я любила, был мой брат, богатырь Луиджи, которого все звали Родомонтом, Хвастуном. Ты никогда о нем не слышала? Это был бог, и равных ему не было. Он был так красив и смел, что император призвал его ко двору, когда ему не было и двадцати. Он отличался силой Геркулеса. Однажды ему бросил вызов мавр, чернокожий гигант, и он не отступил, разорвав врага на куски, как Геркулес Кака[38]. Он меня вырастил и приохотил к мужским военным забавам. Наставники поражались моему литературному таланту. Я сочиняла стихи с семи лет, а к двенадцати уже владела греческим и латынью. Но когда пришел возраст любви, я растерялась: мне мешала разросшаяся грудь, смущал темнеющий пухом живот и пугала набухающая и периодически сочащаяся кровью расщелина. А я любила лазить по деревьям вместе с братом и проводила часы за этим занятием. Что же до мужчин, то их жеманные ухаживания

[38] Примечания: 38

Речь идет о десятом подвиге Геракла, когда Эврисфен потребовал похитить и пригнать коров Гериона. По дороге итальянский разбойник Как выкрал часть стада с острова Эрифия. Геракл убил Кака и забрал коров.

меня не интересовали. Какая же это мука — быть красивейшей женщиной Италии!

— Не жалуйся, Джулия, думаешь, я полюбила бы тебя, если бы не твоя красота? А каково любить других женщин и быть дурнушкой?

— Не красота в любви главное. Я любила некрасивых женщин, и еще с какой страстью! Может быть, ты первая, с кем я пошла на близость из-за красоты.

— Amor vincit omnia[39],— рассмеялась Маргарита и поцеловала ее в губы. — Это не ты пошла на близость со мной, это я тебя искала.

— Правда, на этот раз правда. Ты первая из женщин, кто домогался меня с такой дерзостью. И может быть, первая, кто чувствует, что красивее меня.

— Оставим сравнения. Скажи лучше, как случилось, что ты, отказавшись от ухаживаний красивых и умных мужчин, вышла замуж за больного старика?

— Я полагала, что имя и владения Веспасиано Колонны будут лучшей гарантией моей независимости. Его возраст и болезнь позволяли мне держать его на расстоянии, хотя я никак не ожи-

---

[39] Примечания: 39
Любовь побеждает все *(лат.).*

дала, что он умрет так быстро: со свадьбы года не прошло. В завещании он назвал меня единственной владелицей феода, при условии, что я больше не выйду замуж. И прекрасно, замуж я и не собиралась. Но все дело было в его дочери Изабелле: она могла посягнуть на мои права, едва родив наследника и даже раньше. Ей достаточно было выйти замуж, и мои вдовьи дела дали бы трещину. И я попросила брата, моего дивного героя, жениться на ней. Это был прекрасный план: Луиджи защитил бы меня и феод и завещал бы его своим наследникам, то есть моим племянникам. Чтобы убедить малышку Изабеллу, достаточно было показать ей портрет Луиджи, остальное довершила его слава. Чтобы убедить Папу и императора, хватило нескольких улыбок в адрес Ипполито Медичи, которому Климент Седьмой предназначал малышку Изабеллу. Мне удалось заставить его поверить, что, если брак разрешат, наши отношения станут развиваться легче: ну, ты же знаешь, как сентиментальны мужчины. В конце концов, чувства — это роскошь, которую они могут себе позволить, располагая только собой. У нас же все по-другому, мы должны завоевывать право на выживание, и чувство почти всегда становится помехой.

Маргарита понимающе ее обняла и откинула одеяло с груди Джулии, чтобы пахнущий медом осенний ветерок обдал прохладой ее бессильно откинувшееся на подушки тело. Джулия снова заговорила, стараясь преодолеть неловкость от взгляда Маргариты, так и оставшейся неудовлетворенной после ночи любви.

— План был великолепен, все расставилось по местам, я жила в Фонди хозяйкой феода рядом с обожаемым братом, и он отводил от меня претензии алчных итальянских вельмож. Изабелла наконец родила ребенка, моего Веспасиано, которому я была готова посвятить себя, чтобы он получил такое же блестящее воспитание, как и я. Но судьба распорядилась по-другому. Луиджи умер у меня на руках ледяным декабрьским утром тысяча пятьсот тридцать шестого года. Ему должно было исполниться тридцать два. Никогда не забуду муку его смерти.

На глаза Джулии навернулись слезы.

— Мне было никак не согреть дом. Я принесла в его комнату все жаровни, но огромные окна в проклятом палаццо не защищали от холода. Повсюду был лед, не помогали даже большие костры, зажженные на улице по случаю праздника Непорочного Зачатия. Луиджи весь дрожал, и я

не могла его согреть. А потом он умер, и я оплакивала и его, и себя. Все рушилось на глазах, никто больше не мог меня защитить. Оставался только всемогущий Ипполито Медичи, пожизненный папский кардинал-племянник, но и тот оставил меня через два года. Он был молод, силен и красив и в своем римском палаццо собрал самый причудливый двор в Европе. Ему служили воины всех наций: мавры, славяне, турки; о его серале ходили легенды; в его зверинце жили редкие африканские звери. Там была тигрица по имени Джулия, которая привлекала путешественников больше, чем могила святого Петра. Она отличалась свирепостью и однажды одним ударом лапы убила женщину, слишком близко подошедшую к клетке. Таков был Ипполито, сын Джулиано Немурского[40], который довольствовался моими портретами и улыбками. У его ног были все римские девственницы и куртизанки, но любил он только меня, может, потому что понимал: я никогда не буду ему принадлежать.

Маргарита приложила ей палец к губам и засмеялась:

— Мужчины всегда верны себе. Горе тебе, если

[40] Примечания: 40

Джулиано Медичи (1479–1516) получил от французского короля титул герцога Немурского.

уступишь сразу. Это первое правило, которому учат куртизанок.

Джулия поцеловала палец Маргариты и продолжала:

— С его смертью исчезла всякая надежда отстоять свою независимость. Изабелла желала получать доход с феода, и мне пришлось обороняться, как Ипполитовой тигрице. Кончилось тем, что я переехала в Неаполь, под покровительство моего дядюшки Ферранте Гонзаги. В келье монастыря Святого Франциска, из окон которой были видны Капри и Сорренто, я провела счастливейшие годы жизни. Там я познакомилась с Витторией и Вальдесом, философом, который уехал из Испании за Карлом Пятым. Этот благородный человек с чарующим голосом впервые дал мне понять, что такое сила веры и мужество сопротивления. Они с Витторией были самыми яркими личностями в городе. Виттория мне сразу понравилась, как только я ее увидела на празднике бракосочетания герцога Авалоса в палаццо Мерджеллина. Она появилась на пегой кобыле в попоне из красного бархата с золотой бахромой. Казалось, она сошла со страниц Овидия, хотя ее красота и не бросалась в глаза. В ее взгляде чувствовалась сила Везувия, ни у кого не было

таких глаз. Тонкий профиль с орлиным носом напоминал лицо с римских фризов. Такой человек ни за что не станет молить о пощаде только потому, что родился женщиной. С ней я открыла, насколько тесно женщины могут быть связаны друг с другом, вне зависимости от телесной привлекательности.

Маргарита налила себе воды из расписанного цветами глиняного кувшина, стоявшего в изголовье, и натянула одеяло до подбородка.

— Вам с Витторией повезло, что вы нашли друг друга: две самые сильные женщины Италии объединились под предводительством такого свободного мыслителя, как Вальдес.

— Да, ты права. А знаешь, я никогда не думала об этом совпадении. В те годы Вальдес проповедовал духовное обновление, и мы все — Виттория, я и наши друзья Фламинио и Приули, которых ты видела в Чивите, с готовностью впитывали в себя ферменты новой жизни. После его смерти мы пошли за его наследником, английским кардиналом Реджинальдом Поулом, который развил учение, доведя его до новых вершин.

— До опасных вершин.

Маргарита склонилась к белой груди, чтобы поцелуем смягчить завуалированный упрек.

— Теперь опасно даже просто жить. Как бы там ни было, а это моя жизнь. Какая разница, соединятся или нет все незначительные эпизоды несостоявшейся любви… Я не жалею о них после ночи с тобой, потому что поняла, что именно к ней я робко готовилась все эти годы.

Маргарита отблагодарила ее долгим поцелуем. Потом спросила:

— Зачем вы связались с такими радикальными и опасными религиозными кругами, да еще в большом городе?

Ей хотелось до конца понять этот революционный мирок. Вряд ли ей еще представится такая возможность. Она расспрашивала Джулию, как расспрашивала когда-то дожа, папского нунция и мавританских принцев, но у женщины было труднее что-либо выведать, используя наслаждение как инструмент. Она взяла руку Джулии и приложила ее к своей щеке, выкрадывая ласку.

— Реформа, за которую мы боремся, не упирается в теологические принципы. Она стремится освободить жизнь и веру от тирании предрассудков Римской церкви и поставить мужчин и женщин в равное положение, ибо вера проявляет себя не в официальных обрядах, а в духовных упражнениях, и Виттория доказала, что женщи-

ны справляются с этим не хуже, если не лучше мужчин.

Маргарита начинала что-то понимать в том переплетении гордости и страдания, что так крепко связало самых умных и самых знатных властительниц Италии. Теперь же пришла ее очередь кое-что разъяснить Джулии, которая без устали заглядывала в ее зеленые глаза и гладила рыжие волосы. В окно заглянуло солнышко и согрело им плечи.

— Маргарита, откуда ты взялась? Почему никто из нас ничего о тебе не знал? Ведь ты не куртизанка, то есть, должно быть, не совсем куртизанка. Мы знали Империю и Туллию Арагонскую — так велела называть себя женщина, которая и по сей день держит римский двор у своих ног. Они красивы, образованны и владеют утонченными манерами, но с тобой у них мало общего. Твоя культура — не культура содержанки, твои знания подавляют. Не может такое юное существо, а тем более девушка, столько знать. Меня всегда считали чудом учености, но мне далеко до тебя. А красота твоя вскормлена не для постели, а для военных действий. У тебя мускулатура воина. Я видела, как в саду на рассвете ты делала упражнения, которые когда-то делал мой брат и которые

я считала невыполнимыми для женщины. И этот твой приезд в Рим, когда кардинал пригласил тебя… Даже если дело касается папского внука, куртизанка твоего класса не может покориться одному мужчине и все время оставаться его жертвой, будь то хоть сам император. Зачем же тебе ехать за Алессандро в Парму, в эту вонючую дыру, в которой станет совсем нечем дышать, когда туда явится Пьерлуиджи со своим «двором чудес»[41]?

На эти вопросы Маргарита ответила поцелуями, но Джулия не дала сбить себя с толку:

— Нет уж, малышка, на этот раз отвечай. Я выдала тебе самые сокровенные тайны, теперь очередь за тобой.

Из деликатности Маргарита не позволила себе ответить, что все тайны Джулии давно стали всеобщим достоянием во всех городах Италии, по крайней мере в тех кругах, чья жизнь проходит в обсуждении чужих дел.

— В моей жизни нет ничего особенно интересного. Неважно, где я родилась и почему ушла из дома: эта жизнь кончилась навсегда. В Венеции мне повезло с наставниками. Этот город

---

[41] Примечания: 41

Джулия намекает на парижский «Двор чудес», то есть на огромный централизованный воровской притон.

— перекресток народов, где причудливо смешиваются Восток и Запад. Я не принадлежала ни к тому ни к другому, зато мои учителя разительно отличались друг от друга: это были ученые из Александрии и Багдада, индийские принцы, китайские воины. И каждый из них преподал мне свой урок. Были среди этих уроков и такие, которые женщинам не преподают. Происхождение поставило меня в такие условия, что я быстро поняла, как драгоценно знание, а остальное довершила щедрая природа, наделив меня красотой, благодаря которой я всегда имела преимущество. Я не еду за Алессандро, я кружным путем возвращаюсь домой. Мне просто нужна его помощь в достижении одной жизненно важной цели, к которой я иду не один год. Потом я вернусь в Венецию, в город, который не задает лишних вопросов и который трудно чем-нибудь удивить.

Джулию такой ответ не удовлетворил, но она поняла, что больше ничего от Маргариты не добьется. И все же ей очень хотелось узнать, что же это за цель такая и не может ли она чем-нибудь помочь.

— Что за цель, Маргарита? У меня безграничные связи, и я наверняка смогу тебе помочь, само собой, абсолютно безвозмездно. Я не строю иллю-

зий и понимаю, что нам не суждено соединиться и другой такой ночи у нас не будет, но мне очень хочется что-нибудь для тебя сделать, пусть даже то, что дала мне ты, бесценно.

Вместо ответа Маргарита одним движением оказалась над ней, придавив ее маленькую грудь своими роскошными, глядящими врозь грудями. Она развела ей ноги и снова начала сверху вниз тереться лобком о ее лобок, пока Джулия инстинктивно не стала повторять ритм ее движений, скрестив ноги у нее за спиной. Глаза Джулии затуманила волна наслаждения, и последнее, что она услышала, был шепот Маргариты:

— Джулия, покорись… Есть вещи, которые тебе может дать только мужчина…

XIII
УБИЙСТВО ПЬЕРЛУИДЖИ

Маргарита приехала в Феррару глубокой ночью, когда все двери были уже давно закрыты. Благодаря охранной грамоте Ренаты ей открыли сначала ворота города, а потом и двери замка, города в городе, настолько укрепленного, что, наверное, сама мысль о штурме могла напугать кого угодно. Его стенам и бомбардам не было равных в Европе.

Солдаты разбудили слуг Ренаты: они знали ее характер и не осмелились побеспокоить герцога в такой неурочный час, когда снег тут же засыпал следы, едва лошадь поднимала копыта. Их не удивил высокий и ломкий голос одинокого путника, который прискакал посреди ночи, в шляпе, надвинутой так низко, что даже глаз не было видно.

Рената сама вышла навстречу гостю в длинный коридор, огибавший крытую галерею второго этажа. Она накинула на себя соболью шубу, которую две сонные служанки, суетясь и размахивая руками, безуспешно пытались на ней запахнуть.

Прочтя охранную грамоту, она была очень встревожена неожиданным визитом подруги среди ночи. Когда же вместо нее она увидела мужчину, с головы до ног завернутого в длинный плащ, так что торчали только носки сапог и кончик шпаги, она чуть не упала в обморок от страха. Что, если этот человек убил Маргариту и завладел пропуском, который она ей дала? Двое стражников подняли над головами зажженные факелы, озарившие ледяную темноту ночи.

Высказать свои подозрения Рената не успела: из-под шляпы на нее смотрели знакомые зеленые глаза. Она узнала Маргариту, и у нее отлегло от сердца.

Не выдавая своих чувств, она обернулась к стражникам:

— Можете идти, я сама займусь гостем. Завтра явитесь ко мне и получите за службу награду.

Стражники поклонились до земли, не проронив ни слова, а женщины направились к покоям герцогини, освещая себе дорогу фонарем.

Едва они вошли в комнату, как Рената сбросила с плеч подруги тяжелый плащ и закутала ее в соболью шубу, которую успела согреть теплом своего тела. Маргарита упала на диван.

— Принесите отвара из мальвы и розового ме-

ду, скорее!

Рената стянула с нее сапоги и кожаные чулки.

— Ничего, Рената, со мной все в порядке. Теперь мне надо только выспаться в тепле, и назавтра я продолжу путь дальше.

— Ехать дальше? Маргарита, да ты только приехала, а уже хочешь уезжать! Должно быть, с тобой случилось что-то страшное, если ты отважилась на путешествие в такой снегопад. Но сейчас меня это не интересует. Надо подумать о том, чтобы ты осталась в живых. Холод не знает жалости, хотя ты и кажешься скроенной не из плоти, а из железа.

Вернулись служанки с отваром мальвы и розовым медом, и Рената заставила подругу все это выпить. По телу Маргариты разлилось тепло, и лед, сковавший ей желудок и тело, начал потихоньку таять. Тепло спустилось к ногам, которые энергично растирала Рената.

— Помогите мне перенести ее на постель.

Они взяли Маргариту на руки и опустили на ложе Ренаты, на котором вместе с хозяйкой свободно разместились бы еще человек десять.

— Теперь можете идти. Завтра не входите в комнату, пока я сама не позову. И никого близко не подпускайте, ни под каким видом. Лукреция,

прежде чем уйти, проверь, достаточно ли дров в камине: мне нужен сильный огонь. Если недостаточно, принеси еще.

Она уложила Маргариту на подушки, укрыла двумя шерстяными одеялами и сверху набросила соболью шубу, которой и одной вполне бы хватило, чтобы согреть девушку, уже провалившуюся в глубокий сон.

Рената с озабоченным видом уселась рядом, гладя ее по волосам и все прикладывая руку ко лбу, чтобы проверить, нет ли жара. Свечи гасли одна за другой, и в конце концов комната оказалась освещена только лунным светом, проникавшим сквозь незанавешенные окна. Снегопад прекратился, и луна, усиленная снежной белизной, так ярко освещала комнату, что Рената смогла ясно разглядеть лицо Маргариты до мельчайших черточек: длинные ресницы вздрагивают, губы крепко сжаты, лоб нахмурен, словно во сне она сражается со страшным врагом. Она погладила девушку по лицу, как когда-то гладила своих детей, и ночной кошмар отступил под ее рукой: лицо Маргариты разгладилось и приняло спокойное, мирное выражение. Только тогда Рената успокоилась и закрыла глаза, положив голову на подушку рядом с девичьим лицом.

Первое, что увидела Маргарита, открыв глаза, было большое окно, разделенное пополам колонкой, которое выходило во внутренний садик палаццо. Снег бесшумно падал крупными хлопьями на макушки деревьев, они наклонялись и время от времени с облегчением шумно сбрасывали снежную шапку, которая тут же снова начинала нарастать. В белом оконном проеме неподвижно стояла Рената и глядела на падающий снег. Серое платье почти прямо спадало до самых ног, белая блузка была присборена у ворота и на рукавах. Руками она придерживала цветастую шерстяную шаль, лежащую у нее на плечах.

— Доброе утро, Рената.

— Доброе утро, слава богу, ты вернулась к жизни. Как ты себя чувствуешь? Ты спала как убитая, и это добрый знак.

Маргарита с улыбкой оперлась руками на постель и села. Рената тут же оказалась возле нее, словно та собиралась упасть.

— Подожди, подожди, я тебе помогу, — произнесла она и подпихнула Маргарите под спину подушки.

— Да я не больна, я просто очень устала. Ты спасла мне жизнь. Если бы не твоя охранная гра-

мота, я бы по весне вытаяла из снега где-нибудь в глубине рва перед вашим замком.

— Не говори таких ужасов. Ну теперь-то ты можешь объяснить, что случилось? Почему ты примчалась без сил, среди ночи, в солдатской одежде?

Маргарита улыбнулась, взяла руку Ренаты и поцеловала.

— Знаешь, почему я приехала именно к тебе, Рената?

— Я думаю, потому что знала, что у меня дом хорошо отапливается.

— Не шути. Я приехала потому, что была уверена: ты не станешь задавать лишних вопросов. Ты женщина необыкновенная и хорошо знаешь, что не на всякий вопрос есть ответ, как не всякую любовь можно разделить.

— Ох уж все эти сложные рассуждения… Никогда тебя не разберешь. Месяц тому назад я распростилась с тобой, когда ты уезжала в Парму с эскортом, которому позавидовала бы любая королева. А теперь я нахожу тебя под стенами своего замка одну, в солдатском платье, да еще в такую погоду! Хотя бы что-то ты должна объяснить.

— Ну, скажем так, с Алессандро и всеми прочими все в порядке, только эта жизнь для меня

кончилась навсегда. Я больше не Маргарита, я Димитрий, студент с Кипра. Я возвращаюсь домой к отцу, богатому негоцианту. Если ты велишь приготовить мне теплую ванну в нижней бане, о которой я вздыхала с самого отъезда, я буду вечно тебе благодарна и обещаю писать каждый месяц. Если же ваша реформа сорвется, к вашим услугам будет одна из вилл моего отца, и вы сможете кончить свои дни под сенью апельсинов и фиников. А почему бы и нет? В загорелых объятиях какого-нибудь местного морского божества. Мавры знают женщин гораздо лучше христиан, уж во всяком случае, не относятся к ним только как к теплому прибежищу, где можно спрятаться от страха или пересидеть приступ меланхолии.

— Маргарита! — со смехом вскричала Рената.

У себя при дворе она, казалось, подрастеряла ту отвагу, которой отличалась в Риме. Однако сразу же окунулась в воображении в темное, как Гомерово вино, море, где светящийся горизонт то и дело пересекали прыжки дельфинов Галатеи… А почему бы и нет? И из волн выходил к ней на берег сияющий нагой Посейдон, а на песке виднелись еще следы Венеры, которую вынесла на землю благоуханная волна. Однако, бросившись в мир мечты, вызванный словами подруги, она

не переставала жалобно повторять:

— Маргарита, Маргарита…

Потом решительно и жестко сказала:

— Ладно, Димитрий, Маргариты больше нет. Пошли вниз?

Баня представляла собой большой бассейн, от которого поднимался ароматный парок, каплями оседавший на стенах, отделанных порфиром и желтым мрамором. Выше по стенам четыре фрески в жемчужных рамках изображали сцены любовных похождений Венеры. На первой Адонис склонил голову на голые колени богини. На второй смуглый, как негр, Марс неистово овладевал ею на глазах у бедного хромого Вулкана. На фресках напротив Венера завязывала глаза Амуру, а на последней на нее с отчаянием глядел Сатурн. Он лихорадочно искал в воде отсеченный серпом Урана член, который сразу же оплодотворил море и породил эту дивную богиню, до сих пор дорогую всему миру.

Маргарита разделась и вошла в воду. За окном все еще шел снег, и по серому небу неслись его крупные хлопья.

Почти час спустя Маргарита вышла из воды и, завернувшись в белую льняную простыню, уселась перед зеркалом в нише за бассейном.

Рената глядела на подругу, еще оставаясь в воде. Маргарита наклонилась к сумке, которую положила вместе с одеждой на пол, и собрала рукой рассыпавшиеся по спине рыжие волосы. Рената подумала, что одного вида этой спины хватило бы, чтобы очаровать любого мужчину, но тут внезапно мысль ее была прервана: Маргарита достала из сумки ножницы, щелкнула ими на уровне шеи, и роскошная медная грива упала к ее ногам, как золотое руно.

— Стой, ты с ума сошла! Что ты делаешь, Маргарита, ради бога! — что было силы закричала Рената, пытаясь остановить мерзость, которую обычно проделывали с ведьмами перед костром.

Девушка спокойно обернулась к ней:

— Димитрий, Рената, я Димитрий.

Эта сцена потрясла герцогиню Феррары гораздо больше, чем вид убийства. Она голышом выскочила из воды, собрала с пола волосы, сразу утратившие живой блеск, и заплакала. Что было для женщины более унизительно, чем вот так отрезать волосы? Герцогиня решила, что подруга повредилась в уме, но у той на лице была написана такая решимость, что Рената не отважилась больше на эмоции.

— Я должна была это сделать, Рената, от этого

зависит моя жизнь.

— Зависит жизнь? Что же ты такого натворила, что приходится искупать таким образом? Маргарита, я герцогиня Феррары, никто не посмеет причинить тебе зло в моем доме, где ты находишься под моим покровительством. Неужели ты настолько меня недооцениваешь? Если ты думаешь, что меня так легко побороть, ты ошибаешься. Многие пробовали. В моем доме находили убежище все, кого преследовала полиция, и я никого из них не позволила тронуть. Что происходит? Прошу тебя, не оставляй меня в неведении.

— Рената, скоро ты узнаешь все, но сейчас, прошу тебя, не задавай вопросов и помоги мне бежать.

— Бежать из моего дома? Если ты думаешь, что в Италии есть еще хоть одно такое же надежное место, то ты сошла с ума.

— Завтра на рассвете в устье По за мной придет лодка и отвезет на венецианскую галеру, которая следует к Кипру. Я должна сесть в эту лодку греческим студентом по имени Димитрий. Для меня это единственный путь к спасению. Поверь мне, другого пути нет.

Маргарита достала из сумки пузырек с темной

жидкостью и стала втирать ее ладонью в волосы, которые начали темнеть и в конце концов сделались черными и курчавыми, как у мавра. А цвет лица остался прежним: цветом первой розы лета. Она провела кисточкой по бровям и ресницам и втерла какой-то крем в щеки, которые сразу огрубели, как у юноши после первого бритья. Когда она поднялась, скинув белое покрывало, зрелище было волнующим: голова юноши на теле прекраснейшей из женщин. Она попросила Ренату подержать конец полотенца и стала, крутясь вокруг себя, заворачиваться в него, чтобы затянуть грудь. Когда же она натянула штаны, то отличить ее от юноши не удалось бы и самой опытной из куртизанок. Тело ее выглядело крепким и пружинистым, как у спартанского воина.

— Кто тебя всему этому научил?

— Один восточный любовник, индус. Он убедил меня, что тело — всего лишь продолжение воли и воля способна изменить любую его часть, даже приподнять его над землей. Успокойся, он не был дьяволом, да и я не достигла такого мастерства. Но упражнения, которые он делал каждое утро, укрепили мне ноги и руки, и теперь я, пожалуй, могу тягаться силой с мужчиной и даже могу победить. Жаль, что нет времени тебя этому

научить, ты могла бы достигнуть результатов, которые поразили бы мир.

Когда Маргарита закончила говорить, она полностью превратилась в мужчину, и в ней не было ничего от той нимфы, которая недавно вышла из бассейна. Рената заплакала от волнения и чувства невосполнимой утраты. До сих пор она жила в уверенности, что знает о мире все, гораздо больше, чем было положено женщине ее статуса. Теперь же она растерялась перед этой необыкновенной девушкой. Она обладала возможностями, о которых Рената и не подозревала. И ей было бесполезно противостоять, особенно теперь, когда она превратилась в юношу. Рената крепко обняла Маргариту и поцеловала, как поцеловала бы брата, и отказалась от любых вопросов, заметив, что последний луч солнца погас за крепостной стеной, покрытой высокой снежной шапкой.

Стража Ренаты шла рядом с Димитрием, оставляя на снегу глубокие следы. За стеной открылась лестница к пристани на канале, соединяющемся с По. Канал затянуло тонким слоем льда, покрытым снегом. Стражники сняли с лодки серый вощеный тент и стали ломать веслом ледяную корку, которая легко поддавалась. С первых же ударов открылась темная полоса воды, в которой

снег таял, как сахар. Рената видела, как лодка двинулась, сначала с трудом, а потом все легче и легче, и выплыла в струю течения, где вода не замерзала. Сквозь летящие хлопья снега она различала медленно удаляющуюся лодку, и ей показалось, что с лодки ей помахали рукой.

Рената вернулась в комнату и почувствовала, что не в состоянии ничего делать. Ее утешала только мысль, что до устья По Маргарита доплывет в безопасности, на герцогской лодке, в сопровождении надежной охраны. Она глядела, как снег засыпает сад и опоясывающую его стену, и ей хотелось, чтобы снег засыпал и тоску, грызущую сердце. Она не понимала, почему так привязалась к этому странному созданию. Конечно, ее саму отличала склонность к крайностям, и именно эта черта характера позволяла ей выживать в королевском статусе, когда вся жизнь изуродована соображениями политики и власти. Маргарита стала для нее искушением, она представляла иной порядок, иной закон, отличный даже от того, что проистекал из новой веры, которую Рената поддерживала и распространяла с риском для жизни. Но ради чего рисковала жизнью Маргарита, которая, казалось, была равнодушна к вопросам веры?

Остаток ночи и весь следующий день пролетели вместе со снежными хлопьями, не устававшими падать. Рената отослала служанок, пришедших накрыть стол к обеду, и музыкантов, которых прислал муж, чтобы она не скучала.

После заката он явился сам, из осторожности велев доложить о себе одной из придворных дам, с утра собравшихся в комнате прислуги и вышивавших покрывала к весенним праздникам.

Эрколе II д'Эсте был высок и статен, как того требовало его имя[42]. Страсть к застольям округлила его фигуру, придав ему величавость. На нем была длинная, до полу, волчья шуба и опушенные мехом кожаные сапоги. Круглое лицо покрывала борода еще гуще, чем мех на шубе, и, когда Рената увидела его в саду, она решила, что это медведь проник за ограду.

— Рената, как ты? Служанки сказали, что ты отказалась есть. Что такое случилось?

— Ничего не случилось, просто хандра.

— В таком случае у меня есть для тебя новость, от которой твое настроение наверняка поменяется.

Он протянул жене пергамент с печатями, кото-

---

[42] Примечания: 42
Ercole — по-итальянски Геркулес.

рый ему только что привез гонец из Мантуи на лодке кардинала Гонзаги.

Рената медленно развернула пергамент и без всяких эмоций прочла весть об убийстве Пьерлуиджи Фарнезе. Это была хорошая новость: мир избавился от «ужаснейшего из людей», как его описал имперский посол в Риме. Но тут же она вспомнила слова Виттории, сказанные в Орвьето, и ее охватила тревога. Смерть Пьерлуиджи означала сокрушительное поражение семьи Фарнезе и могла стать началом ее падения. Поддержка, которую Фарнезе гарантировали их группе, могла теперь иссякнуть, и последствия будут для них драматическими. Было нелегко догадаться, кто так зверски расправился с герцогом Пармы и Пьяченцы. Отважиться на месть человеку настолько опасному и натворившему столько бед мог кто угодно. Может, и сам император, с помощью пармской знати, оказавшейся вдруг под властью животного, от которого не приходилось ждать ничего хорошего. Но невозможно было представить себе, каким образом удалось обойти многочисленную, хорошо проверенную стражу Пьерлуиджи.

Эрколе стоял у окна, почти полностью закрывая его своим массивным телом. Белесый свет за

окном померк, и только мельтешение снежинок обозначало его темный, взлохмаченный силуэт. Он обернулся, чтобы зажечь свечу на столе Ренаты, и ей было приятно услышать, как постепенно смягчался его ворчливый голос, пока он подходил к ней.

— Чтобы разобраться в этом преступлении, нам надо подождать несколько дней. Но сомневаюсь, чтобы Папе или молодому Оттавио снова удалось завладеть герцогством Пармы. Так что новость хороша во всех смыслах. Иметь такого соседа — сущее наказание, я и сам, вместе с Эрколе Гонзагой, собирался его убить. Но провидение, слава богу, на этот раз нас опередило.

Герцог наклонился к Ренате и легким прикосновением приподнял ее подбородок своими толстыми, как ветки деревьев, пальцами.

— Рената, Рената, что замышляешь ты в своей красивой голове? Ты знаешь, что я всегда относился с уважением к твоим самым тайным мыслям. Я восхищался твоей силой и мужеством, сострадал твоему одиночеству в этой чужой и враждебной стране. Насколько мог, я всегда тебя поддерживал, даже наперекор многочисленным советам. И впредь буду так поступать! Пока я жив, тебе нечего бояться. Да улыбнись же, наконец!

Она подняла глаза, но улыбки не получилось: по лицу текли слезы, добравшись уже до подбородка.

— Хоть я и нечасто говорю тебе об этом, я люблю тебя, Рената!

Он наклонился еще ниже и прижался к ее губам своими маленькими пухлыми губами, по крайней мере, той их частью, что виднелась из-под бороды. Смущенный тем, что так расчувствовался, герцог удалился из комнаты, уже погрузившейся в темноту, и медленно прикрыл за собой позолоченную дверь.

Оставшись одна, Рената уселась за письменный стол и начала писать шифрованные письма, чтобы уведомить друзей о только что происшедших событиях, поделиться гипотезами и соображениями, в надежде, что и само убийство, и скорость, с какой к ним пришло известие о нем, будут на руку их плану.

На следующее утро снег не прекратился, и только к вечеру показалось бледное солнышко, заставив засверкать обледеневшие ветви садовых деревьев. Птицы старались добраться до сохранившихся на ветках ягод и расклевывали лед, поднимая тучи сверкающей пыли и весело щебеча.

Рената подошла к окну посмотреть на засыпанный снегом сад. Следы Маргариты у калитки, ведущей к каналу, давно исчезли, и ей подумалось, что все это был сон и никакой гость не приезжал и не уезжал.

Только совсем вечером, когда последние лучи закатного солнца погасли в окне, она увидела, как открылась калитка, сбросив с себя толщу снега, и в сад проскользнула темная тень, направившись к потайной двери в ее комнаты. Это был Джулиано, тот самый капитан, которому она поручила Маргариту. Она бросилась к гардеробной, быстро накинула горностаевую шубу и сбежала по лестнице ему навстречу.

— Джулиано, ну что? Все прошло благополучно? Дев… Юноша добрался до устья? Вы доставили его целым и невредимым?

— Все в порядке, герцогиня, путешествие прошло спокойно. Нам повстречались только несколько лодок с бедолагами, пытавшимися ловить угрей. Корабль юноши… — и капитан опустил глаза, чтобы не подать виду, что понял уловку своей хозяйки, — пришвартовался возле острова Кьоджа, мы пристали к нему как раз на закате, и ваш гость поднялся на борт. Моряки сразу же подняли якорь и сейчас, наверное, уже

прошли мыс Конеро. Море ровное, как тарелка, и попутный ветерок в два счета домчит их по ту сторону Адриатического моря. Будьте спокойны, судно хорошо вооружено, и вряд ли кто рискнет на него напасть.

Рената перекрестила лоб и прошептала благодарение Богу. От счастья у нее повлажнели глаза, и она снова погрузилась в состояние отупения, в котором пребывала два последних дня. Капитан сунул руку под плащ и вытащил из сумки объемистый свиток пергамента, запечатанный перстнем, который она подарила Маргарите.

Принимая у него свиток, Рената вспыхнула. Это была веревка, которую ей бросили, чтобы не дать утонуть в пучине неведения, то самое объяснение, на которое она не могла и надеяться. Герцогиня порылась в карманах, рассчитывая чем-нибудь наградить капитана за службу. В эту минуту она отдала бы ему любое из сокровищ, но в карманах было пусто. Рената взглянула себе на руки и сняла изумрудное кольцо, которое никогда не снимала и считала приносящим счастье. Но капитан мягко ее остановил:

— Герцогиня, лучшая из наград — служить вам.

И, низко поклонившись, пошел к калитке.

Рената влетела в свою комнату и заперла дверь на железную задвижку. В комнате было темно, и тьма рассеивалась только возле окна, где белый отсвет снега перекрывал слабый свет лампадки, зажженной накануне вечером Эрколе. Она поискала по комнате и составила на стол все свечи. Склонившись над ними со спичкой, она заметила, что из-за стены замка вышла луна. В мозгу вспыхнула мысль о гроте Дианы, где она впервые встретила Маргариту, и, не отдавая себе отчета, она стала молиться, прося богиню, чтобы в письме не было ничего такого, что повергло бы ее еще глубже в отчаяние, которое охватило ее с самого отъезда Маргариты.

Письмо было написано на бумаге герцогини и запечатано ее сургучом. Когда же Маргарита успела его написать? Она взглянула на догоревшие свечи на столе. Значит, писала ночью, пока Рената спала.

Ровный, мелкий почерк Маргариты погрузил Ренату в тот мир, который ей не удавалось понять и в котором звучал спокойный голос подруги.

———

Пьерлуиджи никогда не сомневался, что овладеет мной. Ни одна женщина, ни один мужчина

не могли ему противостоять, а кто пытался, заплатил за это жизнью.

Он сразу же взглядами дал мне понять, что я должна принадлежать ему, хотя тот факт, что я уже принадлежу его сыну, и заставлял его повременить и дождаться удобного случая, чтобы не привлекать внимания семьи. Его в этом убедила супруга, самый верный сообщник всех его мерзостей и насилий. Ни один мужчина так не ненавидит женщин, как она.

В Риме я сделала вид, что не заметила его настойчивых взглядов, но в Парме сама начала строить ему глазки. Спустя неделю, не обменявшись ни единым словом, мы уже оба искали удобного случая. Его вдохновляла сама мысль, что он сможет соперничать с собственным сыном, повинным только в том, что богатство и могущество свалилось на него в расцвете молодости. Самому же Пьерлуиджи досталось только могущество злоупотреблений, да и то когда уже болезнь окончательно сломила его.

В рождественский вечер мы встретились на мессе, которую служил Алессандро. Кардинал, как и обещал, приехал в Парму, чтобы помочь отцу войти во владение герцогством и подданными, принявшими его так враждебно.

Я сидела в полумраке семейной ложи, едва освещенной свечами, вместе с женой Пьерлуиджи и его бесчисленными слугами, что расположились в другой ее половине. Посреди мессы я почувствовала, как холодная, дрожащая рука сына Папы сжала мою, приподняла и положила себе между ног, на безжизненный, мягкий сгусток плоти. Я слегка надавила ладонью и попыталась определить контуры бессильного комочка. Пьерлуиджи, не шевелясь, пристально глядел на алтарь, пока его сын приподнимал просфору над золотым потиром.

Удивленная его желанием, я нащупала дорогу, сдвинув рубашку и пояс, и добралась до теплого куска мяса среди влажных и жестких волос. Он удовлетворенно обернулся, явно не ожидая от меня такой податливости. Я осторожно отделила пальцами член, который тут же начал наливаться под моей ладонью. Это действие необходимо каждой куртизанке, которая хочет разбудить чувства мужчины, притупленные старостью или пресыщенностью. Мне удалось привести его к достаточной эрекции, и я начала потихоньку двигать кожу вдоль члена, подкрепляя ласку легким нажимом большого пальца.

Поняв, что он отвечает легкими подергивани-

ями в ритме движения моей руки, и услышав учащенное дыхание старика, я отдернула руку, воспользовавшись тем, что за этой сценой пристально наблюдала супруга, возбужденная ничуть не меньше Пьерлуиджи.

Он обернулся ко мне и, наверное, ударил бы, если бы его не удержала властная рука жены. Его сын кардинал спокойным голосом объявлял пришествие Христа, и горожане, которых стражники силой подталкивали к нашей ложе, разразились криками ликования.

Когда месса кончилась, Пьерлуиджи подошел и схватил меня за руку со всей силой, какую ему позволяла болезнь. Он жестом приказал страже отойти и злобно прошипел мне на ухо:

— Я тебя хочу, сегодня же вечером. Ты отвратительнейшая из путан, которых я знал, и ты зажгла огонь в моем теле.

Ниточка слюны спускалась по его подбородку, и он с такой яростью стискивал мне руку, что, наверное, сломал бы, будь у него достаточно сил.

— Вы с сыном меня погубите. Имейте же жалость, прошу вас. Я сделаю все, что только пожелаете, — произнесла я слова роли, которые он ожидал услышать.

— Я тебя хочу сразу, путана. Не желаю ничего

слушать. Ты путана и сама разберешься с моим сыном.

Пьерлуиджи не хотел упустить возможность удовлетворить желание, которое я разбудила в нем, может, впервые за многие годы. Я сделала вид, что вмиг придумала план, который скрупулезно вынашивала много дней. Мы находились в двух шагах от внутреннего дворика, окруженные толпой, старательно изображавшей радость. Толпу сдерживали стражники, явно превосходившие ее количеством.

— В конце коридора второго двора палаццо, где расположены покои женщин, есть лестница, ведущая в комнату моей служанки. Приходите через полчаса, я постараюсь избавиться от Алессандро и отослать прислугу спать в мою комнату. Прошу вас, об этом никто не должен знать, я буду вашей до конца дней, но спасите меня от гнева вашего сына.

— Путана, — прошептал Пьерлуиджи, смеясь. — Наконец-то потаскуха моего класса. Мы созданы друг для друга, вот увидишь, ты не пожалеешь.

Даже теперь, даже в таком состоянии, он питал иллюзию, будто добился наконец того, что я обязана ему предоставить.

Комната служанки выходила на винтовую лестницу, которая вела в одну из башен палаццо. Оттуда до одного из служебных входов было несколько метров. Вход охранял красивый и пылкий мальчик-испанец, который ждал меня с предыдущей ночи, чтобы снова повторить игры, оглушившие его накануне вечером.

Пьерлуиджи открыл дверь комнаты, где я поставила множество свечей.

— Зачем такой яркий свет? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ваши глаза тоже насладились, синьор герцог.

Я была уже готова и одета только в легкую шелковую сорочку.

— О господи, вы сказали стражникам, что идете ко мне? Как же вам удалось уговорить их отпустить вас одного?

— Не волнуйся, двое стоят в начале коридора, но они не знают, в какую комнату я направился. Дворец хорошо охраняется снаружи, и для такого гадюшника, как этот, хватит и двоих.

Пьерлуиджи взял с собой свой маршальский жезл, как я попросила его во дворе. Он никогда с ним не расставался, хотя все знали, что в его руках этот символ воинской доблести превращался в оскорбление воинской чести, ибо никогда не

использовался в открытом бою, зато мог похвалиться десятками убийств.

Я взяла жезл и поцеловала его в знак того что покоряюсь его власти. Ему это было не впервой, ведь женщины непостижимы в своих жертвах. Я просунула жезл себе между ног, и это его сразу завело.

В письме стали появляться недописанные и зачеркнутые слова, чернильные пятна, даже дырки в бумаге. Рената поняла, насколько тяжел был для Маргариты этот рассказ, и от боли подруги, которую она наконец почувствовала сполна, ее охватил такой гнев, что она с трудом удержалась, чтобы не изорвать письмо в клочки. Но теперь она тоже оказалась в ярко освещенной комнате, накалившейся от свечей и нездоровой страсти, и выйти из нее могла только вместе с подругой.

В ярком свете свечей я помогла ему раздеться и принялась ободрять его ласками, которые на этот раз удались лучше. Я решила, что в этот вечер его сила исчерпала себя в игре, затеянной еще в соборе, настолько беспомощно болтался между истощенных болезнью ног предмет этой силы. Только когда я начала забавляться с жезлом, он проявил какие-то признаки жизни: розовый

червяк дрогнул, начал наливаться и чуть приподнялся над двумя болтающимися сморщенными мешочками. Еще немного — и мой спектакль стал давать плоды. Я и сама была настолько поглощена и возбуждена тем, что наконец-то мне представился случай, к которому я так долго готовилась, что пару раз чуть не поранилась, запихивая в себя жезл. Хотя орудию Пьерлуиджи и не удалось подняться на достойную высоту, он был близок к стадии возбуждения, которой, может, никогда и не достигал, ибо никогда ему не попадалась женщина, жаждавшая встречи с ним больше собственной жизни. Он нещадно терзал свой пенис, пытаясь его еще удлинить и увеличить, чтобы потом добраться до любой части моего тела. Глаза его вылезли из орбит, дыхание превратилось в хрип. Струйка слюны бежала по бороде и исчезала в серой шерсти на груди.

У Ренаты перехватило дыхание, к горлу подступила тошнота. Она вскочила с места, словно в лихорадке. В бредовом тумане, окутавшем комнату и ее мысли, она искала хоть какое-то оправдание унижению, которому подвергла себя Маргарита и которому подверглась она сама, читая письмо. Она отказывалась это понимать, но, повинуясь инстинкту, не раз спасавшему ее,

снова села и постаралась не закрывать глаза на разворачивающуюся перед ней трагедию.

Когда он увидел, что я взялась за сумку, он побледнел от любопытства, что за игру я еще ему предложу. Я распустила петли, которые сама пришила, и натянула на его голый торс корсет. Он не сопротивлялся, только спросил меня, что это такое.

— Епископский корсет, ты что, его не узнаешь? Тут внизу не хватает куска, ты оторвал его десять лет тому назад, чтобы заткнуть рот моему брату, а твои люди держали его. Козимо Гери, помнишь это имя? Помнишь, как он был красив? Все любили его за красоту и чистоту. Ты изнасиловал его и довел до смерти.

Пьерлуиджи собрался закричать, но я уже засунула ему в рот кусок материи, чтобы он замолчал. Ему не удалось заорать, даже когда я ударила его коленом в живот со всей силой, что накопилась за десять лет боли. Герцог согнулся пополам, а я связала ему руки. Мне хотелось, чтобы эта мука продлилась как можно дольше, меня одолели все демоны небесные и земные, и в зеркале я увидела лицо Артемиды Эфесской. Только потом я поняла, что это мое лицо. Как фурия, я вонзила в его зад тот самый жезл, которым пользовалась минутой

раньше, чтобы его возбудить. Поначалу я ощутила сопротивление плоти и чуть не остановилась, но в этот бесконечный миг я вспомнила, что сопротивление и распалило его, когда он насиловал моего брата. Спрятавшись под столом, я до крови кусала руки, глядя, как ноги Пьерлуиджи устанавливались поудобнее между беззащитно раздвинутыми ногами брата. Я слышала все, что он бормотал в возраставшем возбуждении, все его комментарии, адресованные людям, крепко державшим Козимо, и наконец крик агонии, когда мой бедный брат сдался. Я знала, что Козимо покорился, чтобы спасти меня: его приводила в ужас мысль о том, что они могли бы сделать со мной, если бы обнаружили меня под столом. Молчание, с которым Козимо вытерпел насилие, было величайшим даром любви, которого никто больше мне никогда не подарил. Окаменев от ужаса, как и любая восьмилетняя девочка на моем месте, я не отрываясь глядела на ноги Пьерлуиджи в спущенных на сапоги штанах и прижимала к себе корсет, который они сорвали с моего брата, швырнув его на землю. Я сжимала его и клялась жестоко отомстить. Эта мысль составила всю мою дальнейшую жизнь, каждый ее день, каждую минуту. Это повинуясь ей я во-

ткнула жезл папского гонфалоньера в потроха сына Павла III, которые наконец лопнули под натиском железа.

Он сразу же потерял сознание, и мне нетрудно было подтащить его к окну. Снег ворвался в комнату, словно его вбросили нарочно, но я едва почувствовала холод на обнаженном теле. Звук падения заглушил мягкий слой снега, покрывавший землю.

Я увидела, как медленно опускается белое облачко, поднятое упавшим трупом. Одевшись, я спустилась по темной лестнице.

Теперь я могла спокойно умереть. Если бы меня нашли, я раскусила бы пилюлю с ядом, которую держала во рту. Но никто не охранял дверь башни, закрытую изнутри. Когда я прошла мимо распростертого на снегу тела, вокруг не было никакого движения и слой снега уже начал покрывать тело и кровь, вытекавшую из разбитой головы. У ворот меня ждал мой испанец. Он был уверен, что я бегу из города из-за него. Он дал мне обещанного коня и крепко обнял, плача от разочарования, что я уезжаю.

Остальное ты знаешь, то есть знаешь то, что имеет значение. В Риме мне нужна была ваша помощь, хотя убить Орацио Бальони оказалось

гораздо легче, чем я думала. Было достаточно заставить его поверить, что я не удовлетворена вниманием Алессандро, и заманить на чердак. План дворца я изучила по рисункам Рафаэля в коллекции Алессандро.

Графу ди Спелло я нарочно показалась на глаза, когда целовала Федерико, и он решил, что может меня шантажировать, получив выкуп в том месте и в то время, которое назначила я. Я выбрала это место накануне утром, когда вы ушли в монастырь.

Хотя вы можете обидеться, что вас использовали, я вас любила со всем пылом, я и теперь вас всех люблю, и потому ты должна поверить тому, что я хочу сообщить.

Вас уже предали. Декрет, который должен быть принят в Тренто, уже подписан в Риме. Вашу веру упразднят навечно как ересь. Сэр Реджинальд Поул, если ему не удастся стать Папой, уже готов уехать обратно в Англию, где Генрих VIII находится при смерти и королева Мария нуждается в помощи Поула в правлении. Мороне смирится с новым Папой и продолжит управлять церковью, как прежде. Вам же остается выбор между костром и вечным погребением в монастыре. Но не в Орвьето, который похож на королевский

двор, а в монастыре, где до вас не будут долетать никакие вести из внешнего мира.

Приезжайте сразу же ко мне в Грецию, там есть острова, которые купцы не позволяют тронуть ни туркам, ни христианам. Там мы сможем жить свободными. Все идеалы не стоят одного дня вашей жизни. Оставьте мужчинам религиозные игры.

Даже если ты не захочешь послушаться меня, никому не открывай истинной причины смерти Пьерлуиджи. Будет лучше, если мужчины и дальше будут верить, что это мужское преступление и что они и есть подлинные хозяева мира.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Рената (Рене) Французская (1510–1575). После смерти мужа уехала из Феррары в свою французскую вотчину Монтаржи, где основала протестантскую колонию, в которой находили убежище от преследований протестанты со всей Европы. В 1562 году сумела с оружием в руках защитить свой феод от войска католиков под предводительством герцога Гиза.

Виттория Колонна (1490–1547). Умерла в Риме 25 февраля 1547 года, в монастыре, куда удалилась после того, как публично высказала сожаление по поводу решения Тридентского собора, абсолютно противоположного тому, что предложил Реджинальд Поул. Римская инквизиция признала ее одним из главных распространителей лютеранской ереси, поскольку на первых же процессах вскрылись ее связи и переписка со многими подследственными.

Джулия Гонзага (1513–1566). Умерла в Неаполе 16 апреля 1566 года, в монастыре Сан Франческо алле Монаке. Доказательства ее ереси вскрылись

на процессе Пьетро Карнесекки, с которым она состояла в переписке. Карнесекки сожгли живым на мосту Сант-Анджело в феврале 1567 года. Бывший инквизитор Микеле Гизлиери, назначенный кардиналом Павлом IV и ставший Папой Пием V (причислен к лику святых в 1712 году), публично сокрушался, что не может ее сжечь, ибо она уже умерла.

Элеонора Гонзага (1493–1550?). Присутствовала при бракосочетании своего сына Гвидобальдо с Витторией Фарнезе и медленно угасла в Урбино. Процессы инквизиции ее не коснулись благодаря покровительству ее брата, всемогущего кардинала Эрколе Гонзаги.

Джованни Мороне (1509–1580). По приказу Павла IV был заключен в замок Святого Ангела 31 мая 1557 года и подвергнут жестокому процессу инквизиции. Освобожден после смерти Папы, когда в ходе народного восстания была сожжена резиденция инквизиции в Риме, Карчере ди Рипетта, а вместе с ней и все документы с 1542 по 1559 год.

Реджинальд Поул (Поль) (1500–1558). После смерти Папы Павла III Фарнезе кардиналу Поулу не хватило всего одного голоса в конклаве,

чтобы стать очередным Папой. Утром 5 декабря 1549 года на заседании конклава кардинал Карафа назвал его еретиком и обвинил в участии в издании книги «Благодеяние Христа», тем самым аннулировав его избрание, которое до сего момента считалось решенным. После 1550 года Поула перевели в Англию в качестве папского легата. Став Папой, его соперник Джампьетро Карафа немедленно потребовал его экстрадиции, чтобы учинить над ним процесс инквизиции в Риме. Королева Мария Тюдор воспротивилась экстрадиции Поула. Он умер через несколько часов после ее кончины. По словам наиболее преданных из его друзей, смерть спасла Поула от приговора инквизиции.

Джампьетро Карафа (1476–1559). В 1542 году основал Римский трибунал Святой палаты для борьбы с ересью и пользовался широкой сетью осведомителей, чтобы выявлять и искоренять несогласных в курии. Он сорвал избрание Реджинальда Поула Папой и, после собственного избрания в 1555 году Папой под именем Павла IV, сделал все, чтобы арестовать его и учинить над ним процесс инквизиции. Фанатизм Карафы вызвал после его смерти 18 августа 1559 года взрыв народного негодования, в результате которого

была сожжена резиденция инквизиции в Риме.

Близнецы Карло и Алессандро Фарнезе родились в Риме 27 августа 1545 года от Оттавио Фарнезе, внука Павла III, и Маргариты Австрийской, незаконной дочери императора Карла V. Их крестили в церкви Святого Евстахия в день праздника по случаю одиннадцатой годовщины избрания Павла III Папой, 3 ноября 1545 года.

ЖЕНСКИЙ КЛУБ MONA LISA

Антонио Форчеллино — архитектор и историк искусства, один из самых видных европейских специалистов по культуре эпохи Возрождения. Его перу принадлежат книги «Микеланджело Буонарроти. История еретической страсти», «Микеланджело. Беспокойная жизнь» и «Рафаэль. Счастливая жизнь».

Роман «Червонное золото» — сплав детектива и любовной истории. Его герои полны необузданных страстей и желаний, они проживают жизнь ярко, как будто каждый миг может стать для них последним.

«Corriere della sera»

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.